

Восток

— **ЖУРНАЛ** —

**КНИГА
2**

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

1 9 2 3

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ

Гиз. № 3990. Главлит. № 5306.
Отпечатано 4.250 экземпляры.
„ПЕЧАТНЫЙ ДВОР“
Тип. Государственного Изд.
Петроград, Гатчинская, 26.

ИНДИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН

(BANDE MATARÁM)

Приветствую Мать,
Многоводную, плодородную, освежаемую санталом,
Темнеющую всходами Мать.

Сияющую близною лунных почей,
Усеянную пышными цветами и прекрасную листвою дерев,
Благостно улыбающуюся, сладко говорящую,
Радость дающую, дарующую желанное — Мать.

Приветствую Мать!
Грозец гул семидесяти миллионов голосов!
Дважды семьдесятю миллионами рук подняты острые мечи!
Кто скажет, Мать, что ты бессильна?
Многосильную почитаю, избавительницу,
Вражых полчищ отразительницу — Мать!
Ты — мудрость, ты — закон,
Ты — сердце, ты — мозг,
Ты — дыхание в теле!
В мышцах ты, Мать, сила;
В сердце ты, Мать, вера;
Твое изваяние мы воздвигнем
В каждом храме.

Ибо ты — Дурга, десять мечей держащая,
Ты — Камала, нежащаяся на листьях лотоса,
Речи и Мудрости подательница,
Поклоняюсь тебе.

Почитаю Камалу, незапятнанную, несравненную;
Многоводную, плодородную Мать!
Приветствую Мать!

Темную, невинную, благостно улыбающуюся,
Защитницу и кормилицу — Мать!

Перевел с бенгальского

М. Губянский

Выше дан перевод стихотворения, которое заслуживает названия индийского гимна, по крайней мере, бенгальского национального гимна. Автор его — известный бенгальский писатель *Б. Ч. Чаттерджи*, живший с 1838 по 1894 год. Оно включено автором в 10-ю главу исторического романа «Ананда Мат», вышедшего в свет в 1882 г. Долгое время стихотворение это сохраняло преимущественно литературное свое значение, но в 1905 году, когда актом о разделении Бенгалии — впоследствии отмененным — было вызвано сильное возмущение национального чувства, националисты стали петь это стихотворение на улицах и в собраниях, и английскими властями было даже издано распоряжение о запрете этого гимна. С тех пор известность его все увеличивалась; теперь он стал, по выражению индолога Дж. Д. Андерсона, индийской Марсельезой и пользуется большой популярностью даже за пределами Бенгалии.

Гимн по содержанию близок к весьма многочисленным гимнам в честь богини *Дурга* («Недоступная»), она же *Кали* («Черная»), — богини, с одной стороны, страшной и мрачной, как это видно уже по приведенным ее именам, — кровожадной вонгельницы, — но соединяющей в себе, с другой стороны, за этими темными и светлые черты и называемой обычно своими поклонниками *Мать*, *Защитница* и т. д.

Но именно благодаря этому сочетанию воинственного и материнского, богиня Кали может служить олицетворением идеи родины, также являющейся в двойственном облике Матери и Вонгельницы. Отождествляя родину с *Кали*, Чаттерджи, таким образом, с одной стороны, находит для этой идеи знакомое всем конкретное воплощение, с другой же стороны, дает новое истолкование образа богини, уже не религиозное, в обычном смысле, но национально-политическое. Это «синкретическое мифотворчество» оправдывается также и тем, что в сложном образе богини Кали всегда просвечивали и черты *богини земли*. Кроме того, автор в других местах романа дает еще и аллегорические толкования эпитетам гимна, в роде того, что Мать-родина *черная* (Кали), ибо она погружена во мрак завоевателями-мусульманами, о которых идет речь в романе и т. д.

Гимн написан на бенгальском языке, настолько изобилующем санскритизмами, что правильнее было бы назвать его языком смешанным санскритско-бенгальским. Собственно-бенгальские слова и обороты имеются лишь в строках 11-й и 17—19-й. Остальные строки заполнены преимущественно санскритскими существительными и прилагательными. Но санскритский язык вообще не может считаться вполне «мертвым» языком; словарь же санскрита в значительной своей части перешел в ново-индийские языки. Поэтому гимн вполне понятен современной Индии, а в частности, именно из-за своих многочисленных санскритизмов — и вне пределов Бенгалии.

В переводе сделана попытка достигнуть близости к содержанию и духу подлинника, насколько это возможно при прозаическом переводе стихотворных текстов.

М. Т.

КНИГА О СОЛОВЬЕ

(«БУЛЬБУЛЬ-НАМЭ»)

ФЕРИДЕДИНА АТТАРА

Феридедина Аттара знают на Западе, главным образом, по трем произведениям, изданным западными ориенталистами, — двум поэмам: «Книге Советов» и «Беседе Птиц» и прозаическому сочинению — «Записке о святых».

Из биографии его мы знаем довольно мало. Родился он в Нишапуре около 1150 г. п. Р. Х., в правление великого Сельджука, султана Санджара. Был он сыном аптекаря и в наследство от отца получил аптеку, где и продолжал дело, начатое отцом. Он сам говорит в своей поэме «Книга Тайн», что многие из своих сочинений писал в аптеке, где его осаждали, прося совета и лекарства, более пятисот пациентов.

Известно также, что он много странствовал по мусульманскому Востоку, бывал даже в Египте и в Индии, потом вернулся назад и обосновался опять в родном Нишапуре. Небольшая поэма в рукописи Азиатского Музея Академии Наук, присоединенная к «Книге о соловье» и озаглавленная «Совет дорогому сыну», заставляет предполагать, что к тому времени он женился и дождался счастья увидеть сына, ибо в начале поэмы он говорит:

«Новый месяц восходит через тридцать дней:
Ты явил мне лик через шестьдесят лет».

Казалось бы, теперь жизнь его должна была мирно завершиться среди семьи, привычного дела и творчества, но судьба захотела иного.

Аттар выпустил в свет поэму «Проявление Чудес», посвященную прославлению четвертого халифа Алиа и проникнутую духом шиитства. Это вызвало преследование со стороны суннитов, автора осудили, конфисковали его имущество и изгнали из родного города. На старости лет поэт снова должен был превратиться в бездомного странника и умер около 1230 г., как утверждает легенда, от руки монгольских завоевателей.

Скромность была отличительной чертой Аттара: за всю жизнь, — говорит он, — его перо ни разу не было осквернено славословием власть имущих, что подтверждает и суровая критика поведения придворных поэтов, которую мы находим в «Книге о соловье».

Эта скромность перелилась и в его поэзию. Формальная сторона, которой на Востоке придается первостепенное значение, для него не важна. Он не гонится за изысканными оборотами речи, за бесконечными метафорами, метонимиями и т. п. приемами, столь излюбленными персидскими поэтами. И если при всем этом его рифма все же не бедна, а подчас изумительно звучна и интересна, то причиной этому не поиски и погоня за ней, а только подлинный поэтический дар, живой струей бьющий в поэте.

Что касается содержания поэм Аттара, то в основе своей все их темы сводятся к одной: изложению мистического пути мусульманского подвижника, охваченного любовью к «Единому Другу» и разбивающего узкие грани личной индивидуальности, чтобы в полном самоуничтожении слиться с единым «Я».

Часть поэм состоит из отдельных различных рассказов и легенд о «святых» и подвижниках, рассказов, собиравших которых Аттар посвятил большую часть своей жизни и которые послужили главным материалом для сборника жизнеописаний «святых», написанного прозой. Другая часть — экзотические, доходившие почти до безумия славословия единой истинной любви, где Аттар забывает обо всем мире и только в страстном порыве повторяет основные положения своего символа веры. Такова, например, небольшая поэма «Книга безумия», начинающаяся и заканчивающаяся выкриком:

«Я — бог, Я — бог, Я — бог!»

Легенда рассказывает, что Аттар, будучи преклонных лет, встретился с восходящим светилом Джелаледдином Руми, которому тогда было пять или шесть лет. Старый поэт сразу понял, кого он видит перед собой, и подарил мальчику рукопись своей «Книги Тайн», как бы намечая его в свои преемники. Легенда эта, конечно, исторического факта под собой не имеет и изобретена кем-нибудь из составителей жизнеописаний поэтов. Но хотя это и легенда, нельзя отрицать, что соотношение Аттара и Джелаледдина Руми ею выражено очень хорошо. В молодом поэте мы видим завершение того дела, которое было начато его предшественником. Большая поэма его, знаменитая «Месневи», построена так же, как и поэмы Аттара, без определенного сюжета, без задания, — ряд рассказов, как бы случайно плывущих друг за другом, связанных только ассоциацией мыслей, в данный момент возникших. С другой стороны, и это пламя, эти бурные порывы Аттара тоже нашли свое выражение в его преемнике. Аттар и Джелаледдин Руми — это как бы одно и то же явление, луч, пропущенный через призму и падающий на два экрана, на более близком он меньше, на далеком он разросся до необычайных размеров. Если Аттар поэт персидский, то Джелаледдин уже мирового масштаба, который, будь он известен шире, стал бы достоянием всего человечества, подобно Шекспиру и Гете.

Мне уже приходилось упоминать, что в числе поэм Аттара имеются и совершенно небольшие законченные произведения. С одним из них, «Книгой о соловье», мне и хотелось бы познакомить русского читателя. Сюжет поэмы прост до чрезвычайности: соловей влюблен в розу, стоны и жалобы его тревожат остальных птиц, и они зовут его на суд к дарю Соломону, который по Корану является властелином не только людей, но и всех птиц, и животных, и злых духов. Соловей, защищаясь, нападает с резкой критикой на своих противников, но, в конце концов, смолкает, выслушав резкую отповедь удода, птицы, особенно близкой Соломону и обладающей мистическим прозрением.

Но, конечно, суть поэмы не во внешней фабуле. Все это только аллегория, прикрывающая истинное значение рассказа. Соловей — это поэт и, притом, поэт, бегущий от шумных прелестей придворной жизни, в уединении, в глуши воспевающий «Единого Друга», опьяненный вином из чаши «божественной любви».

Другими словами: ясно, что в соловье мы должны видеть самого Аттара, не даром все характерные черты соловья вполне покрываются его биографией, очерченной выше.

Современники, не постигающие истинного значения произведений поэта, зовут его на суд и обвиняют в безнравственности и разврате. Поэт в оправдание дает критику правителей и придворных. Быть может, во всем этом эпизоде можно видеть отголосок катастрофы в личной жизни поэта, о которой говорилось выше: предания его суду и обвинения в ереси.

Критику свою поэт начинает с «царя птиц», Симурга, самого султана.

Не зная времени написания поэмы, конечно, нельзя сказать, к какому султану относится эта характеристика. Несомненно только, что это не Санджар, ибо этому вонну отнюдь нельзя было бы поставить в упрек увлечение гаремной жизнью.

Обличив султана, поэт переходит к феодалу, воинственному аристократу — соколу. Далее следует поугай — придворный поэт.

На смену ему выходит павлин, придворный красавец, паж и любимец султана.

За павлином — коршун, старый ученый, копающийся в древних документах, питающийся падаley.

Наконец, последним появляется удод, святой, старец-мистик. Его Аттaр упрекает в лицемерии и недостатке справедливости.

Но значение поэмы этой аллегорией не исчерпывается. Под покровом этого рассказа кроется еще другой смысл. Последние слова удода — самый резкий удар: «сначала поговорим о субстанции, потом уже речь об акциденциях». Подробный разбор этих слов завел бы нас слишком далеко и потребовал бы изложения всей суфийской доктрины, чего узкие рамки статьи не позволяют. Поэтому попробуем набросать объяснение в нескольких широких штрихах, только наметив самые контуры.

По учению суфиев, физический мир создается божеством, духом, через ряд эманаций, в которых дух претерпевает постепенное оплотнение. Таким образом, дух как бы закреплен в материи, несовершенной и преходящей, и стонет об освобождении и возвращении к своему вечному первоисточнику. Человек есть тоже духовная сущность, подобная ангелам, даже более высокая, и лишь в силу земных условий оторванная от непосредственного общения с духом. Задача человека, — идя путем суфизма, разорвать эту разобщенность, снова слиться с вечным миром и уничтожить свое преходящее «Я», которое является лишь призраком, лишенным сущности, уничтожив его, утонуть в море «божественной любви».

Подходя с этой точки зрения к человечеству, можно сказать, что всякий индивидуум лишь мираж и облако. То, что в нем ценно, это частица «божественного духа», заключенная в его теле. Удод об этом и говорит, предлагая отложить разговор об акциденциях, свойствах, преходящих и случайных, оплотнении духа. Зачем толковать о людских недостатках? Все это только свойство «несовершенной материи»; не старайся отыскивать их в людях, поговорим лучше о субстанции, о том «божественном ядре», на котором зиждется все мироздание.

Таким образом, вкратце формулируя мистический смысл поэмы, мы можем сказать следующее. Человек ослеплен красою физического мира (роза). Правда, это ослепление необходимо, оно лучше мертвенной науки, погони за богатством и подлой лести, но оно не есть последняя цель. Человек должен пройти страстный подъем любви невечной, дабы подготовить себя к восприятию «любви непреходящей». И если человек слишком отдастся культу красоты, от «небесного престола» летит вестник (сокол), человека похищают, земные красоты без него осыпаются и превращаются в прах, а он должен предстать на суд и ответить.

Здесь затронута, конечно, лишь небольшая часть мотивов, проходящих в самой поэме. Но эти замечания уже показывают, какое обилие мотивов заключено в столь небольшом по объему произведении. Я не стремился к исчерпывающему его анализу; во-первых, сделать это, обладая одной рукописью, почти невозможно, во вторых, это завлекло бы нас в слишком специальные области. Если я все-таки подверг эту поэму столь обстоятельному разбору, то только потому, что русскому читателю, не ориенталисту, эти вопросы должны быть слишком чужды, отголоски, возникающие при известных образах в сердце иракиста, ему не знакомы, ведь же эта заслуживает того, чтобы ее действительно оценили. Перевод «Бульбуль-намэ» (Книга о соловье) мною дается, как доказательство того, что произведения Аттара не только материал для построения схемы суфийского миропонимания, но и поистине художественные творения, достойные занять подобающее им место на страницах истории персидской литературы.

Е. Б.

1. ВСТУПЛЕНИЕ.

Возьми калам¹⁾ и поведай тайну сердца, начини рассказ во имя тайно-веда господа: ему лишь одному пристало испосылать рабам хлеб засушенный.

Небосвод от него получил высоту, земля—низины, от него два мира²⁾ получили облачение бытия. Он возвышает этот зеленый небесный свод, он зажигает расплавленное золото солнца.

Калам — водолаз в море истины, все слова его подобны золотым самородкам. Когда калам описывал горе разлуки, лились кровавые слезы, как кипящая смола.

2. ПТИЦЫ ПРИХОДЯТ К СУЛЕЙМАНУ³⁾.

Слыхал я, что в век Сулеймана, которому были покорны и дивы, и пери, птицы собрались во дворце Сулеймана и подняли крик, жалуясь на соловья. Стопали они, как тростниковые флейты, и ударяли себя когтями то по голове, то по груди. Раскрыли все они с рыданиями клювы и долго-склоняли к земле крылья и перья. Все тайны, сокрытые у них на сердце, одну за другой поведали Сулейману.

Все они жаловались на соловья, все говорили, рассказывая о нем: — «Он — проповедник садов и дугов, его жилье и стоянка среди кустарника. Он презренен, печален и творит злые дела, но это птичка, обладающая сладостными речами. Постоянно носит он платье, лишнее красок, но товар его — лицемерие, хитрость и опьянение. Ни на мгновение он не прекращает ароматной, как мускус, песни, но никого не уважает. На сотни ладов, разными напевами заливается он, когда настает время весны и роз. Как котел на огне, кипит он, не спит, стонет всю ночь. Не сладостен сон этому негодяю, ибо неучи всегда возвышают голос, когда молчат образованные люди. Тело у него слабое, но голос очень громкий, один бог знает, сколько у него разных хитростей!

О господни, поступи с ним по справедливости, прекрати его крик в садах и рощах! Если же нет, тебе передаем решение, освободи нас из рук таких презренных существ».

3. СУЛЕЙМАН ПОСЫЛАЕТ СОКОЛА ЗА СОЛОВЬЕМ.

Когда Сулейман выслушал от птиц этот рассказ, он вспыхнул, забушевал и раскричался. В тот же миг он приказал соколу:

— «Эй, скорее, лети, как пламя, и возвращайся назад, как дым! Погляди, что это за птица, от которой стонут все остальные птицы. Имеет ли она удел в познаниях или нет? Имеет ли львиную силу или нет? Скажи: почему она питает отвращение ко множеству? Кто дал ей, скажи, право на

¹⁾ Тростниковое перо.

²⁾ Мир физический и мир духовный.

³⁾ Царь Соломон Библии.

единство¹⁾? Почему соловей ни на миг не вспомнит обо мне и моем дворе и не опоянется на служение нам? Быть может, он юродивый, опьяненный, он вне себя, он постоянно забывает про различие добра и зла? Говорят, что тело его слабо и тщедушно, а стои его раздастся среди всех розовых кустов. Когда приблизишься к нему, улыбайся, а не то от страха он, не дай бог, может умереть... Не говори с ним грубо, приложи к губам палец, скрывай от него клюв и когти».

Полетел быстрый сокол, — клюв его обладал силой льва, — полетел за кровью бедного безобидного соловья. Ядом омочил он клюв и когти, грозно распростер свои крылья. Поделовал ковер служения султану и облекся с головы до пят в кольчугу.

Признак доброго слуги в том, что он узнает, как начать дело прежде чем приступить к нему. Вельможам — приказывать, низшим — полагать свою душу в выполнении дел вельможи. И вот сокол, повинуясь приказу, прилетел в двеник. Соловей, словно опьяненный, стонал в саду. Красота сада — в его тенистости, стоны соловья — от его страданий. Сладостным показались уху сокола соловьиные жалобы, глазу его сладостными припились цвет и аромат розы. В одно мгновение любовь вознесла сокола до самого неба — свода, всех героев любовь лишила дара речи!..

Когда сокол пришел в себя от смятения, он приступил к наказанию соловья.

4. ПРОЩАНИЕ РОЗЫ И СОЛОВЬЯ.

Соловей говорил розе:

— «О ты, озаряющая сердце, зажги светоч приязни! Поидем, эта ночь — ночь ласки и нежности, ночь длинна, как локоны луноликих красавиц. Считаю счастьем провести с другом ночь до рассвета, будем сообщать наши тайны до рассвета. Когда два нежных друга хотят поведать тайны, рассказывают они о минувших днях. Этот миг — вечный рай, но не всякому он доступен.

Как-то ночью, вдалеке от губ и зубов чужих, кусал я зубами губы друга. Пришел садовник, сказал розе: «Скажи-ка, кто же это любил тебя сегодня ночью? Кто сорвал покров с твоего прекрасного лица, кто кусал зубами твои рубиновые уста? Ты лила дупование весеннего ветра и распустилась, не должна ты достаться рукам первого встречного». — «Уста мои увлажняла ночью до рассвета роса, пришел ветерок, наполнил рот мой золотом. Рот мой смочила кровь соловья, и вот, словно капли виднеются на губах моих».

Не забудь обеты верности, приди в объятия, милая жизнь моя. Таких слуг, как я, у тебя тысячи, — бросивших голову к твоим ногам. Но таких, как ты — нет для меня в мире, ни мгновения нет мне покоя, стремлюсь я обнять тебя. У тебя есть тысячи любовников лучше меня, но мне, без прекрасного лица твоего, жизнь в тягость. Губы мои пересохли, очи мои льют слезы,

¹⁾ Т. е. почему соловей избегает общества и предпочитает уединение. Но вместе с тем под «множеством» можно подразумевать множественность явлений физического мира и под единством — «единое реальное бытие», бытие бога.

ведь дождь—жизнь для иссохшей земли. Боюсь я небосвода, каждого его поворота: злых он сделал счастливыми, добрых унизил. В один поворот он меняется, проходят тысячи злых и добрых дел. Тебя сожгут в пылающем горне, мне разожгут пламя в сердце. Тебя заставляет молчать весенний ветер, меня делит разлука с тобой. Да не будет мне света без тебя! Да не будет дня разлуки в ночи свидания с тобой!»

В таких мыслях были они до рассвета и не знали решения судьбы, но не успело показаться войско яркого дня, как по воле судьбы упала на них разлука и пришло расставание.

5. СОКОЛ ПЕРЕДАЕТ СОЛОВЬЮ ВЕСТЬ.

Сокол сказал соловью:

— «Вставай, несчастный, идем, ухватись за мое крыло! Если муравьи хотят увидеть Каабу¹⁾, они садятся под маховое перо соколов. Сулейман зовет тебя на суд, песни все веские доказательства, какие у тебя имеются. Что ты ему скажешь, как себя назовешь? Ты бродишь по миру, не зная печали, ты ослеплен краской и ароматом розы и удалился от Сулеймана. Зачем твое сердце радуется тленной красе? Почему ты противишься велениям властелинов? Не отворачивайся от престола даря, ибо отвернувшись, останешься связанным по ногам. Если хочешь стать славным в мире, броди по переулкам власть имущих!»

6. РАССКАЗ.

Нищий бедняк, обездоленный, смятенный, направил однажды свой путь в Ширван²⁾. Около жилища правителя области поселился он в маленькой комнатке у ворот. Больше года он, нагой, прислонялся к стене дома правителя. Один из приближенных увидел его издали и раскрыл миру тайну. Визирь шаха сказал нищему:— «С какой целью ты сишь в пыли на дороге?»— «Я прислоняюсь к стене затем, что, быть может, когда-нибудь ты допустишь меня и во дворец». — Эти слова были приятны слуху хана, и он нанюхал его полы и рот золотом. Стал он приближенным и столь дорог был его величеству, что приказы его были действительны во всем Ширване.

7. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ СОКОЛУ.

— «Ты никогда не был влюблен, ты еще не пламя, ты подобен дыму. Пока ты не потеряешь душу во влюбленности, ты никогда не будешь знать цены влюбленным. Тот пьет сладостное вино влюбленности, кто забывает себя самого. Признак влюбленности — высота разума, путь разума в любви — перазумие. Скажи Сулейману: О свет господень! отвори от нас поводя веления. Ты потому не можешь притеснять нас, что нельзя осуждать безумных и влюбленных».

¹⁾ Святилище в Мекке.

²⁾ Область, приблизительно соответствовавшая Бакинской губернии, где правила династия Ширван-шахов.

8. СОКОЛ ПОХИЩАЕТ СОЛОВЬЯ.

Соловей не шел ни на ласки, ни на просьбы, и сокол, как турок, перешел к грубости. Ударил когтями и, подняв его на воздух, два-три раза сжал в когтях. Когда соловей увидел, что все пропало, что сам он бессмен, а друг потерял, он воскликнул:

— «От тебя мне и мед и жало! Я опозорен пред миром, спусти покров! Если ты был героем и проявил величие, будь милосерд, как лев, оставь волчьи повадки! Оставь меня, чтобы я мог приготовить в подарок Сулейману славословье от души и сердца. Таков обычай мудрых мужей, во всяком деле они дальновидны. Когда мудрецы идут к дарям, они излагают в стихах свои утренние молитвы. Кто окажется с пустыми руками, тот всегда будет в ничтожестве. Три средства приблизиться к дарям: искусство, деньги, красноречие. Нет у меня ни денег, ни искусства, но есть клад словесный, и его я принесу в дар».

Сокोल сказал соловью:— «Что же, сочиняй славословие и лети скорее, лети весь от головы до нят! Путь перед нами, зачем же мы отстаем? разве крылья наши устали, ноги связаны? Летим, распушим сразу крылья, головой нашей смерим этот путь».

9. СОЛОВЕЙ ПОСЫЛАЕТ ВЕСЕННИЙ ВЕТЕРОК ГОНЦОМ В ЦВЕТНИК.

Когда поднялись они на вершину горы, утренний ветерок летел в цветник. Соловей с мольбой ухватился обеими руками за полы его, ради друзей своих, и сказал утреннему ветерку:

— «Вставай, лети и ухватись за подол моей возлюбленной! Спроси, как без твой покой без меня? У меня без тебя все сердце — одна капля крови. Вот что со мной в разлуке, — о, покой моего сердца! — не осталось у меня ни терпения, ни разума, ни покоя. Сердце мое привязалось к тебе, забыв о сладкой жизни, его любовь — как любовь Хосрова к Ширине ¹⁾. Если увижу я тебя еще хоть раз, посижу с тобою хоть миг наедине, то все горе мира для меня станет пустяком, и если я не умру до того, то буду бессмертным. Пусть только око близких увидит твой лик, пусть горе людское никогда не заходит на твою улицу! Если даст бог мне жизнь, я останусь в живых, если нет — отдам душу в разлуке с тобой».

10. ВЕТЕРОК ПРИЛЕТАЕТ В САД.

Прилетел утренний ветерок в сад и показался ему цветник темной печью. Роза отчаялась увидеть соловья, разорвала рубашку, сидела в крови, тысячи шипов в ногах, ноги увязли в глине, разлука с соловьем засела в ее сердце. Как ветка на дугу, склоняясь и подымаясь, грустно — грустно говорила она:

¹⁾ Хосров Парвиз царь династии Сасанидов; его любовь к царевне Ширине служила темой для многих поэтов в Персии.

— «О друзья, хорошо нам было вместе в саду, все птицы завидовали нам. Пусть же слепота постигнет завистников! Пусть не будет разлуки между друзьями».

11. СОЛОВЕЙ ПРИЛЕТАЕТ КО ДВОРУ СУЛЕЙМАНА.

Когда сокол прилетел во дворец Сулеймана, все птицы стояли, выстроившись рядами. Соловей склонил голову к земле, соловей опоясался и раскрыл уста. Восхвалял он царя и прославил, пропел Сулейману много славословий и молитв:

— «Ты тот царь, который держит в покорности и муравья, и змея, и человека, и хищников, и дивов, и пери. Нет государя лучше тебя, благородного венценосца, дарящего венцы. Ты — посланник божий, ты — царь вечный, помыслы твои выше недостатка и совершенства. Если только даст мне в будущем терпения бог, душа моя впредь будет отдана в жертву служения тебе. Я удалился от службы тебе, ибо не считал себя достойным служить тебе».

12. ОТВЕТ СУЛЕЙМАНА СОЛОВЬЮ.

Сулейман сказал:

— «О красноречивая птица, почему ты пьешь вино, словно бражник? Ты то опьянен, то трезв, то сладко спишь, то бодрствуешь. Все птицы в траурных одеждах сидят на земле, подняв лицо к небосводу. Ты каждое мгновение заводишь новый брачный пир, не знаю я, кто ты—гебр ¹⁾ или поклонник магов? Пей вино, что не дает злого похмелья, свойств которого не найти в бытии. Вино, несущее злое похмелье, считай запретным, пусть это будет живая вода! Потому запретили вино, что вино пьют с развратниками. Не опьяняйся на пиру развратников, — опьянение разглашает тайны. Не пей ничего, что отнимает твой разум, иначе ты будешь постоянно в бреду».

13. РАССКАЗ О ХАРУТЕ И МАРУТЕ.

— «Слышал ты историю Харута и Марута? Они были служителями престола господня. Сначала пребывали они ангелами на небесах, потом все тело их стало печалью, словно у дивов. От алчности и похоти они удалялись, не знали опьянения, были невинны».

Когда бог послал на землю Адама, в их душах вспыхнул огонь. Пришли они ко престолу господню и сказали все тайны, сокрытые у них в сердце. Сначала повели они такую речь:

— «Быть может, Адаму и подобал еще халифат, но потомство его предалось блуду и убийству, смятением наполнилось царство земное».

Сочли они себя лучше человека и потому не увидели больше блага. Господь мира дал им приют, послал их в столицу мира. Увидали они лицо

¹⁾ Так называют в Персии последователей религии Зороастра.

прекрасной Зухрэ и перечеркнули пером свое собственное спасение. Влюблись в нее, и все забыли, днем не знали покоя, ночью не спали. Пришла Зухрэ, нагнулась к их ушам, потихоньку сказала на ухо тому и другому:

«Если вы любите меня настоящей любовью, да будет вам запрещен всякий приказ, кроме моего. Облекайтесь в одежды мятежников, творите блуд, убивайте и пейте вино! Если хотите иметь меня подругой, научите меня Высшему Имени» ¹⁾).

Не творили они блуда, не убивали, но, выпив вина, сотворили блуд и убийство. Выдали Зухрэ Высшее Имя и, как камень, упали в колодезь горя. Когда Зухрэ научилась Высшему Имени, оно опалило ее, как пламя; произнесла она это имя и вознеслась на небо, месяц стал ее привратником, солнце стражем.

Остались они на земле, преданные на поругание врагам, опьяненные, горестные. Судьба решает благо и зло, и не могли они остановить ее решения, когда пили вино.

Когда очнулись оба от опьянения, отчаялись они в своей жизни. Вдыхали, и вздох летел, как язык пламени с дымом, — если дело погибло, разве вздох тут может помочь? Пришли они к нам искать прощения, грех — от рабов, прощение — от царей.

«Так стыдимся мы дел своих, что не решаемся даже воззвать о прощении. Назначь нам кару здесь же, ибо там нет ни вчера, ни сегодня, ни завтра».

В Вавилоне висят они в колодезе вниз головой, и нет у них вина, кроме воды отчаяния ²⁾. Приходят люди в Вавилон, на край колодезя учатся на расвете колдовству. Учатся у них, чему хотят, творят насилье и неправду, сколько хотят».

14. СОЛОВЕЙ ОТВЕЧАЕТ СУЛЕЙМАНУ.

Ответил соловей ему:

— «О пророк, нет у нашего вина ни чаши, ни бокала. Мое опьянение от вина тайного значения ³⁾. Чаша его не знает другого вина, кроме него.

Кто влюблен в лицо друга, тот бодрствует всю ночь до утра. Если кравчий унесет сердце, оно бессильно, разве можно тогда есть и спать? Тело мое слабо и тщедушно, о Сулейман, но речами я богаче всех птиц.

Только тот знает мои печали, у кого, как у меня, сердце постоянно обливается кровью. Из тех вин, которые я пил по утрам из рук кравчих божьего величия, если хоть капля прольется в твоё горло, тебя покпнет и разум и рассудок.

¹⁾ Сокровенное имя божие, произнесение которого дает человеку возможность творить чудеса. Употребление его во зло здесь является «черной» магией.

²⁾ Слезы.

³⁾ Значение слов Корана, которое придают ему мистики.

15. РАССКАЗ.

— «Один глоток его дали Мансуру ¹⁾: «Я есмь истина!» — воскликнул он и наполнил мир смятением. Когда поставили ему на ладонь кубок «единства божия», муллы постановили предать его казни. Двести человек из тех, кто дал это решение, тотчас же утратили всякий стыд. Привели его на базар, опьяненного, и он мужественно повиновался, ходил по лобному месту и повторял: «Меня охватила ревность, чужих она не тронула. Не глядел я ни на кого, кроме друга, и поразило меня жало из руки чужих. Один этот взгляд заставил меня забыть себя, и путь мой покрыт позором. Почему бы не осмелиться влюбленному бродить вокруг двorca своей миллой? Тот, кого озаряет светом солнце, разве будет довольствоваться существованием в тени?».

Вздернули его на виселицу вниз головой, и посыпался на него целый дождь камней. От камней, виселицы и веревки он не ощущал боли и ни на мгновение не переставал восклицать: «Я есмь Истина». Вместе с ним зазвучали и двери, и стены, камни, веревка и доски эшафота. Канаты от жизни его были порваны, водой и прахом хотели погасить пламя его любви. Здесь «Я», в самой сущности своей, уничтожилось, «Я» не было здесь, оно было принесено в жертву. Волна из реки хлынула в поле, раскололась раковина, и жемчужину подхватило море. Тысячи людей пили это вино, но все же тайн Истины не разглашали.

И в тот же миг соловей принес клятву:

— «Не буду я более пить вина, то ведает бог! Но стенаю я от любви к розе, каждое мгновение вскипает мое сердце. От любви к розе я изнемогаю каждое утро, и на сто ладов выпрыгиваются из моей груди вздохи. От каждого утреннего ветерка я начинаю плакать, только гора может устоять против силы ветра. Когда же роза покинет сады и цветники, замыкаю я уста, как подчиненный».

Когда Сулейман услышал рассказ соловья, он долго рыдал о разлуке его с розой.

16. СУЛЕЙМАН УПРЕКАЕТ ПТИЦ.

Сулейман сказал птицам воздуха:

— «Вчера вы жаловались на соловья в его отсутствие. Тот, кто один приходит к судье, уходит от него веселым и довольным. Надо говорить в лицо своему противнику, жаловаться в его отсутствие — низость. Если рассказ разумен, говори, где хочешь, он всегда будет выслушан. В отсутствии его каждый из вас был героем, омочившим меч в крови бедного соловья. Соловей прибыл, он здесь, теперь ни один из вас от страха не двигается. Случилось с ним и с вами то же, что было с конькой, мышью и вином.

¹⁾ Абу-л Мугис Хусейн ибн-Мансур ал-Халладж — чрезвычайно популярный среди суфиев мистик. За слова: «Я — истина» (т. е. бог) был при халифе ал Муктадире обвинен в кощунстве и казнен в Багдаде в 922 г. по Р. Хр.

17. РАССКАЗ О МЫШИ И КОШКЕ.

— «Как то почью мышь искала пропитанья, словно муравей, бродила, чтобы отложить на черный день. Ходила по дому виноторговца, искала пшеницы, но пшеницы не видела. Увидела чистое вино, стоявшее в кувшине, вино заставило ее забыть о желанной пшенице. Выпила глоток вина, опьянела и воскликнула:

«Нет мне равной в мире по мужеству. Если весь мир облекут в кольчугу, около меня он забудет про мужество. Весь мир я покорю мечом, на ноги героев наложу цепи. Нет мне равных среди царей, гора не посмеет препятствовать моему войску. Кто же такая эта кошка, этот витязь, царапающий мышам головы? Повелю я мышам в день праздника, и повесят они голову кошки на колу в назидание другим».

Случайно в это время кошка выпила на охоту, пришла и ухватила мышь, два-три раза сжала ее в когтях, и ты сказал бы, что мышь без чувств или мертва. Кошка наказала мышь, а мышь поцеловала ей лапу, в отчаянии била себя по голове, проливая слезы из глаз и восклицала:

18. ЖАЛОБЫ МЫШИ ПЕРЕД КОШКОЙ.

«Радн бога, о царь героев мира, не притесняй меня, взгляни на мое состояние. Я — как бы не существую, если ты существуешь, не карай же ничтожных, ты так величава! Если в опьянении слуга провинится, разве может вельможа страшиться раба? В опьянении все бражники в трущобах бормочут глупые слова. Если дело пропало и человек пьян, то его словам не придают значения. Если хочешь пролить мою кровь, ты можешь, я принесла голову к твоим ногам, распоряжайся. С этих пор я раб твоего переулочка, если буду жива, буду молиться за тебя».

19. ОТВЕТ КОШКИ МЫШИ.

«Не говори по пусту, мышь, молчи! Если попала на огонь, то и жарься на нем. Ты совершила проступок против человеческого и божеского законов, ты опьянилась вином и, если я пролью твою кровь, то по праву. Мне учитель дал добрый совет, этот совет стал для меня благим руководством.

Он сказал мне: — «Если выйдешь в поле, будь ты слоном, а враг твой ничтожнее комара, не успокаивай себя; он вырастет, и жало его пронзит твое сердце». — Не забыла я совета учителя, этот совет словно серыга у меня в ухе. Оставь надежду на спасение, нет для тебя ничего, кроме смерти!»

20. ПТИЦЫ СОБИРАЮТСЯ ВО ДВОРЦЕ СУЛЕЙМАНА.

Слетелись птицы на суд, словно дивы, наполнили криком судилище. Сулейман сказал соловью:

— «Где ты? Чего не выходишь на посидинок с птицами? Птицы пришли с жалобой, если есть у тебя веские оправдания, говори!»

21. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ.

Ответ дал соловей и молвил:

— «О источник света! пусть дурной глаз будет далек от твоего лица! Что сказать, кому сказать истину, разве природа внимлет языку разума? Кто такие — эта жалкая кучка увядших сердцем? Их ноги увязли в воде и глине!

Ни на мгновение они не покидали слишков красавца, с милым не шли в миг свидания. Застыли они, как камень, в своем ожесточении и провели жизнь в пустой игре. Ничего я не знаю об них, потому и сторонился их речей. Потому я удалился, как Сатурн, что никого не видал, кто мог бы стать моим Юпитером. Если вырвется из стесненной груди моей вздох, упадет с небес Марс и Рак, Венера тотчас же разорвет струны на лютне, Меркурий пошлет прахом главу. О чем бы я ни повел речь, она будет сиять как месяц, пробежит слово за словом, как царский приказ. На твое счастье, о властелин мира, да будут по твоей воле дела мира, я выйкну в положение этих несправедливых птиц, скажу, чему предается каждая из них.

22. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ СИМУРГУ¹⁾.

— Ты, Симург, не сравнишься ты ни с одной из птиц, ты не ходишь по тем путям, по которым ходят птицы. Долго ли ты будешь сидеть дома, словно жена? Иди на поле битвы, если ты муж битвы? Ты ушел в море небытия, словно рыба, выйди на поле бытия, если ты царь! Только имя твое и знают в мире, ты только рисунок, изготовленный художником. Если ты называешься царем птиц, — убирай тернии с их пути! Если ты полководец, веди полки! Будь среди воды, но оставайся пламенем! Если ты занимаешь место водителя, отчего ты не выходишь на собрания птиц? Если ты сам ни с кем не желаешь водиться, почему к тебе, как к светочу, летят сотни бабочек? Ты не светоч и не бабочка, что же ты за птица? Не свой и не чужой, кто же ты такой? Ты для того отделился от всех спутников, чтобы спокойнее услаждаться едой и сном... Если ты будешь со всеми, ты станешь силой, станешь похож на светоч, если будешь всем светить! Оставайся среди всех, но служи богу, пребывай словно душа в теле, но забывай о теле. Все твои заботы только о себе самом, почему ты не войдешь в тело, как душа? Чего ты достигнешь уединением? Только с помощью других можно проходить от стоянки к стоянке... Только тот может пребывать в одиночестве, кто умеет начисто отмыть свою внешнюю форму. Если же нет, ты игрушка дивов, среди людей ты стал бесом! Прегради скорее дорогу моим стонам, они в миг развеют по ветру твой призрак!

¹⁾ Симург — таинственная птица, царь птиц, которую никто не видал. Си — перспекки 30, мург — птица, симург — 30 птиц.

23. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ СОКОЛУ.

— «Иди, быстролетный, смелый сокол! Не ослепляйся сапом, богатством и роскошью. Ты доволен, что сидишь на руке у царей, а знаешь ли ты их повадку и обычай? Посадят тебя на руку, а потом бросят в степи, как сухую щепку. Если бы ты помышлял о себе, взор твой наверно был бы устремлен вперед. Зачем выкололи тебе глаз, зачем приучили тебя пить кровь? Связали тебе ноги, открыли глаза, на голову одели колпак беспечности. Как глухие, ты увлечен заботой о себе и не видишь просторов мира. Когда снимут колпачек беспечности с твоей головы, ты не увидишь гнезда, взмахнешь крылами, захочешь взвиться в смелом полете, но привычка к роскоши влечет тебя только к богатству. Увы! если бы умеренность была тебе другом, разве было бы тебе тогда дело до рабства?»

24. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ ПОПУГАЮ.

Попугай сказал:

— «О птица, пожирающая сахар, ты никогда не болела сердцем, как я. Ты торгуешь красноречием, лишенным остроты, а ведь сначала нужна острота, а потом уже красноречие. Если бы ты не болтал так глупо, ты не стал бы никогда пленником клетки. Если ты изучишь науки всего мира, но не будешь знать любви, ты не будешь знать ничего! Итти без водителя, не зная пути, — неразумие, но итти по проторенной тропе — это нетрудно».

25. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ ПАВЛИНУ.

— Иди, птица в нестрых одеждах, подходи! У тебя голова турецкого красавца, а ноги индийского разбойника. Тело твое одето, но душа обнажена, уста полны смеха, глаза плачут. Счистил ты ржавчину с зеркала¹⁾ и оделся в одежды, словно зеркало, переливающее сотнями красок. Если золотых дел мастер вызолотит зеркало, оно перестанет быть зеркалом, а становится только золотом. Если ты торгуешь красотой, окраской и ароматом, зачем же ты прячешь от людей свои ноги? Честь лучше звонкого имени, перья павлина лучше павлина. Если бы ты помнил про свои черные ноги, разве сердце твое радовалось бы внешнему убранству? Ты весь краска, о сущности ты ничего не знаешь, ты весь аромат, о нас ты ничего не знаешь!»

26. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ КОРИШУНУ.

— «Выходи, несовершеннолетний старец, где ты? Почему ты забываешь о милой жизни? Если ты старец, выйди в это; если ты действуешь, где знание и мудрость? Взлети на древо вечности, иначе ты навсегда останешься здесь. Будешь томиться по гнезду, ты, летающий в небесах, и будешь бродить среди праха. Не медли, счастье — высоко, не подходит старцам ребяческая забава. Ты возвысился, но не стал благородным, ты никого не притесняешь, но иптасишься падалью. Твое обоняние ищет зловонной падали.

¹⁾ Зеркала — металлические.

от зловония падали ты уподобился воронам и псам. Не водись с воронами и псами, пойдем, погляди на цветник Симурга. Ты трезв сердцем, отчего же ты не хочешь, наконец, отстать от пожирания падали? В падали ты зарылся головой, отчего ты не возложишь на главу венец знания? Почему ты не станешь влюбленным, вне влюбленности нет существования. Когда опьянившись вином, ты отрезвеешь, ты перестанешь заботиться о своей жизни!»

27. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ УДОДУ.

— «Иди, удад, обладатель святости, скажи, в чем же, наконец, твоя святость? Ты облакаешься в парчу, но нет в тебе мужества, ты носишь высокую шапку, но не знаешь страданий. Сорви с тела этот временный кафтан, сбрось с головы этот разукрашенный венец! Нет в тебе основы, хотя ты венценосец, носить венец тебе не пристало. Ты носишь рубище и разукрашенный камнями венец, но тебе не к лицу ни венец, ни рубище. Путь венценосца — разум и справедливость, а у тебя в руках только ветер. Твои заботы не идут дальше твоего бытия, мои заботы — выше небосвода. Я — птица, стонущая в цветнике, ты — птица, царапающая терновник. Ты был неверен Судейману, я молюсь за него от сердца и души. Разве ты не слышал из древних притч: — кто непокорен, несет то, чего не хочет. — Ты достоин того, чтобы бражники в трусубах проливали твою кровь и делали талисманы. Царь царей земных, подобный Александру ¹⁾, ради справедливости возлагает венец на главу. Иди, снимь с головы венец неправосудия, ибо неправосудие погубило сотни венцов.

28. ОТВЕТ УДОДА СОЛОВЬЮ.

Сказал соловью:

— «О смятенный, зачем ты был несправедлив к ним? Не будь невеждой, ты, бросивший на ветер веру, невежество несправедливо ко всем. Не царапай раненого сердца, не кричи, но как котел, сначала закипи, потом уже начинай шуметь. Любовь к красавцам — клад души, и лучше, чтобы в сердце был для нее страж. Ступай, влюбляйся и гори, но не болтай перед первым встречным о тайнах сердца. Вырвись из оков души, подымись и не рассказывай прежних рассказов. Рассказ устарел, так много раз повторяли его, и не только соловьи излагали его. Уходи отсюда, перестань докучать соперникам, если есть у тебя доводы, давай их! Сегодня я вступлю с тобой в спор, беседа правых обладает ценностью. Если я открою уста только для одного вопроса, я сразу заставлю смолкнуть птицу садов. Первый вопрос ему задам об единении с богом, второй — о вере, третий — о следе следования авторитету других. Первая речь моя с тобой о сущности, потом уже заговорим и об акциденциях».

Хорошо, Аттар! ты красноречив, ты, как должно, пользуешься жизнью!

С персидского перевел

Е. Бертельс

¹⁾ Александру Македонскому.

БИБЛЕЙСКАЯ ЛИРИКА

Литературный организм «Ветхого Завета» обладает таким могучим свойством ассимиляции и поглощения своих отдельных частей, что «Библия» представляется нам *поэтическим монолитом*. Сложность ее состава не дает сразу себя заметить. Инородные куски в ней растворены и окрашены общим цветом. Ничто не выдается вперед *настолько*, чтобы можно было с первого же взгляда отделить его от целого. Ухо не различает в общем строе какого-либо чужого звучания. Это следует считать столько же результатом работ первых кодификаторов и редакторов ветхозаветного канона, итогом их неизмеримо-гениального *мастерства*, отполировавшего и приладившего собранные куски древних писаний до полного исчезновения скреп и швов, — сколько и плодом внушения, оказываемого на нас религиозной традицией, которая немедленно приводит в действие всю мощь своего теологического прагматизма, едва только обнаруживаются пробелы или противоречия, оставшиеся, несмотря на искусство древних составителей в библейской литературе. Наконец, в том же направлении проявляет себя и нивелирующее действие *времени*, покрывшего «Ветхий Завет» единой патиной.

Понадобилось *заостренное* и даже гипертрофированное искусство *анализа*, отличавшее XIX век, чтобы исследовательский глаз мог пробиться сквозь все прикрытия, разглядеть действительную структуру и состав «Ветхого Завета», и произвести то расчленение литературного материала, которое легло в основу современной библейской экзегезы.

Одним из результатов этого явилось дифференцирование представления о том, что такое «поэзия Библии». Из обще-поэтического звучания ее текстов, их величественной и напевной ритмичности, высокого строя и движения ее образов, — ныне могут быть выделены те ее особые части, в которых универсальная, зыбкая, неопределенная поэтичность «Ветхого Завета» получила специальную, ясную, поэтическую *форму*. Эти-то части и образуют в своей совокупности «библейскую поэзию» в *современном* и *частном* значении слова.

Ее древнейшую группу составляют поэтические фрагменты, сохранившиеся в Шестикнижии (5 книг Моисея и книга I. Навина), и далее — в книгах Судей, Самуила и Царей. Перед нами куски песен, гимнов, заклинаний, поминований, очерчивающих круг мира и войны, труда и подвигов, семейных и племенных отношений, политических и религиозных укладов. Частью они так и остались обломками, и вошли в тело Библии, как античные плиты и камни в позднейшие строения христианства; частью же они были реставрированы в некое целое, но эта реставрация была произведена еще

в эпоху первого собирательства ветхозаветного слова, и теперь на свои составные части почти неразложима.

В целом это — лирика эпического склада; *миро-эпический* характер является отличительной чертой всей группы; ее *тон* в соединении с кругом *мотивов* вызывает в нас представление о скудной жизни малого племени, народца-карлика, жившего в окружении таких же малых народцев, в соревновании с ними из-за малых благ, на малой территории, под эгидой малого божества, соперничающего с подобными же божками племен-соседей. Незамысловатая, хотя и глубочайшая древность дышит на нас. Она настолько тесна и самоограничена, что невероятной казалось бы последующая судьба израильтян и иудейства, если бы отдельные строфы и строки этих «песен» и «плачей» не полыхали бы таким могучим, внутренним, скрытым пламенем, точно языком вулканического огня в трещину земной коры, — предвещая, что этому народу нудео-израильтян уже тесно в убогой оболочке своего исторического младенчества.

Под таким углом зрения наши фрагменты становятся верным окном в древность. Библейская история предстает в *обратной перспективе*. В противоположность тому впечатлению «изначальной» предызбранности народа Божия», какое *идет* произвести замысел первоканонистов и внушение догматической традиции, мы видим «жизнь, как она есть». Эта обратная перспектива должна быть еще более прояснена и усилена приемом, который проведен ниже, в предлагаемых переводах: каждый фрагмент озаглавлен *тематическим* наименованием, характеризующим *общее* жизненное положение, отразившееся в данном гимне или заклинании, а не тот эпизод из «*священной истории*» Якова, Моисея или Давида, к которому прикрепила его традиция.

В поэтико-формальном отношении вся группа построена на общем и основном принципе ветхозаветной поэтики: на *параллельном движении образов* в смыкающихся предложениях, создающем прямые, обратные или взаимно-дополняющие ряды. Тем самым и здесь устанавливается наличие *восходящего ритма*, с единообразием ударных единиц в каждом двуряде параллелизма и количественной разностью безударных, промежуточных частей. Это дает слуху ясно различаемую ритмическую сеть акцентуаций и протяженностей, но не дает твердых метрических схем. Знаменитые попытки Биккеля и Сиверса, сделанные на расстоянии двух десятилетий друг от друга и стремившиеся установить определенную форму *метра* в библейской поэзии, характеризуются столько же нарочитостью и обширностью «редакционных исправлений» ветхозаветного текста, сделанных во имя его метризации, сколько и бесспорной неудачей обоих опытов; если же метрические формы иногда и встречаются в Библии, это является исключением, а не правилом, результатом *случайной игры* ритма, а не формально выполненного построения.

Хронологизация этой древнейшей библейской лирики представляет чрезвычайные трудности. Ветхозаветная литературная хронология вообще, в своем целом, крайне неопределенна и спорна. Можно утверждать, что она почти еще не вышла из состояния *рабочих гипотез*, принимаемых для своих целей отдельными исследовательскими школами. Поскольку же она может быть сведена в одно целое, — промежуток между ее определенными веками так велики, что в них бесследно проваливаются события и памятники малых масштабов. Представляется ненужной игрой ориентироваться на ходовые утверждения, что, например, время Деборы, это — 1250-й год до Р. Х., а время Саула — 1020 год до Р. Х. Этот счет на *десятилетия* не серьезен. Для всей этой древней эпохи библейской истории следует твердо принять исчисление круглыми цифрами, в полных столетиях, с неизменными оговорками относительно их приближенности.

В особенности это относится к нашей группе библейской поэзии. Уже самый процесс извлечения ее фрагментов из обще-библейской массы затмевает и без того темные вопросы, а мелкие, вернее — микроскопические размеры отрывков заставляют не столько стремиться к точной датировке их, сколько искать какого-нибудь твердого, *исходного* хронологического рубежа, *по отношению к которому* можно было бы

поставить во временную связь данный отрывок. Это значит, что если исключить некоторые датировки, — главным образом «песнь Деборы» и «плач по Сауле и Ионафане», для которых есть более или менее твердая хронологическая опора, — время возникновения остальных фрагментов может быть определено только *относительно* известных хронологических этапов.

Наконец, что касается *объема* печатаемых ниже переводов, он не охватывает всего поэтического материала древнейшей группы. Но за его пределами осталась не очень значительная часть. Все же отмечаем, что среди непредставленного здесь находятся «Пророчества Валаама», «Благословение Якова», «Благословение Моисея», и др.

А. Э.

1

ПЕСНЬ О РОДОВОЙ МЕСТИ

(«Песнь Лемеха». «Бытие», 4, 23 — 24.

За 1000 лет до Р. Х.).

.
 ... Ада и Цилла, — услышьте мой глас.
 Лемеха жены, — внимайте словам:
 Мужа убил я за рану мою,
 И отрока — за пораненье;
 И если за Канна семикжды мечь, —
 За Лемеха — семьдесят семь раз...

2

ЗАКЛЯТИЕ ПЛЕМЕН

(Фрагмент. «Заклятие Нол». «Бытие», 9, 26 — 27.

За 1000 лет до Р. Х.).

.
 ... Хвала Ягве, богу Сима —
 Канаан же да будет рабом ему!
 И пусть расширит бог Яфета,
 У патров Сима пусть сядет он, —
 Канаан же да будет рабом ему!...

3

ЗАКЛИНАНИЕ К БОГУ-ВОИТЕЛЮ

(Фрагмент. «Числа», 10, 35 — 36.

Около 1000 лет до Р. Х.).

...Встань на брань, о Ягве,
 И да сгинут враги твои,
 И твои супостаты да текут пред тобой!
 Умиришь, о Ягве
 (И пошли благодать свою)
 На мириады мириад Израиля!

4

ПЕСНЬ О КОЛОДЦЕ В ПУСТЫНЕ

(Фрагмент. «Числа» 21, 17 — 18.

Около 900 лет до Р. Х.).

...«Наполнись, колодец!» — пойте ему, —
 «Колодец, что вырыт правителями,
 «Ископан вождами народными
 «Своим скипетром, своими посохами...

5

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЛЮБИМОГО СЫНА

(«Исаак — Якову». «Бытие», 27, 27 — 29.

За 800 лет (?) до Р. Х.).

...Истинно: запах от сына моего
 Подобен запаху поля
 Благословенного Ягве!
 Да подаст тебе бог от росы небес и от туков земли
 Обилие хлеба и вина!
 Да будут служить народы тебе,
 И поклоняться тебе племена!
 Да будешь владыкой ты братьям своим,
 Сыновья твоей матери поклонятся тебе!
 Да будут прокляты проклинающие тебя,
 Благословенны благословляющие тебя!..

6

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НЕЛЮБИМОГО СЫНА

(«Исаак — Исаву», «Бытие», 27, 39 — 40.

За 800 лет (?) до Р. Х.).

...Так: далеко от туков земли — будет жилище твое

И без удела в росе — с вышних небес,

И от меча твоего — будешь кормиться ты,

И своему брату — будешь покорствовать.

(Но время придет: и вот ты восстанешь, и падет его иго с шеи твоей...)

7

ПЕСНЬ О ПОБЕЖДЕННОМ ПЛЕМЕНИ

(Фрагмент. «Числа» 21, 27 — 29.

Около 900 лет до Р. Х.).

Запевка.

Идите в Хешбон!

— Да крешится и строится

— город Сихона!

Песнь.

Вот прянул огонь из Хешбона,

— пламень из града Сихона:

Он пожрал столицу Моав,

— властелина высот Арнона.

Горе тебе, Моав!

— Погиб ты, народ Хамоса!

Беглецами он сделал сынов своих,

— дочерей — добычей сихонской!

.

8

ГИМН БОГУ — ПОБЕДИТЕЛЮ

(«Песнь Деборы», «Кн. Судей», 5, 1 сл.

1200 лет до Р. Х.)

Запевка.

За то, что вожди водительствоваши,

— За то, что народ ратоборствовал.

— славьте Ягве!

Песнь.

Услышьте, цари,
 — внимайте, властители!
 Я хочу Ягве,
 — я хочу воспеть ему,
 Взыграть к Ягве
 — богу Израэля.

* . *

Ягве! когда ты шел из Сеира,
 — выступал с полей Эдомских,
 Земля тряслась, небо капало,
 — и капали тучи влагою;
 Горы шатались пред Ягве,
 — пред Ягве, богом Израэля!

* . *

В дни Самгара опустели дороги.
 Кто шел прямо — пошел околицей.
 Праздны пахари во Израэле, — праздны,
 Пока ты не восстала, Дебора,
 — не восстала ты, мать во Израэле!

* . *

.

* . *

Воспрянь, воспрянь, Дебора,
 — воспрянь, воспрянь, пой песню,
 Подымись и ты, Барак,
 — полони полон, сын Авинаома.

* . *

Сходились беглецы к предводителям,
 — Народ Ягве сходились к вождям своим.
 От Ефрема — старожилы Амалека,
 А вслед — Бенъямин с многолюдьем своим.
 От Махира сходились правители,
 — От Збулона — начертатели заповедей,
 И князья Иссахара с Деборою,
 И Барак, как Иссахар, в дол стопы принес.

Но в кланах Рувима раздумывают.

— Что сидишь ты между загонами,
да слушаешь свирели пастушеские?

— В кланах Рувима раздумывают,
У Гилада за Иорданом спокойствие,

— Мореходствует Дан на путях своих,

Ашер мирно спит у берегов морских,

— У заливов своих тихо жительствоует.

Но Збулон — вот народ, что жизнь на смерть обрек.
С ним Нафтали — на взгорьях нажитей!

Пришли цари, сразились.

— Тогда сразились цари Канаана.

При Таанахе, у вод Мегиддо,

— По себе серебра не добыли.

С неба звезды в бой вступили,

— В бой вступили с своих путей с Сисерою.

Поток Киссона понес его,

— Поток древний, поток Киссона...

Следом шествуй, душа моя, грозно!

Вснять понеслись тогда копыта конские.

От погони, погони за их витязями!

Прокляните Мерос! — приказал Ягве, —

— Прокляните проклятьем ее жителей,

За то, что на помощь не пришли они,

— На помощь Ягве меж героями!

Будь славна между жен Иаиль.

— Между жен во шатре будь славна она:

Он просил воды — молока подала,

— Дала чару молока наилучшего.

А свою руку к колу направила,

— Десницу к молоту рабочему,

Ударяла Сисеру, била о голову,

— Ему прободила висок его.

К ногам ее пал, нисповергся он.

— А где пал, там и лег, бездыханный.

Из-за ставни глядит и вызывает
 — Мать Сисеры из-за решетки:
 Что пойдёт назад его конница?
 — Что замедлился шаг колесниц его?
 Отвечает умнейшая из придворных ей,
 — И сама она вторит словам ее:
 «Верно, взяли, делят добычу они,
 — По одной женщине, по две на воина;
 Много пестрых одежд для Сисеры,
 — Много пестрых одежд, узорчатых,
 Дву-узорчатых (взятых с плеч пленников)»... (?)

Концовка.

Так да падут все твои суностаты, Ягве!
 Твои верные же — точно солнце, всходящее в мощности!

9

ГИМН БОГУ-ПОБЕДИТЕЛЮ

(«Псеход.» 15, 1 сл.

Около 800 л. (?) до Р. Х.).

Песнь начну я к Ягве,
 — ибо ввысь он взнесен;
 Седока и коня
 — он в пучину низверг,
 Но мне сила и слава,
 — в нем спасенье мое,
 Вот мой бог — и восславлю его,
 — бог отца моего — и вознесу его!

* * *

Ягве муж брани,
 — Ягве — имя ему.
 Колесницы фараона
 — он в пучину низверг,
 Ратоборды отважные
 — потонули в море Суф,
 Поглотили пучины их,
 — вглубь пошли они камнем.

* * *

Десница твоя, о Ягве,
 — могуча силой;
 Десница твоя, о Ягве,
 — дробит суностата.

Оби́лем мо́щи твоёй
 — сокрушаешь врагов ты.
 Извергаешь ты гнев свой,
 — как соломѹ, он жжет их.

* . *

Дуновеньем поздрей твоих
 — вздыбились воды,
 Вверх, текут и прынули,
 — отвердели волны средь моря.

* . *

Позамысли враг:
 — «Погонюсь, понастигну я;
 Разделю я добычу,
 — и насытится ею дупа моя;
 Извлеку я меч свой,
 — истребит их рука моя».

* . *

Но ты дунул дыханьем своим,
 — и покрыло их море.
 Как свинец, потонули они
 — в могучих водах.

* . *

Кто подобен тебе
 — средь богов, о Ягве?
 Кто подобен тебе,
 — о взнесенный в святилище?
 Страшный в дивных деяниях,
 — творящий чудесное?

* . *

Ты простер свою руку,
 — и покрыла земля их.
 Ты провел благодатно
 — народ, что избавил ты,
 Направляя его твердо
 — к жилищу святости твоей.

* . *

Народы прослышали
 — и задрожали,
 Ужас объят
 — жителей Филистии.

Тогда-то поникли
 — князя Эдема,
 Вождей Моава
 — охватил трепет,
 Стали унылы
 — все жители Канаана.
 Их обуяло
 — смятение и робость,
 От мощи мышц твоей
 — онемели, как камень.

* * *

Так пусть же пройдет
 — народ твой, Ягве!
 Так пусть же пройдет
 — народ, что обрел ты!

* * *

Его принесешь ты
 — к удельной горе твоей,
 На место, что жительством
 — себе ты избрал, Ягве,
 О, владыка, в святилище,
 — что поставили руки твои,
 Где Ягве будет царствовать
 — навсегда и во веки.

10

ПЕСНЬ О ДВУХ ГЕРОЯХ

(Фрагмент. «I кн. Самуила», 18, 7.
 Около 1000 лет до Р. Х.).

...Побил Саул свои тысячи,
 А Давид — свои мириады!...

11

ПОВСТАНЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

(Фрагмент. «I кн. Царств.» 12, 16.
 Около 900 лет до Р. Х.).

...Нет нам удела в Давиде,
 И наследия в сыне Исае.
 Расходись по шатрам, о Израиль!
 Берегись же за дом свой, Давид!...

12

ПЛАЧ ПО УМЕРЩВЛЕННОМ ВОЕНАЧАЛЬНИКЕ

(Фрагмент. «Давид—Абнеру». «2 кн. Самуила», 3, 33—34.

Около 1000 лет до Р. Х.).

...Разве смертью бесчестною
 — умереть было Абнеру?
 Твоих рук не увязывали,
 — твоих ног не оковывали, —
 Отчего ж, как преступника, так тебя нисповергнули?..
 :

13

ПЛАЧ ПО ГЕРОЯМ

(«Давид — Саулу и Ионафану». «2 кн. Самуила», 2, 19—27.

Около 1000 лет до Р. Х.).

Лань, о Израиль, лежит на высотах твоих пораженная,
 — как пали герои!
 Не говорите в Гате,
 — Не вещайте на стогнах Асклона,
 Чтоб филистимские девы не радовались,
 — Не ликовали дочери необрезанных!

* . *

Вы, горы Гильбоа!
 Ни дождя, ни росы да не будет на вас, поля смертные!
 Ибо щит героев низвергнут здесь,
 Щит Саулов, елеем не смазанный.

* . *

Без крови поверженных,
 — Без тука могучих.
 Лук Ионафана не приходил назад,
 И меч Саулов не возвращался втуне.

* . *

Саул и Ионафан, леповидные, статные,
 В жизни и смерти своей не разлучились они.
 Орлов быстрейшие
 И львов могущественнейшие.

Вы, девы Израеля,
 — плачьте вы по Саулу,
 Что одевал вас в пурпур,
 — хитро изукрашенный,
 Что золотым узорчьем
 — обводил одеянья вам!

* * *

Как пали герои
 — среди ратоборства!
 Ионафан как пал,
 — пронзенный на вѣсах твоих!

* * *

Горько мне за тебя,
 — Ионафан, брат мой,
 Ибо очень любил я тебя!
 Твоя же любовь мне была
 — дивнее женской любви!

* * *

Как пали герои!
 Как поверглись доспехи бранные!

Перев. с древне-еврейского

Абрам Эфрос

ПРОПОВЕДНИК

МАКАМА ШЕЙХА НАСЫФА АЛЬ-ЯЗЫДЖИ

В арабской литературе до второй половины прошлого столетия особенной популярностью пользовался один род произведений, известных под именем «макам». Слово «макам» значит собственно «стоянка», «остановка», впоследствии получило значение «собрания», «сеанса» и, наконец, рассказа, передаваемого в каком-нибудь собрании. Героем макама является, обыкновенно, интеллигентный человек, добывающий деньги у доверчивых людей какой-нибудь ловкой проделкой. В большинстве случаев, макамы составляют цикл, объединенный не только фигурой действующего лица, но и рассказчика, который встречает и узнает героя в самых разнообразных ролях.

Арабы ценят в макамах не содержание, а форму, которая крайне вычурна и едва ли может быть передана на каком бы то ни было языке. Макамы написаны всегда рифмованной прозой в перемежку со стихами, с массой звуковых фигур, литературных намеков, цитат и т. д. Длинной цепью тянется ряд авторов макама, начиная с X века, со знаменитого аль-Харири с его Абу Зейдом Серуджским, хорошо известным благодаря обработке Рюккерта.

Насыф аль-Языджи (род. в 1800 г., ум. в 1871 г.) является уже последним эпигонем этого жанра, последним крупным автором, популярным в арабских странах до наших дней. Он сам относится уже к ново-арабской литературе, в которой занимает почетное место одного из «столпов» возрождения, главным образом, благодаря своим стихам и филологическим работам.

Предлагаемый перевод ставит своей задачей только познакомить читателя со структурой макама; редакция журнала надеется впоследствии представить образцы, передающие по мере возможности и форму оригинала. П. К.

Говорил Сухейль сын Аббáда. Выехал я однажды летом рано, когда только что поднимается птица гадателя ¹⁾, опасаясь полуденного зноя. Приятно было мне ехать после наскучившего отдыха. И вот, спустился я в одну цветущую котловину, над которой летала пряжа сатаны ²⁾. На песчаном холме я увидел сборище людей. Прижал я к бокам рысака стремя

¹⁾ Птица гадателя — ворон, по полету которого очень распространено гадание и до наших дней.

²⁾ Пряжа сатаны — паутины, летающие в воздухе при сильном зное.

и стал оставлять позади себя дорогу, что была впереди. Когда я добрался к этим людям около полудня, оказалось, что там гроб, который они предали земле, и старец на возвышении начал речь. Он говорил: «О благородные родичи и друзья! Люди зоркие и пронывательные! Видели вы, как тесен этот дом, как сдавлен этот мертвец! Долго он старался и усердствовал, упорствовал и заготавливал. Он бросался в опасности и собирал богатства. Посмотрите же, где то, что он собирал? Принес ли он что-нибудь к этому ложу? Долго он возносился и гордился, расточал и роскошествовал, изысканно ел и пил, выбирал лучшее ложе и одеяние, умащался амброй и благовониями. Поразмыслите теперь: как он стал трупом зловонным, неперепошимым, мерзостью, на которую не могут глядеть очи. И если вы уверены в своей вечности и избавлены от могилы, то предавайтесь своим страстям некое время и оставьте то, что вы видели «забытым, забвенным» ¹⁾. А если нет, то спешите, спешите отбросить обманчивый мир! Ведь блажен тот, кто взирает на свою религию, а не на свой мир, кто берет запасы для будущей, прежде здешней. Несчастен тот, кто взирает на близкое, кто ночи проводит в обилии и живет в довольстве, позабыв про «день, что сделает детей седыми» ²⁾. Тут глаза его переполнились слезами, в смирении он опустил голову и продекламировал стихи: «Благо тому, кто боится бога и почитает его, кто душу свою всегда удерживает от страсти.

Он не покупает за прямой путь заблуждения, ведь только у господна благого конечная цель.

Человеку достанется лишь то, к чему он стремился, и будет показано ему это стремление ³⁾.

Здешний мир только сонное видение; пробудитесь же, беззаботные, для ночного пути.

Подберите подол и устремитесь вперед, прежде чем призовет вас глашатай гибели.

Отбросьте все блага и богатства и станьте целью для стрел бедствий.

Давайте богу заем ⁴⁾! Благо тому, кто уплатил полностью! Как глупы люди и ничтожно их разумение:

если бы богатство в этом мире возгласило «Не я ли ваш господь?», они сказали бы: «Конечно!» ⁵⁾.

Покончив свои стихи, он застонал, как в лихорадочной жажде, и произнес: «Все, что на земле — тленно, вечен только лик твоего господна с его величием и благостью» ⁶⁾.

¹⁾ Выражения из Корана 19, 23.

²⁾ День воскресения мертвых и страшного суда. (Фраза из Корана 73, 17).

³⁾ Цитата из Корана 53, 40 — 41.

⁴⁾ Заем из добрых дел, которые зачтутся по воскресении. (Выражение из Корана, 73, 20).

⁵⁾ В Коране 7, 171 таково обращение Бога к ангелам и ответ их.

⁶⁾ Коран 55, 26 — 27.

Он сошел с холма, утирая слезы кончиком плаща, а народу казалось, что он спустился с неба.

Все говорили: «Это из тех, что ходят по воде!».

К нему устремились наперерыв и стали лобызать его руки, стараясь получить благословение, коснувшись его плаща. Каждый одарял его, чем мог, и все зывали:

«Молись, молись!».

Собрав деньги, он устремился к лошади — скорее, чем можно перевести дух. Люди поднялись, прощаясь с ним, потом вышли на дорогу и стали его провожать. Когда он отошел от холма на полет стрелы, вдруг показалась женщина, точно трость пвы, которая поджидала его в том месте. Он плюнул и закричал на нее: «Ей богу, если бы не нужда в спутнике, я бы перед свидетелями развёлся с тобой».

Его стали спрашивать: «Что это за девушка, о человек с благословенными власами?».

«Это жена моя, сказал он, я взял ее с собой в путешествие, чтобы она облегчила мне его тягости. Но усталость ее изнурила, так что она не может идти, и нам нельзя двинуться дальше, а я не могу спешиться, чтобы ей ехать верхом».

К нему подошел юноша с лошадыо, на которой сам ехал, и сказал: «Поезжай на ней, с пиеием бога ее движение!» ¹⁾.

Старец ответил ему: «Да воздаст тебе бог благим воздаянием и воздаянием за благо! Ты сохранишь у нас такую же хвалу как Кяб сын Мамы в племени пумйер» ²⁾.

Потом он упросил народ, и все вернулись обратно, точно с птицами на головах ³⁾.

Сухейль заметил: А уже тогда, когда он откинул плащ, я узнал, что это Маймум сын Хызума и подумал: «Старец вернулся к богу с чистым сердцем ⁴⁾, ведь бог выводит кого хочет на прямой путь!». Только я утаил от него свою мысль, чтобы узнать, попала ли моя стрела в цель. Я вернулся к шедшим обратно и скрылся от него на время. Несколько минут я за ним подсматривал, а потом пошел по его следам. Он подобрался к харчевне по дороге около долины, сошел со своего коня и уединился в уголке двора, разостлав коврик в тени ограды. Я подкрался к нему сбоку и засел в засаде, как подстерегающий добычу. Вот он взял на колени бутыл с вином, точно «нишу со светильником» ⁵⁾ и стал пускать в ход кубки, забавляясь с этой полной красавицей. Когда прохладное вино начало в нем играть, он наклонился на бок и пустился декламировать:

«Пусть облако напойт прах этой могилы; ведь она напоила меня приятным вином.

¹⁾ Фраза из Корана 11. 43 относящаяся там к ковчегу Ной.

²⁾ Кяб — доисламский герой, известный своей щедростью.

³⁾ Пословица для обозначения сосредоточенности и спокойствия.

⁴⁾ Коран 26. 89.

⁵⁾ Выражение из Корана 24. 35.

Я в жизни не пробовал подобного. Один день до полудня доставил мне столько,

сколько я не мог раздобыть и в месяц. Если я и виновен в грехе пьянства,

то людям в проповеди я внушил такие наставления, от которых размягчается и твердая скала.

Этим я свискал великую награду и надеюсь, что у меня найдется извинение

пред Богом на судной стоянке: ведь я искупил грех, прежде чем его совершить».

Когда он кончил свою соблазнительную декламацию, я пизвергся на него, как волк, и произнес: «Мир проповеднику!». Он попятился, точно баран, и сказал: «Меч опередил извинение! ¹⁾ Если ты прихлебатель, то не будь болтуном». «Делай свое дело с вином, продолжал я, а вот кто это такая, из рук которой ты пьешь? Супруга ли, с которой ты заключил брак, или подруга, с которой сошелся?». «Ведь разница между нами, — отвечал он, — в одной только точке, с которой не стоит считаться ²⁾. Но теперь победила меня ярость вина, и язык мой запинаясь в речи, уходи же с миром на эту ночь, а когда мы встретимся утром, я покажу тебе скрытое и отгоню от тебя всякие сомнения».

Я понял, закончил Сухейл, что это одна из его уловок, но пустил его по собственному течению, повернул поворота и поехал к своим делам.

Перевел с арабского

П. Крайковскии

¹⁾ Очень популярная пословица для характеристики решительных действий.

²⁾ В арабском языке слово хайла в зависимости от точки над первой буквой значит жена или подруга.

ДРЕВНИЕ

(из поэтической исповеди ЛИ БО)

Когда называют Ли Бо поэтом великим, то не без оговорки: он велик для тех, кто вместе с китайцем чтит всю совокупность образов и чудесных слов, которые он подарил миру... пока только своему. Европейские переводчики набросились на его произведения, освященные именем и традицией, а главное — хрестоматией, и в несколько лет Ли Бо стал известен читающей Европе. Конечно, так нельзя обращаться с великим поэтом, но пока нет полного, настоящего перевода его многочисленных произведений, и пока нет, вообще, о нем научных исследований, дело из этой колеи не выйдет. Единственно, что можно предложить — это некоторое разнообразие в выборе сюжетов, на которых, как не помещаемых в хрестоматиях, европейские переводчики не задерживаются.

«Древние стихи» (соб. «Древний дух») расположены у Ли Бо в виде 39 стансов и заключают в себе весьма замечательную поэму о поэте, как носителе всекитайской древней героической традиции. Ли Бо, излагая свои поэтические думы и являя свой лик, остается, все же, *primus inter pares*, ибо он сам стремится отразить древнее, а потомки стараются отражать его. Получается циклический тип китайского поэта.

Читателям моей книги «Китайская поэма о поэте, в стансах Сыкун Ту» ясна разница между обоими произведениями: Ли Бо, живший ранее (705—762 по Р. Хр.), писал о содержании вдохновения; Сыкун Ту, живший позже (837—908), писал о формуле вдохновения. Отделать в тип исследования поэму Ли Бо было бы переводчику приятно, но это дело будущего, а пока на страницах «Востока» он может дать лишь три—четыре станса из этой большой поэмы, снабдив их примечаниями для общего читателя, не имеющими специально научного значения.

Мне было бы приятнее всего переводить ритмически, отвечая стихом на стих, но, не желая жертвовать словами, которых, с моей точки зрения, замещать уже нечем, от этой соблазнительной перспективы я еще раз отступаю и даю только точный, дословный перевод, укладывая в пять значащих русских слов пять слов китайского стиха.

В. А.

СТАНС I

Великие Оды давно не творятся.¹

«Я ослабел», — кто ж, наконец, изложит?²

Весенье царя брошено в ползучую поросль,³

Воевавшие уделы часто — колючий кустарник.⁴

* . *

Драконы, тигры друг друга глотали, ели;
 Секиры, копыта пришли к безумному Циню.
 Праведный голос — как слаб он, ничтожен! ⁵
 Грусть, обида воздвигли «человека тоски». ⁶

* * *

Ян, Ма вздымают вильные волны, ⁷
 Открыв поток, рвущийся в безбрежность.
 Гибель-расцвет пусть в тысяче смен —
 «Доблесть, проповедь» уже — да — в пучине! ⁸

* * *

Начиная с времён «Утверждения Мира» и дальше, ⁹
 Узорная краснота не достойна почитанья.
 Мудрейшая Династия вернула извечную древность: ¹⁰
 «Свесив платье», дорожит чистыми настоящими. ¹¹

* * *

Тошлой таланты идут к красоте, свету;
 Овладев судьбой, «скачут» вместе с «чешуйными». ¹²
 «Слово и жизнь» друг другу ярко светят: ¹³
 Сонмы звёзд, раскинутые по осеннему небу.

* * *

Мои мечты в том, чтобы «отсечь, передать», ¹⁴
 Низводя свет, сияющий в тысячи вёсен.
 Взираю на Мудрого; словно на кого-то высокого, ¹⁵
 И «оборву кисть» на поимке линия. ¹⁶

СТАНС IX

Чжуану Чжоу спилась бабочка: ¹
 Бабочка стала Чжуаном Чжоу.
 Одно тело — а превратилось, изменилось:
 Тысячи вещей — ой-ой! где! ²

* * *

И знаю: воды Пын Лай'я ³
 Потом стапуг чистым мелким ручьём.
 У зелёных ворот садивший тыквы человек
 Во оны дни был Восточных Кряжей Князь. ⁴

* * *

Богатство, почет именно вот таковы..
 Мотаться, трепаться, чего искать?

СТАНС XI

Желтая Река идет в Восточную Бездну,
Белое солнце опускается в западном море.
Уходящий поток и струящийся свет
Летят, мчатся, никого не ждут.

* * *

Весенний лик бросает меня, уходит —
Осенний волос уже стар, не тот.
Жизнь человека — не холодная сосна:
Лето лет разве всегда то же?

* * *

Мне бы сесть на дракона в туче,
Впивать сияние, жить в ярком луче!

СТАНС XII

Сосна, кипарис природно сирь, прямь:
Трудно им быть с лицом персика, сливы.¹
Светлый, светлый Янь Цзылин:
Свесил уду в серые волны.

* * *

Телом и гостьей-звездой накрыл:
Сердцем вместе с плывущей тучей свободен.
Долгий привет властителю тысяч коней:
Обратно уходит в горы Богатой Весны.²

* * *

Чистым духом брызнуло в шесть сторон...³
Дале́к человек: достать до него нельзя!
Принудил меня вечно в тоске вздыхать,
Мрачно гнездясь среди утёсов-скал.

СТАНС LVIII

Я пришел к мелям Колдунных Гор,
Ищу древнее, всхожу на солнечную башню.
Небо пустынно, зелёные тучи исчезли.
Земля далеко, чистый ветер идёт.

Фея-дева отсюда ушла давно,
 Князь Сяп — где же скажите он?
 Безудержный блуд пещез в пучине времён,
 Пастух, дровосек один горевали в тоске.

Перевел с китайского
 В. Алексеев

ПРИМЕЧАНИЯ

Стане I.

1. «Великие Оды», Оды-Правды — по толкованию конфуцианской традиции — третий отдел античной книги «Стихотворений» (Шицзин), содержащий в себе славословие дарственным предкам династии Чжоу, при которой расцвела китайская культура; при которой жили Конфуций, Лао-цзы, Гуань-цзы и многие другие мыслители и государственные деятели старого Китая. Для Конфуция эти Оды-Правды были уже древним заветом.

2. «Я слишком ослабел, — сказал Конфуций в своих «Беседах и Суждениях» (VII, 5) — давно уже я не вижу больше во сне Чжоуского графа», который рисовался Конфуцию идеалом правителя людей.

— Кто же, как не Конфуций, мог изложить эти вешие Оды перед внимающим заветам древности государем? По конфуцианскому регламенту, восходящему, по учению школы Конфуция, к древности, государь в десятом месяце каждого года, приняв вассалов и столетних старцев, приказывал хормейстеру изложить и исполнить перед ним народные стихи, по которым он мог бы судить о том, доволен ли народ его правлением или нет.

3. «Веанье», дух настоящего идеального дая, о котором проповедывал Конфуций, ссылаясь на факты древнего времени, погибли вместе с Великими Одами, и Конфуцию оставалось о них лишь рассказывать.

4—6. «Воевавшие уделы» (V—III в.в. до Р. Хр.), в числе оставшихся от взаимопожирания семи крупных царств, не признававших номинального государя Чжоу, составляли между собою разные комбинации для противодействия двум из них, явно стремившимся к объединению Китая, пока не были в разное время уничтожены восторжествовавшим уделом Цинь. И там, где они процветали и воевали, теперь растет колючка.

5. «Праведный Голос» Конфуция, желавшего в своей летописи «пустым словом» покарать «разбойников и воров», сидевших на тронах, никем не был услышан.

6. «Человек тоски», поэт Цюй Юань (332—296 до Р. Хр.), воспевавший в своих элегиях печаль по государю, с которым его разлучили происки злых недоброжелателей. Впоследствии этим выражением называли, вообще, поэта, ибо минорное настроение в китайской лирике — господствующее.

7. «Ян, Ма», два крупнейших поэта: Сыма Сянжу (ум. в 117 г. до Р. Хр.) и Ян Сюн (ум. в 18 г. до Р. Хр.), — принадлежащие Ханьской эпохе и основавшие делую школу поэзии, которая держалась после них, можно сказать, до самых последних дней монархического Китая.

8. «Доблесть и ее проповедь» — вот два принципа Конфуция и две его заслуги: он воплотил в себе все наилучшее достоинство основателей культурной династии Чжоу и проповедал его, передав в следующие поколения, как вдохновенный учитель.

9. Эпоха «Утверждения Мира» (Цзянь Ань) — название царствования (196—220 до Р. Хр.) последнего государя дин. Хань (Сянь Ди 190—220); дала новую школу поэтов, во главе со знаменитым, Цао Чжи, отличающуюся причудливою роскошью отделки стихов.

10. «Мудрейшая Династия» — вежливое название современной поэту династии Тан (619—905), уподобляющее ее государей мудрейшим, совершеннейшим государям древности, о которых мечтал Конфуций.

«Вернуть древность», т. е. идеальное время, — основа конфуцианской проповеди.

11. «Свесив платье», т. е. не шевеля ни одним суставом, — так правила, по учению классической древности Китая, древнейшие государи (Хуан Ди, Яо, Шунь), с которыми Ли Бо вежливо сравнивает Танских.

12. Взыгрались на подобие блестящих драконов.

13. В литературе, начиная с Конфуция, наблюдают торжество то слова, то субстанции, жизни. Нехорошо, когда одно преобладает над другим. И только светлая гармония обоих создает благородство и красоту.

14. «Отсечь» из ученой традиции несущественное и вредное, «передать», ничего не сочиняя, о лучших заветах древности — вот смысл и процесс литературно-моральной деятельности Конфуция, Ли Бо берет за то же самое, как бы продолжая дело учителя.

15. Ученик Конфуция говорит про него: «...Если даже я истощу все мои силы, все же — словно что-то предо мною возвышается. Хотел бы идти за ним — нет пути».

16. «Кисть (вернее палочку, обмокнутую в лак) оторвал» от летописи своего Конфуций при известии о поимке зверя (Пи)линя, в котором он увидел знамение гибели своего учения и своей смерти. Ли Бо, повидимому, хочет сказать, что он, как Конфуций, желает творчески дописать историю своих дней, кончив рукопись перед самой смертью.

Эта смелость, неслыханная дерзость со стороны Ли Бо приравнять себя к Конфуцию осуждается лишь немногими писателями. Большинство же видит в этом его исповедания своего credo «решение дела поэтов всех времен» и считает этот шаг ведущим к упрочению его славы корифея Танской поэзии.

Станс IX.

В этом стансе Ли Бо являет нам уже свой чисто даосский лик, превращаясь из исповедующего твердую, непоколебимую убежденность конфуцианда в тревожного перед лицом вечных вопросов скептика-даоса. Эти «пронизывающие жизнь слова» — любимая тема как самого Ли Бо, так и многих, многих поэтов, так что индивидуальности и здесь нет, надо искать ее в общей его огромной личности, объемлющей все для китайца того времени возможное.

1. В книге Чжуан-цзы (в конце гл. II), приписываемой мечтателю-мистику и отчасти философу Чжуан Чжоу (IV—III в.в. до Р. Хр.), читаем притчу, о которой говорится здесь:

«Как-то раз Чжуану Чжоу снится, что он стал бабочкой. Порх-порх: бабочка и есть! Решил про себя: этого только мне и надо: я не знаю, что я — Чжоу!»

Вдруг просыпаюсь: плотью-телом я Чжоу!

И не пойму: Чжоу ли снится, что он бабочка, или же бабочке снится, что она — Чжоу.

Оказывается, Чжоу и бабочку надо различить...

Вот что такое живая метаморфоза!»

2. Если в одном теле происходит непонятное, то тем паче во всем остальном мире, вещи и дела которого сильно отстоят от познающего их.

3. Горы Пын Лай — одна из трех областей бессмертных людей, находилась, по преданию, на острове среди Восточного моря. Там все было, по словам попадавших туда смертных, необыкновенно: белые звери, белые птицы, золотые и серебряные чертоги. Этим именем называется ныне один из уездов восточной части Шаньдуна.

4. Некый Шао Пин при династии Цинь (255—206 до Р. Хр.) был сделан князем, но по свержении династии превратился в бедного обывателя и занялся огородничеством.

Станс XI.

Еще одна из любимых у Ли Бо тем перехода от уныния, навеянного ничтожеством человека, к экстатическому устремлению в небесные выси, чем поэт отождествляет себя со сверхчеловеком, типа, исповеданного у Чжуан-цзы.

Станс XII.

В этом стансе вечная тема китайских поэтов, рисующая, как идеал, полную независимость гордого ученого и поэта от жизни с ее успехами и приманками. Тема эта очень древняя и, опять-таки, чисто даосского типа и духа, явно преобладающего над всем прочим в китайской поэзии.

1. Читаем у Сюнь-цзы, мыслителя и писателя III в. до Р. Хр.: «Персик и слива ярко красивы, но лишь на краткое время. Сезон пройдет — и пропади. Не то сосна и кипарис: они не опадут даже с зимой. Вот о ком можно сказать, что они достали свою правду».

2. Янь Гуан, по прозвищу Цзылин (I в. по Р. Хр.), школьный товарищ Лю Сю. Когда последний захватил в 23 г. по Р. Хр. престол, основав вторую династию Хань, Янь, по примеру древних благородных людей, не терпящих никакого насилия и грабежа, изменил свою фамилию, свое имя, и скрылся от людей.

Император вспомнил о друге и, ценя его благородство, велел во чтобы то ни стало его разыскать. Тогда из восточных владений донесли, что там, действительно, живет какой-то человек, который вечно одет в баранью шкуру, сидит и улит в болоте.

Император решил, что это и есть его друг Янь Гуан. Велел заложить хорошую повозку и послал нарочного пригласить Яня ко двору.

Три раза возвращался нарочный без всяких результатов. Наконец, Янь приехал. Ему отвели лучшее помещение, ему постлали лучшую постель, ему прислуживали высшие чины империи.

Наконец, его самолично посетил государь. Янь лежал себе и не подумал даже подняться. Государь подошел, хлопнул его по голому животу и сказал:

— «Ну, ну, Цзылин! Помоги же мне править народом!»

Янь сделал вид, что спит, и не отвечал. Прошло некоторое время, прежде чем он, наконец, открыл глаза. Посмотрел пристально на государя и сказал:

— «Древний дарь Яо блистал своею доблестью, а, ведь, Чао Фу после подобного же предложения побегал мыть уши, в которые-де забралась нечисть. У ученого человека есть свои определенные идеалы, зачем на него наседать?»

— «Так, значит, мне так-таки тебя и не умолить?» — сказал государь; вздохнул, сел в колесницу и уехал.

Потом ему все же удалось затащить к себе Яня. Стали беседовать о том же, о чем говорили всегда, и незаметно провели в беседе весь день. Затем, ночью по-приятельски улеглись вместе на одной постели. Янь фамильярно положил государю на живот свою ногу.

На утро к государю вбегает главный астролог и доносит, что на императорское место покушается какая-то «гостья-звезда» (комета). Очень опасно!

— «Ничего, — смеялся государь, — это со мной спал, знаешь, мой приятель Янь Цзылин!»

Государь хотел назначить его цензором и советником, но склонить Яня к службе не мог. Тот ушел в горы Фучунь («Богатой весны») и стал там пахать.

9. «Шесть сторон», т. е. четыре обычных, и еще небо с землей, как направления вверх и вниз.

Станс LVIII.

В основе этого станса лежит вступление к «Оде бессмертной фее» поэта Сун Юй'я (IV в. до Р. Хр.), где читаем, что некий князь по смерти названный Сян, гулял с поэтом у гор Колдуньи (названных так за сходство с иероглифом У «колдунья»), где были развалины древней башни, над которой реяли и громоздились тучи, принимая самые причудливые формы.

— «Странные тучи, — сказал князь. — Что это такое?..»

— «Это, государь, так называемая, утренняя туча».

Один из прежних князей как-то здесь гулял, устал и днем уснул. Во сне ему явилась женщина.

— «Я, государь, — сказала она, — фея горы У, а здесь, в Гаотане, гошу. Прослышав, что Вы здесь гуляете, я хочу предложить Вам подушку и постель».

Государь ее осчастливил, а когда уходил, то на прощание она еще сказала ему:

— «Я живу на солнечном склоне (Ян). Утром я — ранняя туча, вечером я плу дождем, и все время, каждое утро и каждый вечер, буду у подножия Солнечной Башни».

Князь посмотрел утром: так и есть. Тогда он построил ей дворец, назвав его «Дворцом ранней тучи».

В этом стансе тип поэтического иносказания, соединенного с тоской по поэтической древности. Государь Сюань Цзун (713—756), современник Ли Бо, увлеченный губительною страстью к наложнице, творит «безудержный блуд». Древнее исчезло, но пример не исчез. И там, где начинается чувственная поэзия, кончается призвание государя. От блуда государева страдает безответный простой народ.

РАССКАЗЫ ИЗ ИСЭ

«ИСЭ МОНОГАТАРИ»

Среди богатейшей сокровищницы японской художественной литературы яркими огоньками сияют гранёные самоцветы, ожерелье которых составляет то, что в истории японской литературы фигурирует под наименованием «рассказов из Исэ» — «Исэ-моноготари».

Велика слава и обаяние этого или этих произведений. После знаменитого романа Мурасаки «Гендзи, блистательный принц», единодержавно царствующего над всей японской литературой, «рассказы из Исэ» стоят в ряду тех, что идут вслед за ним. Если обратиться к прошлому японской литературы, если взглянуть на неё и сейчас, сразу можно увидеть всю силу этого обаяния, и при этом на всех, на людей совершенно различных по вкусам, по интересам, по направлению своего ума и воли, не говоря уже о людях разных эпох. «Исэ-моноготари» изучали и поэты, стремились научиться искусству у автора или насладиться прелестью его творчества; и ученые-филологи, стремящиеся установить путем анализа языка и слога, этих рассказов законы и образцы изящной речи. Читали их и люди, любящие окунуться в глубокую / милую старину, жаждущие почувствовать аромат давно ушедшей эпохи, когда так своеобразна, так цельна была культура, и, наконец, читали и читают их влюбленные, занятые любовною игрою, — с тем, чтобы изощрить на чтении «рассказов из Исэ» свои любовные эмоции, их утончить. Все находили в них то, что им хотелось... Разве только скучные и придирчивые моралисты, каких не мало было в Японии, особенно с тех пор, как глас Конфунция стал звучать в ней «категорическим императивом», разве они только чурались таких легкомысленных произведений.

Неизвестен автор этих рассказов. Как будто можно считать уже решенным, что принадлежат они первой половине X века нашей эры, — и больше ничего. Однако традиция, не менее твердая, чем изыскания ученых, говорит о некоем придворном кавалере, почти принце по званию и происхождению и выдающемся поэте тех времен — Аривару-но-Нарихира. Во-первых, потому, что к нему — этому признанному ловеласу — предание относит многое из того, о чем повествуют и «рассказы». Во-вторых же потому, что из рассыпанных повсюду, по всем рассказам стихотворений, — многие принадлежат ему бесспорно.

Все произведение составлено из ста двадцати пяти самостоятельных отрывков, из которых часть рисует какой-нибудь эпизод из жизни «кавалера или дамы», часть же просто передает в коротких словах какую-нибудь причудливую эмоцию, в большинстве случаев любовного содержания, при чем везде и всюду центральным местом является коротенькое стихотворение в пять строк, — известная японская «танка». Очень часто прозаическая часть отрывка кажется только примечанием — вступитель-

ным или вставным к стихам. Отсюда нередки те, кто считает «Исэ-моногатари» не сборником рассказов, но просто собранием стихотворений, снабженных пояснительными ремарками, долженствующими своими указаниями — как, где, при каких условиях и почему данное стихотворение было написано — облегчить его понимание, дать возможность глубже почувствовать его часто скрытый смысл или намёк.

Время происхождения этих рассказов — век Хэйан «эпоха мира и покоя»; так по названию и почти так и по существу. Эпоха укрепления и распространения основ мирной гражданской культуры. Позади — период родового быта, начатков всей культуры; период передвижений, переселений, оседаний, племенного и культурного самоопределения, достаточно грубый и варварский; период, в свои последние столетия уже начавший давать жизнь и окончным плодам японской культуры, создавший уже незабываемые, вечные с тех пор, памятники мифотворчества и поэзии. Впереди бури и грозы феодализма, период «воинской» культуры, когда оформилось и зацвело пыльным цветом японское рыцарство — культура воинского духа, — сопровождаемый при этом упадком в области материальной жизни и в сфере ее художественных сторон.

Таковы грани; посредине — эпоха, когда социальные бури еще не тревожили страну, живущую под нераздельной властью государей, властью столько же гражданской, сколько и священнической: апофеоз и завершение родового строя в известном теократизме.

И тут же рядом влияние Китая с его цветущей культурой. Установившиеся и развивавшиеся сношения, как официальные, так и общего характера, поездки туда японцев — учиться, сюда китайцев — учить, привели к тому, что в японскую культуру прочным элементом вошел китаизм, отныне ставший одним из краеугольных камней всего ее многоцветного здания. Китаизм — в своей яркой, художественной форме — с своей поэзией, искусством, тонкой и красивой организацией внешнего житейского быта. Тонкость, изящество, стремление к красоте, путь внешней, не глубокой часто, вот что вошло с ним вместе в Японию, и сразу отозвалось повсюду: и в литературе, и в жизненном укладе. Всё, начиная с церемониала при дворе, организации государственного аппарата и кончая нравами уютных салонов, прониклось отзвуками Китая. В литературе же все это нашло уже сложившееся настроение, уже стремившееся к утонченности и красоте и ждущее только искусства отделки; китаизм в этом совпал с исконным свойством японской художественной души.

Конечно, в ближайшем смысле все это затронуло лишь верхи, двор императора, включая сюда всю родовую и чиновную аристократию. Масса оставалась большей частью вне этой художественной струи.

Приводимые ниже эпизоды взяты почти наудачу из тех ста двадцати пяти, которые составляют всё произведение. Отчасти я руководился стремлением подобрать рассказы, иллюстрирующие одну какую-нибудь основную тему-эмоцию в ее модификациях, показать разработку одного какого-нибудь основного мотива. Однако, в этом смысле все «Исэ-моногатари», или его подавляющая часть такая именно разработка одной темы, и подбирать — значило бы помещать почти все. Поэтому никакого особенно строгого выбора и производить не стал, надеясь, что и из того, что следует ниже, читатель уяснит себе и содержание и форму этого памятника японской литературы, тем более, что в переводе мною не делалось никаких отступлений от японского текста, как в смысле образов и выражений, так и в отношении ритма и порядка.

Могут вызвать некоторое недоумение слова «кавалер и дама», которые ным показются, пожалуй, неуместными при передаче японского текста X столетия. Действительно, здесь вольность: в тексте стоит просто: «мужчина и женщина». Однако передать именно так, мне представлялось непростительной вольностью. О ком речь идет в рассказах? О кавалере при дворе, о даме-фрейлине, статс-даме, или же, во всяком случае, — даме из придворного круга. Герои эпизодов и по положению, рангу своему не кто иные, как «кавалеры» или «дамы», — и по своим словам, действиям и чувствам, по внутреннему и внешнему своему стилю — а это главное — иначе названы быть не могут.

Японская «танка», стихотворение в 31 слог (строфа из пяти строк в порядке: 5—7—5—7—7 слогов) передано ниже в форме, требующей некоторого объяснения: даю для объяснения оригинал и свой перевод:

Tsuki ya aranu	Луна!... Иль нет её?
Haru ya mukashi no	Весна... Иль это все не та же,
Haru naranu.	Не прежняя весна?
Waga mi hitotsu wa	И только я один, —
Moto no mi ni shite...	Все тот же, что и раньше, но...

Передо мною был выбор: перевести «танка» свободным русским стихотворением, или же передать размером оригинала, т. е. расположить все содержание искусственно в 31 слог.

И от того, и от другого я отказался: первое повело бы к переневу японской темы на русский лад, второе — для европейского стиха чрезвычайно искусственно, и непригодно. Попытки немцев ¹⁾ в этом направлении ни к чему хорошему не привели. Поэтому я избрал третий путь: переложить стихотворение на русский язык так, чтобы при этом сохранить подлинную *верность образов*, во всей их полноте, а во вторых — удерживать *порядок этих образов* в его существенных моментах (не столь грамматический — не всегда существенный, сколь стилистический — основной) при непременном соблюдении и в первом, и во втором случае одного условия: не выходить за рамки японского текста и той картины, которая за ним кроется.

Н. К.

1.

Во времена давние в западном флигеле того дворца, в котором бывала императрица — мать, жила одна дама. Ее навещал, не относясь сначала к этому серьезно, некий кавалер, и чувство его стало в результате неожиданно глубоким.

Но вот, в десятых числах луны первой — дама куда-то скрылась в другое место.

Узнал в конце концов про то, где находилась эта дама, но место было для посещения запретным, отчего и в горьких думах проводил все дни наш кавалер.

На следующий год в том же январе, когда сливы были в полном цвету, всплыли у него воспоминанья года уж минувшего, и пришел наш кавалер вновь к тому же флигелю дворца. Взглянул так, взглянул иначе — не похоже никак на то, что было в прошлом здесь году. Слезы полились, склонился на простые доски деревянной галереи кавалер и пробыл так до той поры, как месяц стал уж заходить. В тоске любовной о минувшем кавалер сложил:

¹⁾ Ср. переводы Hauser'a — в издании „Die Fruchtschale, R. Piper & Co, München und Leipzig.

«Луна... Иль нет ее?
 Весна... Иль это все не та же,
 Не прежняя весна?
 И только я один,
 Все тот же, что и раньше, но»...

Так сказал он, — и когда уже забрежжил свет, в слезах домой вернулся.
 [Исз, IV].

II.

Во времена давние кавалер как-то попал в провинцию Миц Митиноку. Жившей там даме гость из столицы редкостным что ли показался, только она сильно им увлеклась. И вот эта дама:

«Не лучше ли, чем
 Умирать от любви,
 Парою дружной стать
 Червячков шелковичных,
 Хоть на миг краткий?»

Стихи ее, и ош даже отдавали деревней. Но все же — сжалился что ли кавалер — но только пошел к ней и провел с ней ночь. Еще глубокой ночью собрался он уходить, а дама...

«Вот настанет рассвет,
 Брошу тебя я лисе,
 Гадкий петух!
 Слишком рано зашел и увел
 Дружка милого».

Так проговорила она, а кавалер собираясь уж ехать в столицу:

«Если б сосна в Анева
 На равнине Курихара
 Была б человеком,
 Как редкостный подарок
 С собой в столицу я б позвал»¹⁾.

Так сказал, — и дама обрадовавшись все говорила: «он любил меня. любил!»
 [Исз, XIII].

¹⁾ Смысл приведенного стихотворения иносказателен: кавалер хочет сказать, что если бы дама была красива и интересна, он с удовольствием хотел бы взять ее с собой, но на самом деле это не так: она настолько же красива, насколько сосна в местности Анева является человеком. Дама же, как это видно из последующей фразы, поняла иначе: ей показалось, что он хочет сказать, будто бы он горячо желает взять ее с собою, настолько она ему понравилась, но только это объективно невозможно, так же, как сосне сделаться человеком.

III.

Во времена давние кавалер, познакомившись с дамой, жившей в Ямато, стал ее навещать. Немного спустя, так как был он придворным, должен вернуться был он ко двору, и вот по дороге, месяц был март, красивую ветку красного клена сломив, по адресу дамы с дороги вместе с приветом:

«Для тебя, о друг милый,
Рукою моею сломленная ветка,
Несмотря на весну,
Стала таким
Красным кленом осенним...»

Послал... и ответ был принесен ему уже тогда, как прибыл он в столицу:

«Когда же уснешь
В полной красе бывший цвет
Исчезнуть совсем?
В твоей стороне, милый друг,
Не весна, значит, больше...»

[Иса, XIX].

IV.

Во времена давние — любовь одна почему-то прервалась, но все же от дамы — не забывала, что ль, она — приплыли стихи:

«Хоть и горько мне,
Но все ж тебя
Забывать я не могу!
И ненавижу я
И все ж люблю!»

Так сказала она, а кавалер: — «ах, вот как!» — подумав, сложил:

«Свиданий? — Их нет.
Всё ж одно наши души!
Как струи в реке,
Что островком разделены,
За ним — опять одно...»

Хоть так и сказал он, но в ту же ночь отправился и лег с ней на ложе. И говоря о минувшем, о том, что грядет, кавалер:

«Если б долгая ночь
Осенью была длинна,
Как тысяча долгих ночей,
Пусть восемь их будет, и все ж
Буду ли я насыщен?»

А дама в ответ:

«Пусть долгая ночь
Осенью и будет длинна.
Как тысяча долгих почей,
Не останется разве, что нам говорить,
Когда птички уже запоют?»

И с большей любовью, чем прежде, стал к ней ходить кавалер.
[Иса, XXI].

V.

Во времена давние дети двух семей, проживавших в провинции, выходили играть у колодца. Взрослыми став, и он, и она стеснялись друг друга, но кавалер: «ее лишь одну возьму себе в жены!»... все помышлял, а дама: «его одного» все в мыслях имела и родительских планов о браке с другим не слушала вовсе. И вот от этого кавалера, жившего рядом, пришли стихи:

«У трубы колодца,
Колодезной трубы, мы меряли
Свой рост, ты помнишь?
С той поры подрос
За время я разлуки...»

А дама в ответ:

«Волосы те, что когда-то
С тобою меряли мы,
Уже ниже плеч...
И если не ты, о друг милый,
Кому же их приласкать?»

Так говорили и говорили они, и, в конце концов, стало так, как они хотели.

Но вот прошли годы, и родителей дамы не стало, не стало и поддержки для них. «Вдвоем сидеть на месте, — вряд ли будет толк какой!» подумал кавалер и в провинцию Коти, в уезд Такаясу стал ездить по делам. И там поспела связь с другой...

Однако та, прежняя его дама все время отпускала его, не подавая вида даже, что ей неприятно это, и кавалер, заподозрев: «не оттого ли это так, что есть у ней нить на сердце?» сделал вид, что едет опять в ту Коти, сам же в садике пред домом спрятался. И видит: дама эта, тщательно весь туалет свой совершив, — в мечтательном раздумьи...

«Ветер повеет
И встанут светлые волны
На взморье, — о, гора Тацута! —
Не в полночь ли милый
Один идет чрез тебя?»

Строфы он услышал и безгранично милой ему она стала, так что и в Коти перестал он часто наезжать.

И вот, как-то редким случаем заехал он в Такаюсу и видит: она, та самая, что в начале такой достойною казалась, теперь — небрежная, волосы скрутив вверху на затылке, с лицом длиннее ставшим ¹⁾, собственной рукою ложку взяв, ею наполняет миску для еды. Увидел он, и сердцу противно стало; перестал ходить совсем.

Она же, глядя в сторону Ямато —

«В сторону твою, о милый,
Смотрю я неустанно...
Икома — гора! ²⁾
Вы, облака, не прячьте
Ее, хоть лил бы дождь»...

Проговорила и в результате — он, из Ямато «приду» ей сказал. В радости ждет она, по дни идут за днями и...

«Приду!» — ты сказал
О друг мой, и ночи проходят
Одна за другой...
А я все люблю
Того, кто так ненадежен!..»

Хоть и сказала так она, но кавалер перестал ходить совсем.

[Нсэ, XXII].

VI.

Во времена давние кавалер, придя к даме на одну только ночь, после этого ходить перестал, отчего родитель дамы был очень гневен. Один раз в гнев он схватил плетеную крышку от умывальника и отшвырнул ее прочь, а дама, в воде лоханки увидев свое лицо в слезах —

«Только я одна
Скорблю так сильно.
Других нет...
Так думала, а вот
Здесь под водою также...»

¹⁾ Обычно дамы той эпохи носили волосы, разделенные пробором на две стороны и распущенные по плечам, так что часть лица — особенно верхняя скрывалась ими. Теперь же, оставшаяся одна, дама, занявшись, повидимому, работой по хозяйству, для удобства подобрала волосы на голову, отчего ее лицо все целиком открылось и стало казаться, как будто бы длиннее.

²⁾ Гора в направлении провинции Ямато, обычно окутанная облаками.

Стихи сложила, и тот, переставший ходить кавалер, услышав их, ей в ответ:

«То верно я
Тебе виднелся в водоеме... ¹⁾
Лягушки — даже те
На дне под водою
Со мною в один голос плачут».

[Исз, XXVI].

VII.

Во времена давние кавалер повстречался с дамой, любившей очень любовь. Чувствовал ли он тревогу, только:

«Если то буду не я,
Не развязывай пажней шнуровки!
Хоть и будь ты выюнком,
Цветочком, не ждущим
Вечерних теней».

И дама в ответ:

«Ту шнуровку, что вдвоем
Мы завязали вместе,
Одна до встречи
С тобою вряд ли
Смогу я развязать».

[Исз, XXXVI].

VIII.

Во времена давние жил кавалер. Ревнуня сам ревнующую его даму, он:

«Пусть возможно
Нагромоздить раз десять
Ящ десятки,
Можно ль верить
Сердцу женщины?»

Проговорил, а та:

«Пусть будет,
Что росники утра
Останутся и днем...
Но кто ж будет верить
Мужчины чувствам?»

¹⁾ Кавалер говорит здесь о водоеме, имея в виду умывальную лохань, упоминаемую выше. Такое сопоставление возможно в виду сходства водоемов в полях по форме с лоханью.

И кавалер снова:

«Пусть возможно, что вишен цветы,
Хоть ветер и дует,
Не осыплются с прошлого года.
Увы, трудно верить
Женскому сердцу».

А дама снова в ответ:

«Еще безнадежней,
Чем цифры писать
На текущей воде,
Любить человека,
Что не любит тебя».

[Иса, XLIX].

IX.

Во времена давние сердцем мир еще любившая, но очень пожилая дама все думала: «Ах, как бы мне познакомиться с этим чувствительным кавалером!» Однако, случаев удобных высказать ему свое желание все не было, и дама, своих трех сыновей созвав, как будто сон свой с намеком рассказала. Двое сыновей ответ ей дали, чувством не проникнув; третий же так сон ей разгадал: «сон приведет к тебе прекрасного кавалера». И дама пожилая вид имела очень довольный.

«Все прочие лишены чувства; вот как бы познакомить ее с тем кавалером — Дзайго-Тюдзэ!» — у сына в мыслях было. Отправившись туда, где тот охотился, он его и встретил. Взяв лошадь под уздцы, сказал ему, в чем дело, и тот кавалер, сжалившись, пошел и лег на ложе с нею. Однако, после этого он перестал показываться, и пожилая дама, отправившись к его дому, стала смотреть сквозь щели ограды. Ее заприметив, кавалер сказал:

«До ста лет
Одного лишь не хватает!
Водоросли — кудри!
Облик этот предо мною,
Видно, из любви ко мне» ¹⁾.

Сказав, приказал оседлать себе коня и собрался уходить. Видя это, дама, не разбирая ничего — шиповников, терновников, — в смятении побежала к себе и, в дом придя, легла на ложе. Кавалер же тайком подсматривал. Что эта дама делала, и вот видит, что она лежит и вздыхает:

«Значит, и сегодня ночью
Одна без милого я буду

¹⁾ Кавалер здесь делает вид, будто бы не подлинная дама перед ним, но ее призрак, — ее тень, которая следует за ним из-за любви к нему.

Лежать на узком ложе,
Лишь только подостлав
Одну одежду снизу?» ¹⁾.

Так проговорила она, и кавалеру стало жально; в эту ночь он лег с ней снова.

Вот пример того века: любил ли женщину или нет, но этот кавалер своим сердцем внешне различия не делал. [Иса, LXII].

Х.

Во времена давние жил кавалер. Кавалер этот в провинцию Иса ²⁾ отправился «охотничьим послом» ³⁾. Мать принцессы-жрицы, что была в Иса, послала ей сказать: «Прими его получше, чем обычного посла». Так как это были слова родительницы, дочь приняла его радушно очень. Утром — отпустила на охоту, вечером — поместила у себя ⁴⁾. И среди столь заботливого обращения они условились в свидании. В ночь на второй день кавалер во что бы то ни стало хотел свидания, дама также против встречи не имела ничего. Но так как очень много было глаз вокруг, встретиться им не удалось.

Посол важный был кавалер, отчего дама и не положила его спать в отдаленном месте. Покои дамы также были недалеко, и вот она, да затихнуть людям, в часу первом ночи отправилась к нему.

Кавалер также не спал еще, лежал, смотря за дверь, и видит при облачной луне фигуру женщины: пред ним предстала она, ведя впереди молодого отрока ⁵⁾. Кавалер в восторге ввел ее в свою спальню, и там оставалась она от первого часа до третьего, когда к себе вернулась, так что тот не успел и сказать ей ничего. В сильной печали кавалер глаз не сомкнул и на утро, как ни волновалось сердце, послать ей от себя весть ему не при-

¹⁾ По обычаю того времени, в подобных случаях лежат, одежду одного подостлав под себя, одеждою другого закрывшись сверху.

²⁾ Название провинции в Центральной Японии, где сосредоточены знаменитые храмы общегосударственного культа религии Синто. В числе жрецов и жриц этих храмов бывали представители царствующего дома.

³⁾ В описываемую эпоху довольно часто были посольства в различные провинции с целью как бы провести места охоты и в то же время ознакомиться с образом действий местных правителей.

⁴⁾ Т. е. в своем дворце, тогда как обычно «охотничьи послы» останавливались в домах местных сановников.

⁵⁾ По обычаю знатных особ того времени передвижения даже в пределах одного и того же дома из комнат в комнату совершались в предшествии или сопровождении слуг, часто молодых мальчиков и девочек. На это указывается и в данном случае, при чем то обстоятельство, что здесь дело идет о тайном любовном свидании, повидимому, не смущает ни даму, ни кавалера.

стало ¹⁾, отчего в сильном беспокойстве он ждал вестей оттуда. Вскоре после того, как развеяло совсем, от дамы — стихи одни — без слов:

«Пришел ли ты ко мне?
Иль я была с тобою?
Не знаю я...
То сон ли был, иль явь?
Сняла ли я, иль нет?»

Кавалер, слезами обливаясь, в ответ сложил...

«Во мраке сердца,
Сокрытого во тьме,
Блуждаю сам я..
И сон то был иль явь
Узнаем ввечеру!»

Такие стихи послал ей, а сам на охоту отправился. Хоть и бродил он по полям, но сердце было не здесь: все думал, как бы сегодня вечером, людей уложив, с ней поскорее встретиться, но правитель провинции той и в то же время глава всех храмов, прослышав, что посол охотничий здесь пребывает, всю ночь напролет с ним пировал, так что встретиться с принцессой не мог он, а на утро должен был уехать в провинцию Овари. Как ни проливали тайком от всех слезы горькие и дама, и кавалер, все ж свидеться им не пришлось.

Ночь, наконец, приблизилась к рассвету, и от дамы пришла чарка, на которой она написала стих:

«Вот это так река. —
Что леший путник
Перешел и не вымок!..

Так было написано, — конца же не было. На этой самой чарке, с обратной стороны, углем от факела он приписал конец строфы:

«Но будет он опять заставу
На «склоне встреч» переходить».

И как наступило утро, — отправился в провинцию Овари.

[Исз, I.XVIII].

¹⁾ Согласно традиции, в подобных случаях кавалер, после свидания с дамой, на утро обычно должен послать ей привет в виде стихотворения, — невыполнение чего часто грозит ему разрывом. Здесь кавалер был поставлен в затруднительное положение: с одной стороны, любовный кодекс и сердце предписывают, с другой же, обстоятельства таковы, что сделать это неудобно: она ведь священнослужительница, а он — случайный гость.

XI.

Во времена давние жил кавалер. Он был занят придворной службой, и к тому же сердце у него было неверное, отчего жена его и обратилась к человеку, который обещал ей: «Буду тебе верен!» и с ним вместе в провинцию уехала.

И вот, кавалер, отправившись послом к Уса-Хатимацу¹⁾, прослышал, что она теперь как раз женой чиновника в этой провинции, который должен был принимать послов. И он сказал ему: «Ты прикажи жене своей мне поднести чарку, иначе — пить не стану!» И когда та подала ему чарку, он, взяв на закуску померанец, так сказал:

«Когда я вдыхаю
Аромат померанцев,
Ожидающих мая,
Чудится: прежней подруги
Рукавов аромат»²⁾.

И она, под влиянием мыслей возникших, постриглась в монахини и удалилась в горы.

[Иса, LIX].

XII.

Во времена давние жили кавалер и дама. Случилось как-то, что этот кавалер перестал быть с нею. Впоследствии у дамы появился кавалер другой, но так как у них ребенок оставался, то — хоть и коротко, — но все же от времени до времени он посылал ей весть от себя.

Дама умела писать картины, и вот прежний кавалер послал ей веер для разрисовки. Как раз в это время у нее был тот, кавалер другой, и она день или два не отсылала веер обратно, исполнив просьбу. И тот, первый кавалер, очень недовольный, послал сказать ей: «То, о чем тебя просил я, ты доселе еще не сделала! Я знаю, что, конечно, так быть и должно: но все же не могу не упрекать тебя!»

Время было — осень.

«Днем осенним
Так обычно
Забывать весенний день!
Верно осенью роса
Сильнее, чем весною дымка».

¹⁾ Уса-Хатиман — одно из божеств религии Синто; здесь имеется в виду храм его.

²⁾ По обычаю дам, особенно того времени, широкие рукава одежд бывали надушены.

Так сложил кавалер, а дама в ответ:

«Осений тысячи пусть,
Но сравнивать можно ли их
С весною одной?
Однако — и клен, и цветы
Осыпаются равно».

[Иса, ХСН].

ХIII.

Во времена давние у одного не особенно благородного человека была в услужении одна женщина. В нее влюбился кавалер по имени Фудзиварано-Тосиюки, бывший тогда в чинах придворных. Дама эта наружностью своею была очень хороша, но, потому ли, что молода еще была она, только не искусна была в переписке и речей держать, как нужно, не умела, и уж, конечно, стихов не складывала вовсе. Поэтому хозяин ее писал черновики и давал ей переписывать, как будто от себя. И кавалер был в приятном заблуждении. И вот он так сложил:

«Тоскливо мечтаю,
И в мечтаниях этих
«Слёз» все полнеет «река»...
Один лишь рукав увлажняет¹⁾,
Свиданья же нет!»

И в ответ, как всегда, вместо, самой дамы — хозяин:

«Ну и мелка же
«Река слез», если только
Один лишь рукав увлажняет!
Вот услышу: ты сам
По теченью несешься — поверю!»

Так сказал он, и кавалер, восхитившись превыше меры, уложил стихотворение в пикатюлочку для писем и все с ним носился. Этот же кавалер уже после того, как с нею встретился, послал такое ей письмо: «уже готов к тебе итти я был, но вот собрался дождь полить. Смотрю и горюю... Если бы счастье было на моей стороне, этот дождь не пошел бы!» Так сказал он и, как всегда, сам хозяин, сложив вместо дамы стихи, дал ей послать:

«Глубоко ли любилъ
Ты меня, иль нет,

¹⁾ Обычный в поэзии образ: японцы еще и теперь оттирают слезы рукавом одежды, так что «влажные рукава» — символ горя и слез.

Спросить мне трудно, — только
 Дождь, что меня знает,
 Льет все сильней».

Так сложил он ему и послал, и кавалер, не успев даже взять ни шляпы, ни плаща, насквозь промокнув, второпях прибежал.

[Иса, CVI].

XIV.

Во времена давние жил кавалер. Видно надоела ему дама, жившая в местности, носившей название «Густой травы», и он сложил ей стихи такие:

«Если я покину
 Тот дом, где прожил
 Столько лет, —
 Еще более «густой
 Травы» — он полем станет».

А дама в ответ:

«Если полем станет,
 Буду перепелкой
 Плакать я...
 Неужли на охоту
 Ты даже не придешь?»

Так сложила она, и кавалер, восхищенный, перестал и помышлять об уходе.

[Иса, CXXIII].

С японского перевел

Н. И. Конрад

РАССКАЗ О ВОЛШЕБСТВЕ

Сказка, перевод которой приводится ниже, широко распространена среди народов Средней Азии буддийской культуры: тибетцев, монголов, бурят. Хотя она и заимствована из одного сочинения знаменитого буддийского «святителя» Джово Атиша, жившего в XI веке, тем не менее она стала давно уже народным достоянием и хорошо известна всюду в устных пересказах и в рукописях, а также в печатных изданиях на тибетских и монгольских языках. Она может служить показательным примером того, как догматы и философские воззрения буддизма распространялись среди широких народных масс, чуждых специальной схоластической подготовки. Интересно отметить, что сходные мотивы, почти те же, что встречаются в рассматриваемой тибетско-монгольской сказке, проникли и в переднюю Азию в средние века, и в Европу и получили литературную обработку, напр., в итальянском сборнике новелл «Новеллино» начала XIV века.

Б. В.

В древности в индийском городе Шравастии жил волшебник Сайн Саран (Прекрасный Месяц), хорошо знавший чары. У него был друг Цогту (Блистательный), домохозяин, у которого была жена и двое детей. Однажды Сайн Саран сказал Цогту:—«Тебе следует выучиться волшебству. Впоследствии может пригодиться!» — «На что оно нужно? — отвечал тот, — вот лошадь была бы мне нужна».—Тогда Сайн Саран подумал: «В таком случае проведу его как-нибудь!»

После этого случилось раз утром хозяину Цогту, после завтрака со своей семьей, быть дома; сидит он снаружи у дверей своего жилища и сучит нитки; жена же его внутри дома моет посуду. Тут прибыл волшебник Саран верхом на волшебном коне.—«Эй! Цогту, купишь эту лошадь?» — «Мне-то лошадь очень нужна, — отвечал тот, — да вот не на что ее приобрести».—Саран сказал ему на это:—«Цена пустяшная! Я уступлю своего коня за твои нитки».—Цогту подумал: «Раз он хочет отдать своего коня только за нитки, то ведь можно будет его надуть!» и решил взять коня. Тогда Саран сказал ему:—«Ты в таком случае сам попробуй сесть на него верхом».—Цогту тотчас сел на того коня и поехал. Но конь оказался

неподатливым на удил; Цогту не был в состоянии справиться с ним, и тот помчался со страшной быстротой...

Конь продолжал все скакать. Тем временем наступил вечер. На заходе солнца конь донес Цогту до какой-то пустынной, безлюдной ложины. С сокрушением подумал Цогту о том, что дал себя обмануть, что позволил посадить себя на такую ужасную лошадь, и стал озираться. И увидел он, что вырывается клубами дым из человеческого жилья. Подошел он поспешно к воротам того дома и постучал в двери, позвал. Изнутри вышла старуха. «Ну, хорошо! Люди тут есть!» подумал Цогту. И еще пришло ему в голову: «А старуха-то, быть может, и не человек! Теперь ночью как бы не провела меня! Но, как бы то ни было, что же мне делать? Итти мне некуда: попадусь еще тигру, волкам или другим каким диким зверям. Поэтому придется положиться на обитателей этого дома».

Поразмыслив так, он попросил о ночлеге. Старуха пригласила его войти внутрь. Вошел он в дом, осмотрелся: оказалось, у старухи были три дочери. Старуха же подала ему кушанье и питье и спросила, кто его сюда доставил. Он рассказал ей обо всем, что с ним приключилось. Тогда старуха сказала ему:—«Теперь тебе некуда итти! Наша местность — маленький безлюдный остров. Я осталась тут после смерти мужа. Бери ты одну из моих дочерей себе в жены и становись хозяином, главой нашего дома! Если же ты захочешь итти далее, то никуда ты не придеешь».

Подумал Цогту о том, что ему ничего не остается делать, остался там и взял себе в жены одну из тех девушек.

Прошло уже много лет с тех пор, как он зажил там, родились у него два сына и одна дочь. Однажды жена Цогту пошла собирать топливо, а сам он остался с тремя своими детьми дома. Они сидели на берегу реки и играли. Была ночь, и лучи месяца отражались на воде. Один из его сыновей побежал схватить блестящее отраженье. Отец бросился за ним, боясь, как бы он не попал в воду. Но тут другой его мальчик побежал вслед за ним. В то время, как он хватал второго, первый мальчик упал в воду. Спасая его, Цогту не был в состоянии справиться с двумя и обоих сыновей своих упустил в воду. Тотчас после этого выскочил тигр и утащил его дочь, малютку, которая оставалась на берегу. С воплем бросился Цогту за тигром, но скоро потерял его из виду и упал в обморок от внезапного горя. Когда он пришел в себя и оправился немного, вернулась его жена. Услыхав о том, что случилось, она бросилась в воду и утонула.

Тогда, видя гибель своей жены и детей, Цогту подумал: «Я несчастное, злополучное существо! Прежде я был разлучен с тремя близкими, хотя они и оставались в живых; теперь я разлучился с другими четырьмя любимыми моими, допустив их гибель! Сейчас же умру я и сам!» Так думал он и рвал в отчаянии свои волосы, а они стали совершенно белыми.

Но тут затрепетало его сердце. Вскочил он и побежал... и вдруг, в одно мгновение оказался перед прежним своим домом. Прислушался, жена зовет его: — «Ты, муженек, до сих пор еще греешься на солнце? Я уже почти

покончила с мытьем посуды». Тогда Цогту воскликнул с тоской: — «Я испытал столько страданий! Я потерялся, исчез! И вот, с самой той поры ты не только не разыскиваешь меня, но сидишь да кричишь себе, ни о чем не думая».

Услыхав эти слова, жена его испугалась и подумала, не сошел ли он с ума? Она подошла к мужу и спросила, что с ним случилось. — «Что же ты до сих пор не знаешь, — отвечал ей Цогту, — о том, что я так долго терпел мучения?» — «Что ты говоришь? Посмотри, я еще не кончила мыть посуду после нашего завтрака! Посмотри, вот остались нитки, которые ты только что сушил! Наверное тебя обморочил твой друг — волшебник! Все это ясно».

Задумался тогда Цогту: «Если все произошло так, как говорит жена, то, значит, я заблуждаюсь. Но, ведь, не заблуждение же было то, что прошло много лет? Ведь, совершенная истина то, что у меня родились два сына и дочь и один за другим погибли! В году двенадцать месяцев и триста шестьдесят суток ¹⁾ в нем. Если правда, что я скитался столько лет, терпя мучения, то ясно, что жена меня обманула». Раздумывая так, он пошел посмотреть нитки. Когда выяснилось, что они оставались в том же положении, в каком он оставил их у дверей дома, тут только прояснились его мысли. Постарался Цогту припомнить все и понял, что сам поддался обманчивой иллюзии.

После этого, через несколько дней пришел к нему его друг, волшебник Саран, и сказал: — «Соскучился я, не видя тебя много лет! Теперь вот пришел повидаться с тобою. Ты куда же ездил?» — Когда же Цогту рассказал ему подробно обо всем, что с ним раньше случилось, волшебник Саран обратился к нему с такими словами: — «Увы! все явления мира ложны, подобны волшебному миражу! И нет ничего истинного! Какие бы мучения мы ни испытывали в этом мире, как бы они ни казались настоящими, все они подобны твоему приключению. Как принимать за истинное явления этого мира тогда, как они все обманчивы? Нужно старательно разбираться. Цогту, хозяин мой!»

Выслушав слова волшебника, понял Цогту по настоящему, что был обманут волшебной иллюзией. Сравнивая, понял он, что и все явления, весь мир таковы же — волшебная иллюзия.

Сказано было: если, признавая все явления мира иллюзорными и не принимая их, как настоящее, созерцать Истинно Сущее, то теперь же можно приблизиться к счастью просветления Будды.

Перевел с монгольского

Б. Владимирцов

¹⁾ По вычислениям монголов и тибетцев, пользующихся лунным календарем.

ОБМАНУТЫЕ ЗВЕЗДЫ

РАССКАЗ ФЕТ-АЛИ-АХУНДОВА

Фет-Али Ахундов родился в 1811 году в городе Нухе Бакинской губ. Родные Ахундова (родители его рано умерли) дали ему хорошее мусульманское образование, так как хотели сделать его муллой. Но не лежало сердце даровитого юноши к этому рода деятельности. Он не оправдал ожиданий своих родственников, бросил изучение мусульманского богословия и юриспруденции и поступил в только что открывшуюся в его родном городе русскую школу для мусульман. Такие школы, обыкновенно, являлись поставщиками военных и гражданских чиновников из туземцев на наших окраинах. И Ахундов по окончании курса поступил на казенную службу и дослужился до чина капитана.

Еще на школьной скамье он зачитывался Пушкиным, а в особенности Гоголем. Знакомство с последним оказало большое влияние на Ахундова, уже в молодые годы обнаружившего страсть к писательству.

Однако, его первые опыты ничем не отличаются от произведений других азербейджанских поэтов того и предшествующего времени. В то время в азербейджанской литературе господствовал своего рода ложно-классицизм. Произведения корифеев персидской поэзии считались непререкаемыми образцами, подражать которым было обязательно, и отступать от которых было невозможно. Понятно, как далека от жизни была эта подражательная литература, часто обращавшаяся в простую игру словами.

Знакомство Ахундова с русскими авторами открыло ему новые литературные формы, доселе еще не встречавшиеся у турецких народов, и он решил перенести их на почву родной поэзии. Творчество Ахундова проявилось в сатире, главным образом, в области комедии. До Ахундова турецкие народы не имели драматической литературы, если не считать народного театра. Комедии Ахундова оказались первым опытом, и не плохим. Остроумие и занимательность фабулы, живость изображения, богатство бытовых деталей отличают его комедии, а также и печатаемый ниже рассказ. Сатира ближе, чем другие роды литературы, соприкасается с жизнью, с бытовой ее стороной, и комедии Ахундова служат богатым источником для знакомства с бытом закавказских и персидских мусульман. Не всегда Ахундов брал темы для своих произведений из современной ему жизни. Среди них есть такие, содержание которых взято из прошлого Азербейджана и Персии. К их числу относятся и переведенный нами рассказ «Обманутые звезды». Красочность изображения обычаев и нравов шахского дворца, отношений между царем и подданными, портреты сановников и царедворцев знакомят нас с историей Востока лучше иного многогомого труда.

Необходимо особо отметить, что Ахундов заимствовал из европейской литературы не одну только драматическую форму: на всем характере его творчества лежит европейский отпечаток. Этим он отличается от многих своих собратьев, новых писателей у других турецких народов. Вожди новой османской литературы, Намык Кемаль-бей и Абд-уль Хакк Хамид, пользуясь новыми для них формами романа, повести, драмы, во всех приемах своего творчества и в своем подходе к действительности остаются прежними турками-османами, и никакой речи не может быть о родстве этих

двух крупных писателей Турции с каким-нибудь писателем Европы. Не то Ахундов. Мы его уже сопоставляли с Гоголем. Теперь напрашивается другое сравнение.

Содержание рассказа Ахундова, заключающееся в том, что на место настоящего шаха, в силу разного рода случайностей, становится другое лицо из другой среды, которое, имея иные привычки и взгляды, приходит в столкновение с сложившимися во дворце и управлении порядками и мнениями, такой сюжет невольно приводит на память известное произведение Марка Твена «Принц и нищий». Но герой рассказа Ахундова — седельник Юсуф — не невинный, неискушенный в жизни мальчик. Это — взрослый, опытный человек, изучивший и жизнь, и книги. Он сознательно берется за дела правления, имея заранее составленный план улучшений.

Юсуф не имел успеха в своих начинаниях, его разумные планы потерпели крушение, столкнувшись с испорченностью человеческой природы, что по всему видно, что автор считает эту испорченность легко устранимой, и немного, по его мнению, нужно, чтоб окончательно восторжествовал всемогущий разум.

П. Ф.

I

В начале царствования шахов из дома Сефевидов столицей Персии был Казвин. После разного рода событий Мемед-шах Сефевид передал царство сыну своему шаху Аббасу I. Шесть лет процарствовал шах Аббас, и начинался уже седьмой год его правления, когда случилось то, что здесь описано.

Было начало весны. Прошло три дня после нового года. Шах Аббас в третьем часу пополудни сидел во дворце со своей красавицей Сельма-хатуней и наслаждался беседой, когда в комнату вошел главный евнух Ходжа-Мубарек и, после приветствия, доложил, что главный звездочет мирза Садр-эд-Дин просит приема у царя, убежища мира, по очень важному делу. Шах сделал знак Сельма-хатуне, чтобы она шла в гарем, а евнуху приказал:

— Позови мирзу Садр-эд-Дина.

Главный звездочет вошел к шаху, приветствовал его, и, встав перед ним со сложенными руками, произнес молитвы и благословения. Шах спросил:

— Что случилось, мирза?

Главный звездочет доложил:

— Да здравствует шах, прибежище мира! По движениям звезд мне стало известно, что через пятнадцать дней после нового года сблизятся друг с другом звезды Марс и Скорпион. А действие этих несчастливых звезд таково, что всех государей в восточных странах, а в особенности в Персидском царстве, постигнет великая беда. Поэтому я, верный и преданный слуга вашего высокого дома, считал долгом заранее доложить об этом шаху, прибежищу мира.

Шах был в то время очень молод. Только что минул двадцать второй год его жизни. А, ведь, известно, как дорога и приятна жизнь в этом возрасте, — в особенности, в высоком чине или на царском троне. Поэтому, слова главного звездочета сильно опечалили молодого шаха. Он побледнел

и готов был лишиться чувств. Через минуту он поднял голову и сказал мирзе Садр-эд-Дину:

— Хорошо, можешь идти.

Главный звёздохет поклонился и вышел. Шах, оставшись один, с полчаса предавался горьким думам, а потом крикнул Ходжу-Мубарека. Когда Ходжа вошел, он ему приказал:

— Пошли сейчас же фетраша ¹⁾, пусть он позовет ко мне везира мирзу Мухсина, главнокомандующего Заман-Хана, министра финансов мирзу Яхью и главного муллу Ахунда Самада.

Ходжа вышел, и через некоторое время призванные лица явились. Оказав шаху все полагающиеся ему почести, они ожидали приказаний. Шах сказал:

— Я призвал вас для совещания по одному делу. Вам необходимо обратить на него особенное внимание. У нас будет чрезвычайное заседание, и я разрешаю вам сесть.

Те повиновались. Шах сообщил им, что ему сказал главный звёздохет, и спросил:

— Ну, как, по вашему мнению, я могу отвратить от себя это несчастье?

Присутствующие не знали, что сказать. После минутного молчания начал говорить везир мирза Мухсин:

— Ясна и очевидна преданность вашего покорного слуги интересам этого высокого государства. Шах, прибежище мира, конечно, помнит, что в дни царствования их великого отца государственная казна, по причине того, что к везирской должности были допущены разные неразумные лица, почти не имела наличных денег. Когда она до такой степени опустела, я взялся за дело и постановил, что, если кто из придворных получит какое-нибудь поручение или будет назначен на должность в провинции, он, смотря по обстоятельствам, обязан принести казне в подарок некоторую сумму; и еще распорядился, что, если шах, убежище мира, осчастливит своим посещением дом какого-нибудь вельможи, то хозяин дома должен ему дарить дорогие ткани, и опять-таки некоторую сумму денег. И вот, благодаря такого рода мерам, теперь, в седьмой год после вступления на престол вас, прибежище мира, государственная казна, благодарение господу богу, полным полна деньгами. А уж как бестолково велись дела в везирском ведомстве перед этим, ваш покорный слуга и рассказать не сумеет. Но придумать что-нибудь против звезд я, ей-богу, не в силах.

Потом стал говорить главнокомандующий Заман-хан:

— Борода моя поседела на верной и преданной службе высокому государству. Вот, например, десять лет тому назад в Османском царстве, когда там военным министром был Демирджи-оглу Бекир-паша, решили напасть на Персидскую землю с семьюдесятью тысячами войска. Ваш великий отец, прибежище мира, поручил мне командование персидским

¹⁾ Гонимец.

войском. Наше войско не уступало по численности османским полчищам, но я боялся утруждать нашу богохранимую армию борьбой с теми безбожными ордами и приказал, чтобы во всех деревнях от османской границы до крайних пределов Азербейджана уничтожили посевы и угнали весь скот, сломали мосты и испортили дороги. Когда Бекир-паша вступил в наши пределы, он не встретил ни одного человека из нашей армии, но зато дороги были так испорчены, что он совсем не мог везти с собой артиллерию, и только с кавалерией да пехотой с трудом добрался до Тавриза. Он послал во все стороны отряды за провизантом, но ему не попалось ни зерна, ни быка, ни барана, и он поневоле через три дня, разочарованный и печальный, голодный и удрученный, бежал из Тавриза с барабанным боем. Благодаря таким мерам, Персия спаслась от вражеского нашествия. Порча дорог и разрушение мостов показались столь полезными, что после бегства Бекир-паши было решено оставить их в том же положении. Избегая сражений с коварным врагом, мы сохранили все богоспасаемое войско высокого государства от насилий соседа-неприятеля, и ни у одного солдата даже и нос не окровавился. В таких делах выказать распорядительность эта старая собака вашего высокого дома еще может, но придумать средство против звезд я не могу.

Страх шаха все увеличивался. Начал говорить министр финансов мирза Яхья:

— Ваш покорный слуга родственник и сердечный друг везиря и при его помощи достиг своего чина. Поэтому я в своей искренней и преданной службе во всем следую его благоразумным планам и правилам. По вашему, убежище мира, приказанию и по моему предписанию жалованье войску и чиновничеству велено было платить из доходов провинций, потому что в государственной казне не доставало денег, как об этом говорил уже везирь. Я горевал и сокрушался. Хоть и скрепил я подписью ваши повеления и разослал по провинциям, чтоб из-за невыдачи жалованья у народа не уменьшилась преданность к высокому государству, но заранее я всем губернаторам разослал секретные предписания, чтоб они остерегались выдавать жалованье по точному смыслу указа. Благодаря таким мерам, доходы государственной казны увеличились во много раз, а солдаты и чиновники, хоть и не получали жалованья, но так как то было время мира и спокойствия, и в Персии была большая дешевизна, то они и не нуждались. На счет таких вот дел мой ум ловок, но против влияния звезд, ей-богу, он ничего не может придумать.

Пришла очередь говорить главному мулле:

— «Да сохранит всемогущий господь бог молитвами великих и чистых святых драгоценное здравие прибежища мира от всех небесных и земных напастей! Нельзя описать верность и преданность славного дома Сефевидов интересам этого богомольца за сохранение и продолжение вашей могущественной державы. В царствование великого отца вашего, когда я был возведен в сан главного мутлы, половина Персии, даже половина жителей столицы, были расколыниками-суннитами. И вот, красноречивыми проповедями, да разными

замучиваниями и всех еретиков-суннитов привел на правый путь поклонения двенадцати святым имамам. Теперь, благодаря Богу, во всей Персии не найти больше пяти-шести человек суннитов. В этом отношении я очень доволен персидским народом за то, что он по одному только приглашению оставил старую веру, доставшуюся ему от отцов и дедов, и поспешил на правую дорогу. Я даже хотел припиться за евреев и армян, чтобы и их тоже обратить в нашу шиитскую веру. Да некоторые благоразумные люди не посоветовали, не сочли это нужным: в каждой-де земле есть немного армян и евреев, надо, чтоб и в нашей их немножко было. А то вот еще: по священному преданию от святых имамов в мусульманских государствах цари, сидящие на троне, не считаются священными особами, повиноваться которым необходимо при всяких обстоятельствах. Это говорится только про святых имамов да про их наместников, ученых муджахидов ¹⁾. Вот я и приказал всем проповедникам в провинции внушать народу с амвонов, что все эти предания дома Сефевидов не касаются, так как Сефевиды происходят из рода пророка и семейства имама, а известно, что святые имамы устанавливали законы для других, а не для своего семейства. Теперь, когда жизнь прибежища мира из-за движения звезд в опасности, сердце мое от скорби жарится, как рыба на сковородке. Маленькому разуму моему кажется, что проклятый главный звездочет лучше нашего знает это дело. Это прямая измена шаху — сказать о движениях звезд и не сообщить средства против них. Невозможно, по моему смиренному разумению, показать яд и не указать противоядия. Да и великий пророк изволил сказать, что все, мол, звездочеты обманщики. Эти слова я направляю против них, а не против их науки, так как, большею частью, их предсказания оправдываются. Но сами-то они лгуны и негодяи. Пусть прибежище мира призовет его самого, да и спросит о средствах отвратить это несчастье. Если станет отплевывать, то прикажи отрубить ему голову.

У главного муллы была старинная вражда с главным звездочетом, и он счел этот случай очень удобным для того, чтоб, как следует, насолить ему, да заодно и другим звездочетам. Да и глуп же, по правде сказать, этот главный звездочет! Ну, какая ему была нужда сообщать шаху эту неприятную новость, давать повод таким разговорам и самого себя подвергать опасности? Когда такие речи передали впоследствии главному звездочету, он ответил:

— Я боялся, что если я раньше не сообщу про это шаху, об этом донесут ему другие звездочеты, и я в глазах шаха окажусь ничего непонимающим ослom и буду отставлен от должности.

Как бы то ни было, шах чувствовал себя плохо из-за этой неприятной новости, которую он услышал от звездочета. Он и без наветов главного муллы сердился на него. Громким голосом позвал он Ходжу-Мубарека, а когда Ходжа явился, приказал.

¹⁾ Авторитетнейшие представители класса ученых законоведов, разъяснения которых не подлежат критике и принимаются беспрекословно.

— Сейчас же пошли ферраша, пусть он приведет ко мне главного звездочета. — Ходжа повернулся, и через час главный звездочет был у шаха. Шах, точно расвишпепевший лев, приподнялся и стал выговаривать:

— Ах, ты, проклятый! Напугал меня несчастьем, которое сулят звезды, а средство против несчастья скрыл! Палача! — Тотчас же вошел страшный палач с кнжиком за поясом и с веревкой в руке. У главного звездочета и дуна воп — задрожал, как лист. А шах палачу приказывает:

— Сейчас же руби этой собаке голову!

Главнокомандующий Заманхан, хоть и военный, был человек мягкосердечный. Он сжалился над главным звездочетом, встал и доложил шаху:

— Да буду я за вас жертвой! Когда отрубят голову этой собаке, то у кого же мы спросим про средство для отвращения несчастья? Я униженно прошу, ради белых волос моей бороды, отмените казнь, спросите у него, какие меры нужно принять против несчастья, которое сулят звезды. Если он не даст настоящего ответа, тогда мы и осудим его на казнь.

Шах велел палачу оставить звездочета и выйти. Потом, обратившись к главному звездочету, сказал:

— Ну, проклятый, сейчас же говори, какие меры нужно принять против беды!

Бедняга звездочет был в трудном положении; он не знал, какую предложить меру. От страха он не мог ничего сообразить. Наконец, сказал:

— Да буду я жертвой за вас! Предупредить несчастье можно. Дайте только мне час сроку, я пойду посмотрю в астрономические таблицы, составленные Улуг-беком ¹⁾, а потом вернусь и доложу.

В астрономических таблицах Улуг-бека никогда ничего не было написано о предупреждении несчастий, но главный звездочет хотел воспользоваться этим предлогом, чтоб посоветоваться с мевляной ²⁾ Джемаль-эд-Дином, которого он считал более себя опытным в науке о звездах. Шах отпустил его, но главный звездочет еще не вышел, как вошел Ходжа-Мубарек и доложил, что мевляна Джемаль-эд-Дин просит у шаха приема. Шах велел позвать его и главному звездочету приказал:

— Останься здесь не надолго.

Мевляна вошел в комнату, оказал шаху, какие полагаются, почести и по знаку шаха сел. Потом он сказал:

— Да здравствует прибежище мира! Ваш покорный слуга, по причине своей старости, отстранился от дворца и выбрал себе сидение в углу. Но в это время, когда в пятнадцатый день после нового года сблизятся друг с другом звезды Скорпион и Марс и с священной особой шаха, прибежища мира, возможно, случится большое несчастье, я счел своим долгом осчастливить себя посещением шаха, сообщить ему заранее про звезды и предложить против опасности кой-какие меры, которые, сохрани Бог, могут быть неизвестны молодым звездочетам.

¹⁾ Правитель Туркестана (1447—49). Отличался любовью к науке, в особенности, к астрономии.

²⁾ Титул высших духовных лиц.

Шах очень обрадовался и приказал:

— Мевляна, мы как раз совещались об этом деле. Про звезды известно, а ты расскажи, какие нужны меры.

Мевляна сказал: — Пусть шах, прибежище мира, в эти несчастливые дни, то-есть, пока не пройдет пятнадцать дней после нового года, откажется от власти и передаст свой трон и свою корону какому-нибудь преступнику, достойному смертной казни, а сам пусть скроется с глаз народа. Таким образом, действие звезд падет на голову преступника, так как он в то время будет дарем Персии. Когда несчастье случится, и тот преступник, которому будут принадлежать трон и корона, погибнет, тогда шах, прибежище мира, выйдет из своего убежища, где он скрывался, и опять будет владеть короной и троном и будет царствовать в полном счастье и здравии. Но пусть никто из народа не знает об этих мерах и не думает, что шах, прибежище мира, временно отказался от короны и трона и возвел на престол преступника. Пусть признают его настоящим дарем. Необходимо еще дать развод женам в гареме и разорвать брачные записи. А потом предложить женщинам, не выйдут ли они еще раз за Аббаса, сына Мемеда, но не шаха, а простого человека из народа, чтоб с ним делить нужду и бедность. Всякую, которая на это согласится, обручить с Аббасом, сыном Мемеда, и написать брачные записи, а тех, которые не согласятся, отпустить.

Главный звездочет был спасен от гибели. С лица шаха исчезли все следы испуга. Бледность сменилась румянцем. У всех присутствующих вырвался громкий крик одобрения уму и способностям мевляны. Шах радостно обратился к главному мулле и спросил:

— Есть ли у вас на виду такой большой преступник против закона, который был бы достоин смерти, чтоб ему передать царство, трон и корону?

Главный мulla отвечал:

— Да подаст Создатель счастливую жизнь шаху, прибежищу мира! В Казвине появился бездельник, такой, что на всей земле не найдется никого более преступного и более достойного смерти. Его зовут седельник Юсуф. Неизвестно, где он получил воспитание, но теперь, когда он поселился в Казвине, к нему стал приходить в ученики разный сброд, и он пустился болтать своим языком всякую ложь и хулу на благородных ученых и служителей светлого закона. Этот проклятый открыто учит своих учеников, что будто благочестивые знатоки закона обманывают народ. По его мнению, например, совсем ненужно муджахидов. Противно закону отдавать часть дохода или сбор на имама. Будто правоведы потому не считают возможным для простого народа придерживаться мнений покойных правоведов-муджахидов, что из-за этого им нечего было бы толковать законы и не откуда было бы получать доход. Да, кроме этого, толкует еще и про наше высокое государство: говорит, что все начальство, от старосты в деревне до шаха — притеснители и разбойники, что от них государству и народу никогда никакой пользы не было, что они, подчиняясь своим страстям и желаниям, только мучили и притесняли несчастный народ. В своих поступках они не подчиняются никакому закону и никаким правилам. Такого-де рода

поведение прилично только тиранам и разбойникам. Говорят про него, что он проповедует о переселении душ. Смиранный богомолец о долголетию сильной державы вашей полагает так, что шаху — прибежищу мира нужно передать трон и корону этому мошеннику, чтобы он, благодаря действию звезд, получил достойное его наказание и отправился в преисподнюю.

Все присутствующие на заседании согласились с этим мнением и громким голосом подтвердили:

— Да, этот проклятый седедельник Юсуф вполне достоин смертной казни и небесных напастей.

Шах повеселел и сказал:

— Я согласен на его смерть. Завтра утром это и будет приведено в исполнение. — Присутствующие на заседании получили разрешение уйти, и собрание разошлось.

Может быть, читатели усомнятся в истинности рассказываемых происшествий и сочтут это вымыслом. В таком случае я прошу их почитать в книге, под заглавием «История, украшающая мир», о событиях в седьмой год после восшествия на престол шаха Аббаса.

На другой день после описанного выше заседания по приказу шаха в шахский дворец сошлись все вельможи, дворяне, высшие чины государства, ученые законоведы, священство и вообще все чиновничество от деревенского старосты до везира. Всякий стоял на своем месте в полном молчании и неподвижности, дожидаясь выхода шаха. И вот шах появился с короной на голове и с украшенным бриллиантами жезлом в руке; на нем были усаженные драгоценными камнями нарукавники, красивый пояс и меч. Он поднялся и сел на трон, который стоял под балдахинном, возвышавшимся на аршин над полом, с открытыми занавесями; он со всех сторон был виден народу. Обратившись к присутствующим в приемном зале, он сказал: «Господа, теперь уже седьмой год, как я, по соизволению Всевышнего Господа Бога, царствую над вами. По мере своих сил я оказывал каждому из вас милости и ласки. И вами я много и много доволен, так как все вы из-за любви к дому Сефевидов выказывали мне преданность и верность. Ныне, по причине некоторых затруднений, открыть которые вам я не считаю нужным, я принужден отказаться от царства и передать трон и корону кому-нибудь другому, кто более меня был бы достоин этого высокого места. Такого человека укажут вам главный мулла, главнокомандующий Заман-хан, везирь, министр финансов, мевляна Джемаль-эд-Дин и главный звездочет. Нужно, чтобы вы все торжественно и с пышностью пошли к нему, привели его и, возведя на престол, признали бы его своим самодержавным царем и повиновались бы этому человеку, который наследует мне по моему повелению». Когда шах кончил свою речь, он снял корону и положил ее на трон, снял все свои пышные одежды, меч и пояс и набросил на себя старую изношенную одежду. Потом еще раз обратился к народу и сказал:

— Теперь я нищий из среды народа Аббас, сын Мемеда. Не ищите меня, так как все равно не увидите. Господи, благослови». — Он сошел с трона и пошел в гарем.

Все обитательницы гарема по приказанию шаха собрались в одну комнату, дожидаясь его. Шах вошел в комнату в пополенной одежде. Гаремные красавицы, увидев его в таком виде, чуть не расхохотались. Но суровый вид и нахмуренные брови шаха удержали их от этого. Шах приказал Ходже-Мубареку:

— Приведи муллу Русуля с его двумя товарищами.

Муллы уже ранее пришли и стояли у дверей. Когда они вошли, шах дал знак сесть. Потом, обратившись к гаремницам, сказал:

— Мои дорогие супруги, с крайним сожалением я должен сообщить вам неприятную новость. Да будет вам известно, что я отныне не царь Персии. У меня нет средств содержать вас во дворцах, давать украшения и наряды. Я — бедняк из среды народа и ничтожный человек. Необходимо поэтому дать вам развод и освободить вас, чтоб вы могли выйти за того, кого полюбите.

Потом, обратившись к мулле Русулю, приказал:

— Разведи их со мною.

Мулла Русуль каждой гаремнице прочел формулу развода в присутствии двух свидетелей. Гаремные красавицы, видя такие события, страшно перепугались. Они не знали, что и подумать, так как никогда этого не бывало. Все были в страшном изумлении.

Когда обряд развода кончился, Ходжа-Мубарек по приказанию шаха разорвал их брачные записи. Шах еще раз обратился к гаремным красавицам и сказал:

— Если какая-нибудь из вас, не боясь бедности и нищеты, захочет выйти за меня, Аббаса, сына Мемеда, то я снова велю прочесть формулу брака.

Все гаремницы пожелали снова выйти за шаха, так как шах был юн и красив. Да, кроме того, они все это считали за шутку, никому из них и в голову не приходило, чтоб шах Аббас неожиданно стал Аббасом, сыном Мемеда. Но были среди них две красавицы, которые против своей воли попали в шахский гарем, и они робко, тихим голосом, заявили:

— Мы вышли за джаря и были очень довольны своим счастьем и своим саном. А теперь, когда мы этого счастья лишились, мы не хотим выходить замуж за Аббаса, сына Мемеда.

Тотчас же обе они были отпущены. Все же прочие гаремницы были снова обвенчаны с Аббасом, сыном Мемеда, и Ходже-Мубареку было приказано всех их пешком свести в один определенный дом в начале шестой улицы Казвина. Сам Ходжа-Мубарек потом должен был вернуться во дворец, в приемный зал. Аббас, сын Мемеда, вышел из гарема и скрылся.

Мастерская седельника Юсуфа была расположена на восточной стороне площади при шахской мечети. Было два часа пополудни. Седельник Юсуф, совершив полуденную молитву, сидел и шил узду, которую заказчик просил его приготовить именно в тот день. С ним сидели двое его друзей и слушали его речи. Седельник Юсуф жаловался на дороговизну, из-за которой

несчастные бедняки в том году терпели большую нужду. В конце прошлого года по причине засухи и недостатка воды в окрестностях Казвина большая часть посевов сгорела и погибла. Это и было причиной дороговизны. Седельник Юсуф говорил:

— Удивляюсь я этому правительству: есть тысячи способов провести в Казвин воду, но оно так беспечно, что совсем не обращает на это внимания и не думает о своих подданных и о благоустройстве своей столицы.

В это время на западной стороне площади поднялось облако пыли. Седельник Юсуф, не выпуская из рук иглы, поднял голову и увидел целую процессию. Но ему и в голову совсем не приходило, что эта процессия направляется к нему. Как раз на него шли двенадцать скороходов в одеждах из крученого шелка и в четырехугольных шапках; за ними шли двенадцать знаменосцев с разноцветными знаменами; потом — отряд прислужников, на голове одного из них был поднос; ферраши с палками в руках, а за ними главный конюший вел в поводу туркменского коня с разукрашенным драгоценными камнями седлом и сбруей; на коне была расшитая золотом уздечка, жемчужная перевязь на плечах, изумрудный кутас на шее. А за ними шли в полном величии и торжественности главный мулла, главнокомандующий Заман-хан, везирь, министр финансов, мевляна Джемаль-Эд-Дин, главный звездочет, почтенные законоведы, священство и прочие знатные, именитые и чиновные лица. Они приблизились к мастерской седельника Юсуфа и все остановились. Главный мулла и главнокомандующий приподнялись на стремена и поклонились седельнику Юсуфу. Седельник Юсуф почтительно встал, крайне удивленный. Тогда главный мулла начал говорить:

— По воле судьбы, мастер Юсуф, сегодня ты — наш государь. Теперь уже нет на персидском троне шаха Аббаса. Сделаю нам честь и осчастливив нас, пожалую в царский дворец, чтоб торжественно вступить на престол.

Крайне удивленный седельник Юсуф не мог понять, что это значит. Перед ним стояли все сановники страны. Такие речи говорил ему главный мулла, который по всей Персии считался солидным человеком. Но это было до такой степени удивительно, что седельник Юсуф не мог поверить, хотя и видел все собственными глазами. Наконец он собрался ответить:

— Виноват, господин главный мулла, я считал ваше степенство одним из серьезных людей в Персии, и не знаю, помешались вы или шутите, что говорите мне такие речи. Я — простой дяденька седельник и никакого касательства не имею к престолу и короне. Ей-богу, я не могу понять, чему приписать ваш поступок. Я совсем сбит с толку. Почтительнейше прошу, не шутите со мною.

Тогда начал говорить главнокомандующий Заман-хан:

— Мастер Юсуф, ты теперь прибежище мира, и все мы твои рабы и псы на твоём пороге. Тебе неприлично почтительнейше просить нас, а надлежит по-царски повелевать. Мы не помешались и не шутим. Все мы в здравом уме и твердой памяти. Предписания всевышнего господа бога неизменны. Сегодня по всей Персии признана твоя власть. Соизволь пожаловать, как предлагал главный мулла, в царский дворец, чтоб торжественно воссесть на престол.

Потом, обернувшись к стоявшим тут четверем прислужникам, сказал: — Принесите царские одежды и оденьте прибежище мира.

Прислужники вошли в мастерскую, неся в руках поднос, на котором лежали царские одежды, поставили поднос на пол и стали раздевать седельника Юсуфа, снимать его поношенное платье и облачать его в царские одежды. Седельник Юсуф не сопротивлялся, а покорно стоял, позволяя им делать все, что они хотят. Наконец облачение кончилось. Главный конюший подвел лошадь в красивой уздечке. Седельника Юсуфа усадили на нее, и процессия тем же порядком двинулась во дворец. Поминутно на улицах раздавались крики феррашей: «расходитесь! расходитесь!» Жители Казвина, мужчины и женщины, старые и малые, высунулись в окна, вышли на крыши и смотрели, и так как никто ничего не знал, то все были очень удивлены.

У ворот царского дворца ферраши помогли седельнику Юсуфу сойти с коня. Главный мулла и главнокомандующий Заман-хан взяли его под руки и с почтением ввели в тронный зал. Там они посадили его на царский трон, и все сановники государства, ученые правоведы, священство, именитые и благородные, и все чиновничество встали рядами перед троном и почтительно сложили руки. Главный мулла прочитал молитву и возложил царскую корону на голову седельника Юсуфа, потом опоясал его разукрашенным поясом, повесил меч, одел усаженные драгоценными камнями паруканники и дал в руки прекрасный жезл. Потом опять прочитал молитву и обратился к собравшимся:

«Приветствуйте государя!» — и в небеса полетели приветственные крики, отражаясь от стен дворца; раздались веселые звуки флейт, и вверх взвились ракеты. Это было знаком, и в крепости, расположенной за городом, произвели сто десять салютных выстрелов. Хотя после знаменитых поэтов Саади и Хафиза поэзия в Персии упала, и стихи поэтов были бессодержательны и пустословны, но, благодаря господу богу, в то время нашлось несколько человек, обладавших поэтическим талантом. Они экспромтом сочинили блестящие оды на восшествие на престол шаха Юсуфа, в которых описывалось это торжество и сам он сравнивался по мудрости с Соломоном, по щедрости с Хатимом ¹⁾, по храбрости с Рустемом ²⁾ и по могуществу с самой судьбой. Казвинские остроумцы сочинили даже стишки-хронограмму ³⁾ на это событие:

Наш Юсуф — не тот Иосиф,
Что красой был славен встарь;
Он — не царь среди красавцев,
Но зато он персов царь.

¹⁾ Хатим или полное Хатим Таи — герой арабских легенд, отличавшийся чрезвычайной щедростью.

²⁾ Рустем — персидский богатырь, герой знаменитой поэмы «Шах-намэ».

³⁾ В мусульманских азбуках, как и в нашей славянской, буквы имеют еще значение цифр. Хронограммами называются такие стихи, в которых, если подставить, вместо букв, цифры, выйдет год, месяц и число, в которые совершилось описываемое событие, в данном случае восшествие на престол шаха Юсуфа.

Когда торжество кончилось, главный мулла объявил народу:

— «Можете расходиться!»—Все вышли из дворца. Остался только шах Юсуф на своем троне. Перед ним стоял евнух Мубарек с другими евнухами, несколько прислужников со своим начальником Азым-беком, а снаряды были ферраши. Шах предавался раздумью. Через некоторое время он спросил Ходжу-Мубарека:

— Кто вы такие?

Ходжа-Мубарек ответил:

— Мы смиренные и преданные евнухи вашего гарема; я — их начальник, а они — мои подчиненные.

Потом шах повернулся к прислужникам и спросил:

— А вы кто?

Начальник прислужников Азым-бек отвечал:

— Мы — ничтожные слуги ваши, прислужники. Я — их глава, а они — мои подручные.

Шах Юсуф спросил:

— А кто это вы видите за дверями?

Азым-бек ответил:

— Это — ферраши, готовые служить вам.

Шах Юсуф приказал:

— Вы выйдите вон, и твои подчиненные, Ходжа-Мубарек, пусть выйдут, а ты сам останься.

И вот, когда все вышли, шах Юсуф подошел к себе Ходжу-Мубарека и сказал:

— По твоему лицу я вижу, что ты, должно быть, хороший человек. Скажи мне, почему это все так произошло. Ведь, ты постоянно находился в покоях шаха Аббаса. Невозможно, чтоб тебе это было неизвестно.

Случайно Ходжа-Мубарек был, действительно, человек очень честный и справедливый. Он подумал:

— Нехорошо от государя скрывать правду.

Так как он всегда находился за дверями той комнаты, в которой сидел шах Аббас, чтобы тотчас явиться, когда позовут для чего-нибудь, то он знал все, что произошло в предшествующие дни и слышал все совещания и разговоры между вельможами. Он знал все и рассказал про это от начала до конца шаху Юсуфу. Шах Юсуф спросил:

— А где шах Аббас?

Ходжа-Мубарек ответил:

— Он переселился нищим и скрылся, и теперь неизвестно, где он.

Шах Юсуф был человек умный. Он звезд не боялся. Но такое необычное возвышение его пугало. Все же, в конце концов, он не видел возможности отказаться от власти, раз ее навязало ему столько народу. Поневоле он принялся за дела правления. Прежде всего, он велел явиться начальнику феррашей Асад-беку и приказал ему:

— Сейчас же возьми с собой двенадцать феррашей, арестуй и приведи главного муллу Ахунда Саманда, главнокомандующего Заман-хана,

везиря мирзу Мухсинна, министра финансов мирзу Яхью, главного звездочета мирзу Садр эд-Дина и мевляна Джемаль-эд-Дина. Посади их в тюрьму в крепости. Когда ты исполнишь приказание, вернись и сообщи.

Асад-бек поклонился в землю и отправился. Тогда шах Юсуф позвал начальника прислужников Азым-бека и приказал:

— Распорядись, чтоб мне приготовили ужин, а то я сегодня ничего еще не ел.

Начальник прислужников доложил:

— Я уж распорядился. Повара готовят ужин.

Шах приказал:

— Теперь подите сюда, ты и Ходжа-Мубарек. Покажите мне одну за другой все комнаты и гарем. Объясните, где моя спальня.

Начальник прислужников и Ходжа-Мубарек пошли перед ним и стали показывать комнаты одну за другой. В первой комнате были разостланы разноцветные ковры, стены и потолок были расписаны изображениями чудесных цветов, трав и птиц. И вторая комната была устлана коврами, а на стенах были изображения покойных шахов из дома Сефевидов и знаменитых даревичей. В третьей комнате на стенах были нарисованы портреты государей из других персидских династий. В четвертой комнате на стенах были нарисованы древние персидские богатыри и мазандеранские ¹⁾ демоны, о которых говорится в поэме «Шах-намэ»; они бились между собою, демоны были с рогами и хвостами. На стенах пятой комнаты были изображены войны, которые вел шах Исмаил ²⁾ Сефевид. Стены всех комнат гарема были расписаны изображениями девушек и юношей; юноши почтительно подавали девушкам букеты цветов, а девушки юношам подносили бокалы. В каждой комнате была приготовлена постель. Шах Юсуф назначил себе спальней одну из комнат гарема и спросил у Ходжи-Мубарека:

— Какая комната в гареме гардеробная?

Ходжа-Мубарек доложил:

— Это комната в самом конце. Но дверь ее заперта, и ключ у Аги Хасана, хранителя сундуков.

По приказанию шаха, начальник прислужников тотчас же привел хранителя сундуков. Открыли дверь гардеробной комнаты и показали шаху. Это была большая комната. В ней по всем стенам были расставлены сундуки. Подняли крышки сундуков и показали шаху редкостные и удивительные наряды и украшения. Там были дорогие кашмирские шали, изящные женские платья, ткани из чистого шелка, розы, серьги, кольца, сделанные из драгоценных камней, ожерелья из отборных кораллов. У шаха Юсуфа было три дочери, старшая — четырнадцать лет, средняя — двенадцати и младшая — восьми, да два сына, шести и четырех лет. Он каждой дочери выбрал по розе, по паре серег, по кольцу, по ожерелью, по полному

¹⁾ Мазендеран — провинция Персии на юге Каспийского моря. Считалась жилищем демонов.

²⁾ Исмаил Сефевид — первый шах из династии Сефевидов.

наряду и по шали. Жене выбрал наряд и шаль и, передав все это Ходже-Мубарек, приказал ему:

— Снеси это моей жене, которая живет на Второй Казвинской улице, в моем старом доме. Скажи ей, чтоб она обо мне не беспокоилась и послала бы ко мне завтра сыновей.

Ходжа-Мубарек взял с собою двух феррашей и отправился. В это время зашло солнце. Начальник прислужников предложил шаху вернуться в первую комнату. Зажгли красные свечи. Накрыли на стол. Шах совершил омовение, прочитал молитвы перед едой и на сон грядущий и сел за стол. Прислужники принесли разнообразные кушанья. Шах кончил ужин, стол убрали. Принесли кувшин и поднос, шах вымыл руки. Принесли кофе — выпил. Подали кальян — закурил. В это время вошел начальник прислужников Асад-бек и доложил о том, что приказания шаха исполнены. Шах сказал:

— Хорошо, можешь идти. — Потом вернулся Ходжа-Мубарек, доложил о том, что все вещи доставлены на место и сказал:

— Супруга и дочери шаха в большом восторге от присланных вещей. И не только не беспокоятся о нем, но, наоборот, очень рады этому неожиданному событию. Они легли спать радостные и веселые.

Шах уже не беспокоился о своей жене и детях. Он расспросил еще кой о чем Ходжу-Мубарека и начальника прислужников. Прошло четыре часа после захода солнца. Шах встал и пошел в спальню. Он разделся и приказал начальнику прислужников:

— Караульному начальнику прикажи, чтоб он по-прежнему во всех местах расставил караулы.

Потом он накрылся одеялом и заснул. Начальник прислужников и Ходжа-Мубарек вышли и отправились каждый на свое место.

На другой день шах Юсуф пожаловал в приемный зал и велел позвать муллу Рамазана, Курбан-бека, мирзу Джемиля и мирзу Зеки, которые были его друзьями и которым он во всем доверял. Должность главного муллы он дал мулле Рамазану, главнокомандующим он назначил Курбан-бека, дав ему титул хана, везирство поручил мирзе Джелилю, а министром финансов назначил мирзу Зеки. Должность главного звездочета он упразднил, так как от нее государству и народу не было никакой пользы, один вред. Шах приказал, чтоб во все провинции, всем губернаторам были посланы грамоты и указы, чтоб они не смели приговаривать мусульман к смертной казни, когда на это нет законных оснований, чтоб они не дерзали, по одному только собственному желанию, присуждать людей к наказанию и смерти, отрезать у них носы и уши и выковыривать глаза. А вдобавок к указу в каждую провинцию были посланы надежные ревизоры познаться с состоянием провинций и с нуждами народа и, по возвращении обо всем доложить. Шах Юсуф призвал этих ревизоров к себе и сказал:

— Передайте от меня правителям провинций, чтобы они боялись бога, не чинили несправедливых дел, народ не притесняли и не разгоняли, не брали взятки и за верное знали, что такого рода поступки, в конце

концов, будут причиной их несчастья и гибели. Но если правители провинций довольствуются своим законным содержанием, они будут постоянно занимать свою должность, и народ будет их почитать, государи — ценить, и чины их день ото дня будут прибавляться.

С таким наставлением отпустил шах ревизоров. Потом он приказал насколько возможно понизить сумму поземельного налога, приказал везде строить новые дороги, в тех местах и на тех основаниях, где это нужно, велел построить мосты и караван-сарай. В каждой области распорядился открыть больницы и школы, в безводные местности велел провести воду. Вдовам и сиротам, парализованным и слепым оказывал помощь и покровительство. Он приказал, чтоб везде число ученых правоведов не превышало народной потребности в них.

Правосудие, которое есть одно из важнейших дел в государстве, он взял из рук ученых правоведов и поручил испытанным и верным чиновникам, чтобы народ в судебных делах не зависел всецело от ученых правоведов и не считал бы их единственным своим прибежищем и не удалялся бы от правительства. Он приказал, чтобы государственные земли повсюду были поручены четверем человекам из благочестивых людей и раздавались бедным в каждой провинции по особым спискам, и ведомости об этом присылались в шахскую канцелярию, и не было того, что одни из бедняков воспользуются государственными землями, а другие ничего не получают. Он распорядился, чтоб не сбиралась пятая часть ¹⁾ и отменил другие сборы на имама, чтоб потомок благословенного пророка не подвергался унижениям, выпрашивая милостыню, а подобно прочим людям зарабатывал бы себе хлеб каким-нибудь ремеслом. По провинциям было объявлено, чтоб впредь никто не смел делать подарки или приношения шаху, министрам или придворным, и чтоб никто не домогался такими подарками привлечь на свою сторону правительство: всякий должен был знать, что только его невиновность и беспорочная служба являются средством для его оправдания. Финансовое ведомство в каждой провинции было поручено особым доверенным лицам, под названием провинциальной казны. Государственные расходы назначались по особым книгам и в нужное время относились на счет провинциальной казны, а простой народ был совсем освобожден от забот о государственных расходах. Для увеличения доходов государства он постановил, чтоб купцы, низшее и высшее дворянство, члены шахской фамилии, а также ученые правоведы, священство и другие чиновные лица давали из своих доходов в казну: городские — одну десятую часть, а в деревнях — одну двадцатую. Было приказано, жалованье войску и служащим не задерживать, так как от этого вред государству, а выдавать без замедления из провинциальных казначейств. Было установлено, чтоб при продаже и покупке имений со стоимости имений взималось в пользу казны по

¹⁾ Пятая часть — первоначально та часть военной добычи, которая, по закону, следовала государю. Потом пятая часть стала взиматься не только с военной добычи, но и с других доходов. В Персии пятая часть шла в пользу потомков пророка.

пяти шахи ¹⁾ с томана ²⁾). Был уничтожен закон об обязательной продаже залогов, так как при таком законе тот, кто брал залог, отдавая в долг деньги, не был заинтересован в том, чтобы долг вернули, а, наоборот, заставлял нуждающегося к продаже заложенного имущества по низкой цене.

Когда главный мулла Ахунд Самад проведаль, сидя в крепостной тюрьме, что его сан и должность переданы мулле Рамазану, он с горя скоропостижно помер. А шах Юсуф еще приказал, чтоб были расширены казвинские улицы, а те места, где есть колодцы, велел покрыть, чтоб прохожие туда не падали. Он установил правила и порядок для выслушивания жалоб от населения и для суда и приказал, чтоб по причине дороговизны бедному населению Казвина выдавали из шахских амбаров пшеницу.

Потом еще шах созвал совещание из сведущих и искусных людей, чтоб обсудить, как провести воду в Казвин, велел составить и написать проект и подать ему на рассмотрение.

Прошла неделя после восшествия на престол шаха Юсуфа. Каждый день народ был свидетелем все новых и новых проявлений его мудрости и справедливости. Для Персии наступили дни благоденствия и счастья.

Но что толку? Человеческий род никогда не бывает доволен. Чего не доставало в раю отцу нашему Адаму и матери нашей Еве, что они нарушили повеление Божие и были изгнаны из рая? Таков уж человек! Жители Казвина не видели теперь каждый день, как на крепостных воротах вешали преступников, не наблюдали, как на шахской площади палач казнил людей, вздергивал их на виселицу, выковыривал им глаза. Это для них было очень удивительно. Сначала они говорили:

— Кажется, новый государь очень добрый и мягкий человек.

Потом начали рассуждать о его доброте и мягкости. Они приписали их глупости и слабости характера. Кроме этого, они находили еще в шахе Юсуфе тысячу других самых разнообразных недостатков. Короче говоря, жить под властью такого доброго государя показалось им очень тягостно. Отставленные от должности чиновники воспользовались таким настроением народа и не упустили случая извлечь из него выгоду. Каждому из них пришла в голову мысль о мятеже и восстании, и вскоре в Казвине вспыхнуло возмущение.

Первой причиной восстания был отставной главный конюший. Он встретил на улице бывшего казначея, пошел с ним вместе и стал расспрашивать:

— Боже! Тебя ли я вижу, мирза Хабиб? Ну, что поговаривает народ о нашем новом государе?

Мирза Хабиб ответил:

— Народ уж теперь отвернулся от нового государя. Теперь уж его называют глупцом и бездельником.

— Ей-богу, мирза Хабиб, народ умнее нас. Они правду говорят. Господи боже мой! Какую глупость мы совершили! Какого-то неизвестного седельника возвели на престол и сделали себе государем. И беду

¹⁾ Медная монета, стоимостью около 5 коп.

²⁾ Серебряная монета, стоимостью около 3 руб.

на себя накликали. За нашу службу и верность он лишил нас должностей и по всей стране обесчестил, как собак. Ей-богу, больше такого бесчестия и не бывает, какое мы перенесли.

Казначей. Но, ведь, мы признали его государем по приказанию шаха Аббаса. Что мы могли сделать?

Главный конюший. Верно! Тогда шах Аббас был нашим государем, и нам нужно было повиноваться его приказаниям. Но теперь, когда нет шаха Аббаса, что нам мешает свергнуть с престола этого проклятого безбожника, который, говорят, верует в переселение душ, и убить его. А потом мы посадим на престол какого-нибудь дариовича из дома Сефевидов, который по своему благородному происхождению будет достоин короны и трона.

Казначей. Да, ты хорошо говоришь. Я в этом отношении с тобой вполне согласен. Но что мы вдвоем можем сделать? Пойдем-ка к начальнику артиллерии и спросим его мнения. Ведь, он тоже из отставленных.

Оба они пошли в дом к начальнику артиллерии. Начальник артиллерии был очень рад их приходу. С большим интересом он выслушал их речи и во всем, что касалось восстания, с ними согласился. Он сказал:

— Но это дело без согласия начальника кавалерии Бакыр-хана не удастся. Мы с Бакыр-ханом большие друзья. Я беру на себя привлечь его к нашему делу. Я ему скажу, что в царствовании этого безбожного шаха Юсуфа и с ним может случиться такое же несчастье, какое неожиданно пришло на наши головы; надо, пока есть время, предупредить несчастье. Я уверен, что эти слова подействуют на Бакыр-хана, так как вчера на приеме шах на него сердился и бранил его за то, что он в пьяном виде пришел в мечеть для молитвы. Если Бакыр-хан на это дело согласится, с ним будет согласен и начальник пехоты Фарадж-хан, потому что Фарадж-хан — двоюродный брат Бакыр-хана и зять его и ни в чем ему не противоречит. А вы подумайте да идите к прежнему казвинскому генерал-губернатору и склоните его на свою сторону. Потом поручите ему посоветоваться с отставленным градоначальником и с начальниками городских кварталов об этом деле и узнать их мнение.

Заговорщики разошлись. Каждый из них пошел по своему делу. Все устроилось очень скоро. В течение трех-четырех дней переговаривали со всеми, с кем было нужно. Все согласилось на восстание и начали готовиться. Заговорщики решили окружить шахский дворец в среду утром, и, проникнув внутрь, свергнуть шаха Юсуфа с престола и убить его. Потом хотели выбрать нового государя из дома Сефевидов.

В назначенный день утром, когда еще не открывались ворота шахского дворца, дворец окружили конные и пехотные в полном вооружении. Узнав об этом, шах Юсуф приказал не открывать ворот. Таких непозволительных действий шах Юсуф ожидал от бывшего главного муллы Ахунда Самада, главнокомандующего Заман-хана, визиря мирзы Мухсина, министра финансов мирзы Яхьи, главного звездочета и мевляны Джемаль-эд-Дина, которые пользовались большим влиянием и явно ему не сочувствовали. Поэтому со дня своего восшествия на престол из предосторожности он и поса-

длн их в тюрьму. Но опасность грозила с другой стороны. Доброжелатели шаха Юсуфа, узнав об этом, стали большими толпами и вооруженные собираться тоже к шахскому дворцу. Они встали против заговорщиков, начали их усовещевать и уговаривать, чтобы они отказались от своего намерения, но бесполезно. Дело нельзя было поправить никакими переговорами. Схватились они друг с другом стреляться и биться. Настоящее светопреставление! С обеих сторон не жалели ни голов, ни душ. Наконец, перестрелка кончилась, бросились друг на друга с саблями и кинжалами. Кровь текла, точно вода. Сражение продолжалось три с половиной часа в крайнем ожесточении. С обеих сторон пало убитыми и ранеными около шести тысяч народу. Наконец, среди сторонников шаха Юсуфа появились слабость и расстройство, так как неблагодарный народ вышел из города и мало-по-малу стал присоединяться к бунтовщикам, что было причиной увеличения их численности и силы. Поэтому сторонники шаха Юсуфа были разбиты, и каждый старался унести как-нибудь с поля битвы свою голову и спасти свою душу. Мятежники бросились и сломали ворота шахского дворца, проникли внутрь и стали искать шаха Юсуфа, но не нашли. Шах Юсуф пропал. Одни говорят, что во время сражения он был среди своих сторонников, ободряя их своим присутствием, и был убит в сражении. Другие утверждают, что он незаметно вышел из толпы и скрылся. Короче, и среди убитых не было его тела, и в другом месте после этого дня он нигде не показывался. Мятежники разгромили дворец шаха и оттуда рассыпались по базару. Они разграбили все лавки и каравансарай. Потом перешли в еврейские и армянские улицы. Там всех разорили и разграбили. Много бесчинства и зла совершили. Зашло солнце. Всякий вернулся в свой дом и на свое место. Мятеж и волнение утихли.

На другой день главари заговора наскоро отправились в крепость, освободили из тюрьмы главнокомандующего Заман-хана, везиря мирзу Мухсина, министра финансов мирзу Яхью, мевляну Джемаль эд-Дин и главного звездочета, рассказали им о том, что произошло и спросили:

— Какого же царевича из дома Сефевидов вы считаете теперь достойным короны и трона?

Мевляна Джемаль эд-Дин сказал:

— Спаси вас бог! Скажите, которое теперь число?

Главный конюший ответил:

— Сегодня шестнадцатый день после нового года.

Мевляна обрадовался и сказал:

— Не горюйте! Восстание произошло вчера, значит, несчастье уже совершилось. Из Сефевидских царевичей ни один не годится на дарство. Все они глупы и слепы. Одних из них ослепил шах Исмаил II, а других сам шах Аббас. Ни один из них не годится, все вышли из дела. А государем нашим опять будет шах Аббас.—Главный конюший сказал:

— Мы его дарствованием очень довольны. В его время всем нам было хорошо. Что за польза вышла из того, что он отказался от трона и короны и скрылся с глаз? Теперь мы не знаем, где он.

Мевляна засмеялся и сказал:

— Для его отречения от трона и короны была причина. Теперь эта причина миновала. Мы знаем, куда он скрылся. Пойдем и приведем его во дворец.

Все встали и пошли к дому, в котором скрывался шах Аббас. Они взяли его и привели в шахский дворец. Попрежнему ему стали принадлежать трон и корона, все дела пошли старым порядком, как будто бы ничего и не было.

Удивляюсь я глупости звезд, как они не догадались, что персы их обманывают. Седельник Юсуф никогда не был персидским шахом. Персы притворно сделали его своим государем. Возможно ли такое неразумие, что звезды дали персам обмануть себя, погубили несчастного и неповинного седельника Юсуфа, оставили в стороне шаха Аббаса и не обращали внимания на его сорокалетние кровопролития и жестокости. Примером низкой жестокости шаха Аббаса было убийство его собственного сына; у двух сыновей он велел выковырять глаза. Больше сыновей у него не было. Ему наследовал его внук.

Но за что бранить звезды? У них не было вражды к личности шаха Аббаса. Им было нужно только в пятнадцатый день после нового года свергнуть с престола того, кто сидел государем в Персии, и сделать его несчастным. В это время на персидском престоле сидел седельник Юсуф. Поэтому звезды его и ввергли в несчастье. Звездам никогда и в мысль не приходило, что персы их обманут, вместо настоящего государя поставят под их удары государя поддельного.

Перевел с турецкого

П. Фалев.

М. МАПУЭЛЯН

С К А З К А

Армянская литература, богатая и цветистая, как все литературы востока, насчитывает за собою целый ряд столетий и огромное количество ярких, своеобразных произведений. Народ, долгие века находившийся под игом султанской Турции и царской России, все-таки ухитрился в своем творчестве достигать порою высокого подъема духа и совершенства формы.

В силу территориально-политических условий, современная литература Армении разделяется на две отрасли: турецко-армянскую и русско-армянскую, из коих последняя, непосредственно близка нам.

Нет ничего удивительного, что основным мотивом в армянской поэзии и беллетристики за XIX и начало XX века является пламенный, настойчивый, неудержимый патриотизм. Оскорбленное бесчисленными насилиями старой Турции и царской России, нескончаемым рабством под иноземным владычеством, национальное чувство армян искало отдушины в литературном творчестве. Великие идеи международного братства, классовой борьбы, пролетарского самосознания еще не консулись тогда литературы Армении.

Величайший армянский патриот-поэт Рафаэль Патканян ярче всех выразил эти национальные чаяния и стремления в своих широко-популярных стихотворениях-песнях. Патканян создал делую школу, целую плеяду последователей как в области стиха, так и прозы.

Раффи, современник Патканяна, писавший прозой, не менее названного поэта поработал для националистического направления армянской литературы. Исторический беллетрист Мурадан дал целый ряд художественно обработанных образов, оживив память многих великих борцов за независимость родной страны.

Ближе к современности беллетрист Агаровян, певец ужасов неволи и национальной скорби. В области поэзии мы найдем ряд имен достаточно популярных на своей родине; у всех ярко звучит струнка национальной скорби, вечно горит в стихах огонь ненависти к угнетателям и надежда на возрождение независимой Армении.

Последние мировые события отразились также и на армянском литературном творчестве. Узкий национализм уступил место лозунгам мирового братства, пролетарской борьбы за мировую власть трудящихся, которые нашли свое выражение в произведениях молодого писателя Чаренца, проникнутого марксистскими тенденциями.

Современные поэты-коммунисты Акопян и Териан тоже представляют собою замечательные образцы пролетарского творчества. Акопян был бельмом на глазу у армянской буржуазии еще до революции: он воспевал труд рабочих, бедноту и классовую борьбу. Териан — крупный лирик, сложивший вдохновенные гимны пролетарской революции в России, погиб преждевременно от чахотки, успев дать много вдохновенных лирических произведений. По сравнению с ними остальная современная армянская литература бледна и отстала, хотя новые влияния уже мощно проникают и в нее.

Приводимое ниже произведение М. Мануэляна отличается тем, что в нем совершенно отсутствует националистическая окраска. Мануэлян вообще — бытописатель, чуждый трафарета и печати какого-либо специального направления. Из его рассказов пользуются популярностью: «В пивнушке», «В Сабунчах», «Грабы», «Голод», «В больнице», затем драматические произведения: «Драматические этюды» и другие. Один из последних «Сказка» и помещается ниже. Перевод с такого трудного языка, как армянский, конечно, не передает всех красот подлинника, его певучего языка, его красочных образов, его местной колоритности. Но все же по этой вещи можно судить о таланте М. Мануэляна, который еще не сказал своего последнего слова и в будущем сулит многое.

Г. А.

Действующие лица: Он, его жена, кормилица, первый слуга, второй слуга.

Комната в башне из белого мрамора, на берегу моря, роскошно убранная в восточном стиле. Снизу доносится плеск волн, бьющихся о стены башни. Посредине — три окна. Среднее окно выходит на озеро, образуя в комнате нишу. Окна увешаны дорогими портьерами. Комната убрана коврами и цветами. Справа, у стены — тахта, покрытая тигровой шкурой. Перед ней стол, инкрустированный черным перламутром. Вход — слева.

При поднятии занавеса, у стены, безмолвно стоят двое слуг. Они словно чего-то ждут. Комната слабо освещена лунным светом.

Первый слуга. А если не придет?

Второй слуга. Прибудет.

Первый слуга. Ты знаешь пароль?

Второй слуга. Знаю.

Первый слуга. Море беспокойно, вряд ли сегодня прибудет. (После некоторого молчания). Ты знаешь, кто он такой?

Второй слуга. Нет.

Первый слуга. Говорят, это ее прежний любовник, гяур какой-то.

Второй слуга. Если бы его выдали мне, я б его изрубил на куски.

Первый слуга. Замечаешь, как сумрачен наш господин?.. Он страшно страдает.

Второй слуга. Я видел, как он плакал. Лет двадцать, как я служу в этом доме, и впервые видел его плачущим. Он очень несчастен. Много было у него детей, но теперь остается в живых только один. Он дрожит над ним, а ребенок такой бледный. Он схоронил двух сыновей, схоронил жену без слез, стальное сердце у него. Я не представлял себе, как этот могучий человек может плакать, но сегодня я видел его в слезах.

Первый слуга. Должно быть, он сильно любит.

Второй слуга. Жизнь его была беспросветной, жестокой ночью. Он никого не любил. Все трепетали перед ним.

Первый слуга. У него такой суровый взгляд... Я не осмеливаюсь смотреть ему прямо в лицо.

Второй слуга. Он очень несчастен. Один только раз я видел его веселым, счастливым. Он радовался, как ребенок... Никогда я не видывал его таким!

Первый слуга. Когда это было?

Второй слуга. Когда наша госпожа впервые вступила в этот дом. Он был ласков даже со слугами... полной пригоршней бросал им серебро.

(Молчание).

Первый слуга. Где он встретил госпожу?

Второй слуга. Не знаю, это длинная история... Говорят, он убил ее возлюбленного, который собирался ее увезти в другую страну. Она давно была у него на примете. Это — дочь какого-то богатого армянина.

Первый слуга. Армянка?

Второй слуга. (внезапно) Шш... тише!.. Не слышишь?

Первый слуга. Нет, ничего.

Второй слуга (напрягая слух). Шш...

(Легкий свист снизу).

Второй слуга. Оп!

Первый слуга. Спустить?

Второй слуга. Потерпи.

(Свист повторяется).

Второй слуга. Спускай!.. осторожней, сам не показывайся!

Первый слуга. Темно.

Второй слуга. Тише!.... ш.... ш....

(Молчание. Спускают канат, который одним концом привязан к решетке окна).

Второй слуга. Нож при тебе?

Первый слуга. Да. (Молчание). Он схватился за канат... Поднимается.

Второй слуга. Шш... Тише!

(Молчание, доносится всплеск волн).

Первый слуга. Дать ему подняться?

Второй слуга. Я скажу когда.

Первый слуга. Он уже близок.

Второй слуга. Много еще остается?

Первый слуга. Чутьчку.

Второй слуга. Режь!.. Ну!

Первый слуга. Руки дрожат.

Второй слуга. Скорей!

Первый слуга. Не могу!

Второй слуга. Трус!.. дай мне!

(Берет нож и одним взмахом разрезает).

Первый слуга. Готово!

Второй слуга. (Подходя к окну) Ха-ха-ха!.. Конечно!.. Пусть барахлит прибрежные утесы!.. Он разбился об острые, черные скалы... Зажги свет!

(Первый слуга зажигает свет. Стук в дверях).

Второй слуга. Кто там?

Кормилица (снаружи). Что случилось?

Второй слуга. Конец!

(Отворяет двери. Входит сгорбившаяся старуха. Говорит хриплым голосом).

Кормилица. Конец... хи... хи... хи... Конец... Ладно!

Второй слуга. Вы разобрали что-нибудь?

Кормилица. Ничего!.. Она безмолвна, точно литая из стали... Ни вдоха, ни слезинки... Я бы выколола ей глаза своими иссохшими пальцами... Истолкла бы в ступе ее нечистое тело... Никакая мука не была в силах развязать ей язык...

Второй слуга. Узнали кто он такой?

Кормилица. Нет.

Второй слуга. А как чувствует себя наш господин?

Кормилица. Он все еще любит ее, эту собачью дочь. С каким бы удовольствием я растерзала ее, перегрызла ей горло, так что б от боли ее глаза вылезли из орбит и чтобы она кусала язык своими зубами... (Делая гримасу). Я выпила бы ее кровь... Скажи, скажи, скажи... Как ее замучить, истязать еще больше?

(В припадке злобы она кусает себе пальцы).

Второй слуга. Лучше бы ей ничего не знать... Совсем ничего... Не надо было ей говорить!.. Тогда бы мы с берега подстрелили этого пса... (Кормилица сурово смотрит на него, собирается что-то сказать, но в эту минуту растворяются двери, и на пороге показывается Он. Его налитые кровью глаза сверкают. В его глазах светится огонь, точно насмешка над сединой. Лет ему под шестьдесят. Лицо строгое, мрачное. Он с минуту в молчании останавливается в дверях, бросая взгляд на слуг, которые безмолвно стоят на месте, сложив руки на груди. Он бросает им мешочек полный монет. Первый слуга поднимает мешочек, и оба молчаливо выходят).

Он. Чем кончилось?

Кормилица. Все сделано.

(После ухода слуг Он несколько раз прохаживается по комнате, подходит к окну и с минуту безмолвно всматривается в даль. Затем он подходит к тахте, накрытой тигровой шкурой, и опускается на нее. Его тяжелое дыхание переходит в стон. Кормилица, которая, стоя у стены, следила взглядом за ним, подходит к нему и опускается на колени).

Он. Она меня никогда... никогда не любила!.. Вся моя проклятая жизнь была беспроектной, жестокой ночью... Мое солнце взошло тогда, когда она вступила ногой в мой дом, и теперь оно закатилось... Снова во-круг непроницаемый мрак.

Кормилица. Вели — и ее солнце погаснет на веки вечные.

Он. Погаснет ее солнце, с ним погаснет и мое: я не в силах жить без нее.

Кормилица. Смерти достойна та, которая похищает честь господина.

Он. Смерть — спасение для нее. Она должна жить.

(Входит жена, бледная, как труп, с распущенными волосами. Ей около двадцати лет. Она бежит к окну, с ужасом озирается вокруг и глядит на старуху, которая поднявшись при ее входе, теперь стоит у стены. Она быстро подходит к мужу и бросается на колени перед ним, хочет что-то сказать, ее губы шевелятся, но не в силах выговорить ничего. Он отталкивает жену и поднимается с места).

Жена. Скажите, что вы с ним сделали? Где он?

Он. Ха-ха-ха!..

Кормилица. Хи-хи-хи!.. он, он там... (указывает на море) Плышет.

Жена (не понимая в чем дело). Там.

(Подбегает к окну и, сейчас же вернувшись на старое место, смотрит то на старуху, то на мужа, и, сообразив в чем дело, подавленная, падает).

Он (дико усмехаясь). Там... он плавает в Красном море, обогренном его же кровью. Когда волна прибьет его нечистый труп к берегу, я прикажу, чтобы снова бросили в море. Он должен стать пищей для рыб, или волна будет бить его столько времени о берег, пока вздувшийся труп не разложится.

(Жена словно не веря слуху, точно до сне, кусает руки, хватается за волосы, чтобы убедиться — сон это или явь. Как безумная, широко раскрыв глаза, она хочет подняться, но снова падает. Говорит шопотом).

Жена. Вы убили его?... Вы?..

Он. Теперь ты—моя!.. моя!.. только моя!.. моя!.. ха... ха... ха!..

(Жена, внезапно поднявшись, порывается подойти к окну, но Он хватает ее и удерживает силой. Она испускает крик отчаяния, делает усилие освободиться, но это ей не удается).

Он. Ты будешь жить, и я насильно буду срывать поцелуи... пить красный сок твоих уст, слаще нектара. Я высосу твою кровь, пока ты, поблекнув, увянешь, и отшвырну тебя от себя, как растоптанный цветок. Ты будешь жить в оковах вместе с псами, а труп твой... труп будет брошен коршунам на съедение.

Жена (выслушавшая, в ужасе, постепенно поднялась с места. При последних словах она стоит во весь рост, глаза ее яростно горят). Тигр!.. гнена!.. Выслушай же, теперь я буду мстить!.. Три года ты терзал меня, так получай-же в возмездие сторицей за трехлетние муки!.. Слушай-же!.. Он — твой сын!..

(Он точно не понял, что ему говорят).

Жена. Он твой сын!.. Твой единственный сын!

Он (набрасываясь на жену). Я задушу тебя!

(В изнеможении падает).

Жена (отступив на шаг). Бесчестный, я — отомщена, отомщен и он, и чувство мести больше не терзает моего сердца!

Он. Старуха!.. Старуха!..

(Кормилица, подошедши, опустила перед ним на колени).

Жена. Ты отнял у меня возлюбленного, а я у тебя — сына. Ты целые годы отравлял мое существование своим нечистым дыханием, ты при- нуждал ласкать лицо, которым я гнушалась. Сколько раз прижимались твои омерзительные уста к моим устам. Я все сносила, молча, безропотно, ради настоящей минуты... Я отомщена! Убий же теперь меня!

Он (при помощи кормилицы поднялся и подошел к тахте. Минуту он, подавленный, сидит. С мольбой). Скажи, скажи, что ты солгала, скажи, что ты это сказала из мести!

Жена. Он твой сын!.. Пусть принесут труп!

Он (кровь ударила в голову). Чудовище! верни, отдай мне сына!

Жена. Поздно, ты больше никогда не увидишь его, он плавает в волнах, обгаренных его же кровью. Острые скалы вонзились ему в бока, и ты, ты его плач!..

Он. Старуха! Схвати ее за горло, задуши! Закрой ей глаза!..

Жена. Его вздутый труп будет биться о стены твоего мраморного замка. Твой слух вечно будет внимать шопот проклятий: Сыноубийца!.. Он будет преследовать тебя во сне и на яву. Не будет тебе покою нигде на земле. Вечно в ушах твоих будет звучать: «Сыноубийца... сыноубийца!» Эта мелодия не даст тебе покою даже в могиле... Чудовище!.. Гнена!.. Убей же теперь меня!

Он (свирепо прыгает с места, обнажает кривой кинжал и одним ударом рассекает грудь жены). Ха... Ха...

Жена. Будь проклят!.. Сыноубийца!.. Я отомщена!.. О, Боже!.. Боже!..

(Умирает).

(Он с диким хохотом сваливается на пол, взор застывает на одной точке).

П а у з а.

Кормилица, (поднимается. Стоит, точно бронзовый истукан. Смотрит в пространство, не мигая. Глухим голосом словно из могилы). Жил — был князь; вся его жизнь — была беспросветной, жестокой ночью. Один только раз он улыбнулся. Много было у него сыновей и все они умерли. Оставался один — он бросил его в море. Одну единственную жепщину полюбил он и рассек ей грудь кривым мечем.

Занавес медленно опускается.

Перевел с армянского

П. Макинцян

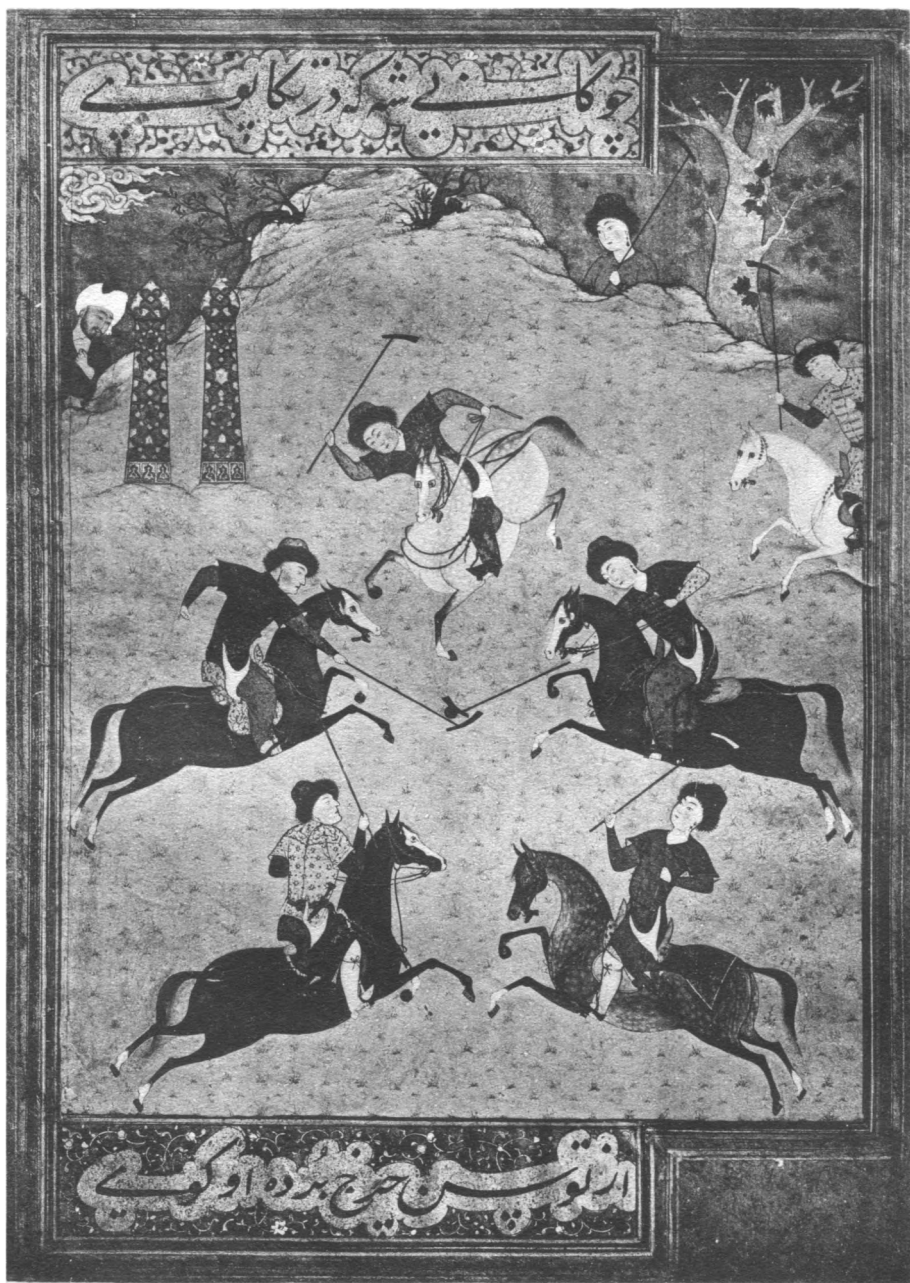

Табл. 1. Игра в поло
Персидское письмо начала XVI ст.

Ф. РОЗЕНБЕРГ

ОБ ИНДО-ПЕРСИДСКОЙ И НОВОИНДИЙСКОЙ ЖИВОПИСИ

Не все семена, упавшие с древа искусств на плодородную почву Индии, дали одинаково пышные всходы. Всем известно великолепие мусульманской архитектуры, оплодотворенной гением загималайских народов. Скульптура, как та-ея ветвь, которая стала прислужницею зодчества, вернее, сделалась его дополнением, так и самодовлеющая статуарная пластика развилась до определенного самостоятельного, высоко художественного стиля, в котором многие видят чуть-чуть не высшее достижение пластической мысли. Иначе обстоит дело с живописью. В виду сравнительной недолговечности матерпала, проследить ее возникновение и различные стадии развития на индийской почве гораздо труднее, чем по отношению к ее сестрам.

Мы знаем, что архитектура северной Индии, постепенно оплодотворялась извне. В древнее время ахеменидский Иран дал ей тип дворцов; в какой мере она обязана сасанидской Персии, в точности неизвестно, но при оживленных сношениях между обеими странами надо полагать, что и в тот период Индия являлась получающей страной. Период мусульманского влияния начинается с вторжения через Персию арабских полчищ в 705 г. С тех пор происходила постепенная инфильтрация в Индию ислама и его искусства. Арабов сменяют турки, проникающие через авганские перевалы. Набеги Махмуда Газневийского в начале XI века открывают эру мелких турецких династий в Кашмире, Спиде, Дехли и проч. Чингисханы отстраняются султанами из рабов, т. е. Мамлюками, которые в свою очередь падают под натиском полчищ Тимура. В середине XV ст. один из его потомков, ферганский князь Бабур, сумевший объединить в своих руках большую часть мелких индийских владений, положил прочную основу могуществу Великих Моголов, достигшему своего политического и художественного апогея к концу XVI в., в царствование гениального Акбара и его первых преемников.

Индийская пластика—дочь поздней антики в ее гандхарской разновидности. Древнейшими дошедшими памятниками индийской живописи являются фрески пещерных храмов в Аджанте (вероятно, I—VII ст.) в Баге и сродные с ними Сигирийские фрески на Цейлоне. В них наблюдается некоторое родство с среднеазиатским стилем Хотана и Турфана, поскольку они не отражают прямого влияния дальнего запада и дальнего востока. Что касается

того третьего неизвестного, что обще обоим, не китайское и не сировизантийское, то навязывается вопрос, не есть ли оно сасанидское. Подлинных образцов сасанидской живописи до нас не дошло. Портрет Хосроя II с женами или прием персидских посланников в Аджанте таковыми, конечно, считать нельзя, хотя не исключена возможность, что они, или, по крайней мере, портрет Хосроя написан по персидскому прототипу.

Литературные свидетельства не оставляют сомнений в художественной высоте живописи в сасанидском Иране, как и в досасанидский период. Преемственность между грекобактрийским, аршакидским и сасанидским искусством надо допустить а priori. О его стиле можно судить по уцелевшей скульптуре, по металлическим изделиям и по керамике. Пресловутое искусство Мани (III в.) и манихейцев, конечно, не без иранской примеси, однако, можно полагать, что в нем синкретизм доведен до такого же совершенства, как и в самом учении посланника света, и что распутать составные его части в отдельности едва ли окажется бы возможным, даже при наличии большого количества материала.

В первое тысячелетие нашей эры главным посредником в обмене коммерческих, духовных и культурных ценностей между азиатским западом и дальним востоком являются в первую очередь согдийцы, исповедывавшие главным образом буддизм, отчасти манихейство, отчасти христианство. Их сменяют уйгуры. Немаловажную роль в передаче культурных достижений играют также сирийцы-несториане, которые уже с VII века часто являются секретарями, врачами, вообще фактотумами мусульманских князей, и весьма естественно, что и те и другие в качестве искусных писцов вносили свои художественные традиции в живопись, специально в книжную живопись, пользовавшуюся со времен Мани большим почетом в Иране и средней Азии.

После победы Ислама главным центром персидского духа, не только в искусстве, оказалась область нынешнего Туркестана и Хорасан. Запад подчинялся арабским художественным нормам.

В X в. при сильном правлении династии саманидов (874 — 999) на востоке происходит явное духовное возрождение, центр которого Бухара. Отсюда оно распространяется на Мерв, Балх, Газну. Известно покровительство жестокого Махмуда Газневийского искусства, специально поэзии. В плеяде поэтов, украшавших его двор, блистал великий Фирдауси. Сообщают, что царь, с нетерпением следивший за работою над «Книгой царей», велел устроить для поэта особое помещение, украшенное изображениями царей и витязей древности. Сообщается также, что у сына того же Махмуда была комната с непристойными картинами. Мы не знаем, какого рода или какого стиля была эта живопись; но можно полагать, что речь идет о фресках. Едва ли можно вывести какое-либо заключение из того, что для самого Фирдауси идеалом живописи является китайская, ибо, во-первых, у него слово *чин* значит отнюдь не только Китай, а также, и даже преимущественно, — все буддийское, одинаково, манихейское и вообще среднеазиатское, и, кроме того, в его время Китай считался, вообще, классической страной искусств. Древнее предание гласит, что чудесная птица Симург, летая однажды над Китаем, уронила одно из своих перьев; вот почему Китай стал страной художественного совершенства. Что касается фресок в доме Фирдауси, то они скорее всего были написаны в современном стиле Персии.¹ Конечно, те три с половиною столетия, которые отделяют Махмуда от последнего сасанида, не бесследно прошли для персидского искусства. Несомненно оно изменилось, эволюционировало, обогатившись новыми достиже-

Табл. 2. Сборы шаха на охоту
Персидское письмо начала XVI ст.

ниями Византии и арабских школ с центрами Дамаск, Багдад, Каир, с другой стороны, вкладами, полученными вследствие общения с дальним востоком. Между эпохой Махмуда и первой дошедшей персидской лицевой рукописью лежит промежуток более чем в три столетия. За это время над Персией разразился ураган событий, сильно отразившийся также на области искусства; под его натиском произошел тот перелом, который подготовил почву для поразительного расцвета живописи, достигшего апогея на пороге XVI столетия, и излучения которого приобрели мировое значение. Это было вторжение Чингисхана, превратившее большую часть Персии в груду дымящихся развалин. Когда отхлынула кровавая волна, казалось, что она смыла с лица иранской земли и памятники искусства, и художников, и художественную традицию. Ужасы запустения, убогие экономические условия, недоверие к инородным, неверным властителям-варварам, отсутствие спроса и заказов, все это вместе взятое должно было неизбежно вести к застою художественной мысли.

Прошло сто лет, раны заживали. Победители успели прикрыть наготу своего варварства фиговым листом культуры побежденных. Правители и высшие слои прониклись ею на самом деле и, «облагородившись исламом», стали истинными персами. Персия опомнилась; она убедилась, что не все безвозвратно погибло. Увезенные десятками тысяч художники — по Ибн Батуте, из одного Самарканда завоевателем Хулагу их было выселено и подарено дружественным князьям до 30.000 — успели, очевидно, вернуться на старые места и передать свои заветы молодому поколению. В старых мехах забродило новое вино, и когда после новых жестоких потрясений, по мановению мощной руки властителя мира Тимура, к концу XIV столетия, культурные центры стали воскресать, новый художественный стиль был найден. В конце XVI ст. собиратели сведений о живописи спохватились объяснить его рождение: они были до того поражены кажущейся внезапностью появления нового шьема, что считали нужным придумать анекдот о каком-то китайце-учителе Устад Гунге (имя толкуется как «глухой», т. е. «немец»), оказавшемся якобы в свите Чингисхана в Самарканде, и который первый учил живописи персов, не знавших ее до тех пор. От него, мол, через Джехангира Бухарского и Пир Сейид Ахмеда Тебризского шло искусство великого Бехзада. На самом деле никакой внезапности, конечно, не было. Завоеватели-монголы, приобщившиеся раньше к китайской культуре, держали большой штат придворных художников. Чуткие персы, сознавая превосходство китайского искусства, считавшегося во время Фирдауси, как мы видели, недостижимым идеалом, в начале, быть может, не без содействия политических соображений, старались подражать китайским мастерам, но, быстро усвоив их приемы, постепенно перерабатывая и развивая дальневосточные элементы, растворяя их в своих исконных традициях, стали творить новое, свое собственное, в полном смысле слова персидское. Падение Багдада отнюдь не означало смерть Багдадской школы; она продолжала работать, приспособляясь к новым течениям, проникшим в нее через Персию. Есть сведения, что еще при Тимуре большим почетом в Самарканде пользовался багдадский мастер Абдаллах, о котором, впрочем, кроме имени, ничего неизвестно.

Дошло до нас весьма небольшое количество образчиков живописи монгольского периода. F. R. Martin, автор капитального труда *The miniature Painting of Persia, India and Turkey*, London, 1912, считает, что в западных библиотеках сохранились всего шесть рукописей с картинками того времени. К этим шести надо прибавить одну весьма почтенную, помеченную 733 г. гижры = 1332 г. нашего летоисчисления. Это список

Книги дарей Фирдауси, хранящийся в Российской Публичной Библиотеке и содержащий 29 миниатюр. Место составления списка неизвестно, но почерк письма арабского типа указывает на западную окраину, может быть, на Багдад. Картины особенно интересны тем, что они представляют, кажется нам, переходный фазис от багдадского к новому монгольскому стилю. Выражается он здесь почти исключительно в типе лиц, часто определенно монгольском, при чем центральные фигуры царей и витязей изображены по старому, обыкновенно с бородою клином, как на месопотамских и сирийских миниатюрах, и как на них, и здесь сильно чувствуется Византия. Та же двойственность в одежде: монгольские кольчуги и шлемы у воинов, мирная одежда византийско-арабского типа с богатой позолотою узорчатой парчи. Преобладают тона красные и золото. Фон, когда он не красный, то составлен из густого сплетения довольно неуклюжих цветов и плодов. Китайские условности в передаче облаков и воды еще не попадают, отсутствует также манера изображения гор, известная по тимуридским и позднейшим рисункам; ангелы на левой половине двойной заглавной картины сирийские. Однако, на жизненности линий, на движении людей и коней уже сказывается оживляющий толчок, исходивший от дальнего востока. Исполнение далеко не первоклассное, иногда просто грубое; сохранность не всегда удовлетворительна. По техническим соображениям пришлось, к сожалению, отказаться от воспроизведения образчика этого письма, также как и от примера из другого списка той же книги дарей (в Азиатском Музее Академии Наук), исполненного сто слишком лет позже первого (849 г. = 1445 г. по Р. Хр.). Здесь на лицо дальнейшая ступень развития монгольского письма, ранняя стадия той ступени, которая развивалась при преемниках Тимура и поэтому названа тимуридской. Культурной точки она достигла несколько десятилетий позже в произведениях главы Гератской, потом Тебризской академии Бехзада. Табл. 1 и 2 относятся к расцвету живописи при династии Сефевидов, рукопись помечена 931 г. = 1524 г. по Р. Хр. Табл. 3 (978 г. = 1568 г. по Р. Хр.) представляет уже некоторые характерные черты периода упадка, окончательно наступившего при шахе Аббасе I (1587 — 1629).

Иран в силу своего географического положения между персией и средней Азией является исконом веков местом встречи всех многогранных духовных и культурных течений, возникших и развившихся в чреве необъятной Азии, тем чудесным «котлом», по меткому выражению покойного востоковеда Кремера, в котором мешалось, перерабатывалось и получало свой своеобразный вид все то сырье или полусырье, что доставляли запад и восток, север и юг. Эволюция синкретизма естественно ведет к эклектизму. Он составляет отличительную черту иранского духа. Отпечаток эклектизма лежит на всех его проявлениях, он сказывается в религии и философии, в литературе и искусстве. Само население Ирана представляет нестройшую расовую и этническую смесь. Антропологические, археологические и лингвистические данные указывают на чрезвычайно интенсивное скрещение, происшедшее, и до наших дней происходящее, на иранской территории. В другом месте мы пытались доказать, что доисторическое население Ирана по расе не чуждо было тем яфетическим народам, которые населяют его окраины, западные, северные и отчасти восточные ¹⁾.

Выше было упомянуто, как еще в начале VIII в. ислам и за ним мусульманское искусство стали проникать в Индию. Впоследствии султаны

¹⁾ Яфетический Сборник, вып. II, изд. Академии Наук (набирается).

Табл. 3. Дивы и пери
Персидское письмо конца XVI ст.

турецких династий, судя по дошедшим памятникам, проявляли довольно оживленную строительную деятельность; о новоиндийской мусульманской живописи, однако, до периода великих моголов ничего неизвестно.

В отличие от персидской миниатюры для новоиндийской центр тяжести лежит не в украшении книги, т. е. в иллюминации рукописей, а в отдельных картинах, собираемых в альбомы. Что искусство лицевых рукописей практиковалось в немусульманской и домусульманской Индии, доказывают ~~целые~~ бенгальские и бенгальские буддийские миниатюры. Они, к сожалению, позднего времени, старейшие сохранившиеся относятся к XI столетию, но передают, по мнению С. Ф. Ольденбурга, также характер предыдущего периода индийского искусства до VII в. В данном случае нас интересуют, конечно, только старые; новейшие (XVII—XVIII ст.) не что иное, как подражание тибетско-китайским и новоиндийским образцам. За неимением лучшего придется уже в этих картинах XI в., скорее в некоторых деталях их композиции, усмотреть единственное связующее звено между староиндийским письмом Аджанты и новоиндийским эпохи Великих Моголов.

Что касается упомянутых альбомов, то мода на них пошла в Персии в начале XVII в. и вскоре перебросилась в Индию. Они составлялись в первую очередь для государя и придворной знати, но пользовались успехом также у широкой публики имущих классов, для которой они заменяли неизвестные в то время в Индии механические воспроизведения, в роде китайских и японских гравюр на дереве.

Такие альбомы своим пестрым подбором бросают чрезвычайно характерный свет на уровень художественного вкуса, преобладающего в придворной среде, когда сановники считали своим долгом подражать меденатугосударю, или, как сообщает историк Бадауни про Акбара, когда падишах заставлял своих приближенных волей-неволей коллекционировать картины и поощрять художников. Большое количество таких альбомов довольно рано попало в Европу, главным образом, как то и естественно, в Англию. Их 66 в одном India Office Library, много в Victoria и Albert Museum, Kensington, в Bodleiana в Оксфорде и в British Museum, где один из них, помеченный 1661—1662 г., вызвал в 1777 г. восторг сэра Джошуа Рэнольдса, который отметил в нем 6 портретов-эскизов, как особенно выдающихся.

В Российской Публичной Библиотеке имеется их всего пять. История альбома, из которого взяты прилагаемые два снимка (табл. 4 и 5), несколько темна; достоверно известно только, что он куплен в Персии и вывезен из Тегерана, подарен Николаем II Русскому Музею, откуда он в 1921 г. был передан в Азиатский Музей Российской Академии Наук. Он весьма типичен для такого рода сборников. На ряду с первоклассными образцами индо-персидской и ново-индийской школы попадаются весьма сомнительного качества изделия, имеющие мало общего с искусством, неуклюжие копии с европейских картин, скорее гравюр, или, что еще хуже, какие-то нелепые подражания европейским мастерам с прибавлением деталей в местном вкусе (табл. 5). Как большинство его собратьев, наш альбом отличается роскошным переплетом.

Цены на картины в Индии в период расцвета при Акбаре и особенно при Шах-джехане стояли невероятно высоки; одна из отмеченных Рэнольдсом миниатюр оценивалась в 200 рупий, что в то время равнялось 25 ф. ст. Высокими ценами, считавшимися в Европе, повидному, не соответствующими качеством живописи, Мартин объясняет факт, что образцов индо-персидского письма XVII ст. сравнительно с ново-индийскими вывезено не много. Первым по времени (1640—50), попавшим в Европу, надо, вероятно,

считать тот портрет Акбара или, по Биньону, Джехангира, который произвел очевидно достаточно сильное впечатление на Рембрандта, чтобы его воспроизвести в группе рисунков. Многочисленные представлены образцы XVII в. национальной ново-индийской живописи, которую теперь с легкой руки д-ра Кумарасвами стали называть раджпутской. Рисунки эти впервые появились в Оксфорде, очевидно, как результат посольства Sir Thomas Roe к Джехангиру в 1615/18 г. Альбом архиепископа Laud'a помечен 1640 г.

Ново-индийскую живопись можно разделить на три группы, связанные с тремя главными религиями Индии: буддизм, индуизм и ислам. В так называемой раджпутской живописи усматривается прямой преемник искусства индуизма, как могольская, т. е. индо-персидская является представителем ислама. «Точно так же как буддийская, раджпутская живопись считается символической для духовной жизни Индии; в той и другой преобладает религия, их характерная черта — мистицизм. Буддийская живопись стремилась передать идеалы веры, высшие религиозные чувствования; раджпутская с религиозными целями соединяет стремление отражать верования, обычаи и домашний быт народа в виде художественного графического фольклора, доступного для народа и замыслом, и исполнением. Могольское искусство — светское, реальное, эклектическое. Пользуется оно одинаковыми с раджпутским приемами, однако, не гоняясь за одухотворенностью и мало считаясь с религиозией, изредка только вторгаясь в область мифа, оно остается материальным; его сила в портрете». Так приблизительно резюмирует свои соображения Перси Броун в полезной, наглядно написанной книжке-руководстве Indian Painting, изданной в новейшее время в Калькутте в серии The Heritage of India, не помеченной годом.

С упомянутыми двумя направлениями искусства приходится считаться на протяжении всего периода Великих Моголов. Одно — насажденное чужеземным завоевателем, страстным поклонником, тонким знатоком живописи, другое — родное, продолжающее якобы национально-индийскую традицию, понятное и доступное широким массам. Персидская живопись, по присущему ей реалистическому импрессионизму, по смелости линий и палитры, чужда мягкой, расплывчатой, слащавой манере, выражающейся в данную эпоху в ново-индийском письме. При дворе повелевавшего царя персидская школа. Под руководством художников-персов, позже их учеников из индусов, работал огромный штат мастеров весьма различного достоинства, копируя персидские оригиналы, подражая персидским моделям. Постепенно, по мере оскудения в XVII в. искусства в самой Персии и приобретения индийцами умения и сноровки, сознательно или бессознательно, стала вноситься в персидский стиль всяческая примесь местного характера, преимущественно в декоративных деталях, в пейзаже и проч., и постепенно оба направления сливались, и получилось то, что мы называем индо-персидским или могольским стилем. Повторилось то же, что наблюдается в архитектуре, которая, в силу постепенного пропитывания индийским духом, из арабско-персидской превратилась в тот специальный вариант, который мог вырасти только на индийской почве.

Можно полагать, что при очевидно слабом развитии художественного вкуса у индийских магнатов и при наличии деспотического режима, наощущении ими того или другого направления искусства должны были отражаться также политические течения момента, однако, о каком-нибудь серьезном соперничестве, не говоря уже о борьбе обоих направлений, ничего неизвестно, наоборот, они жили мирно рядом, не стесняя друг друга, одно — аристократическое для утонченной придворной знати, проявляющееся

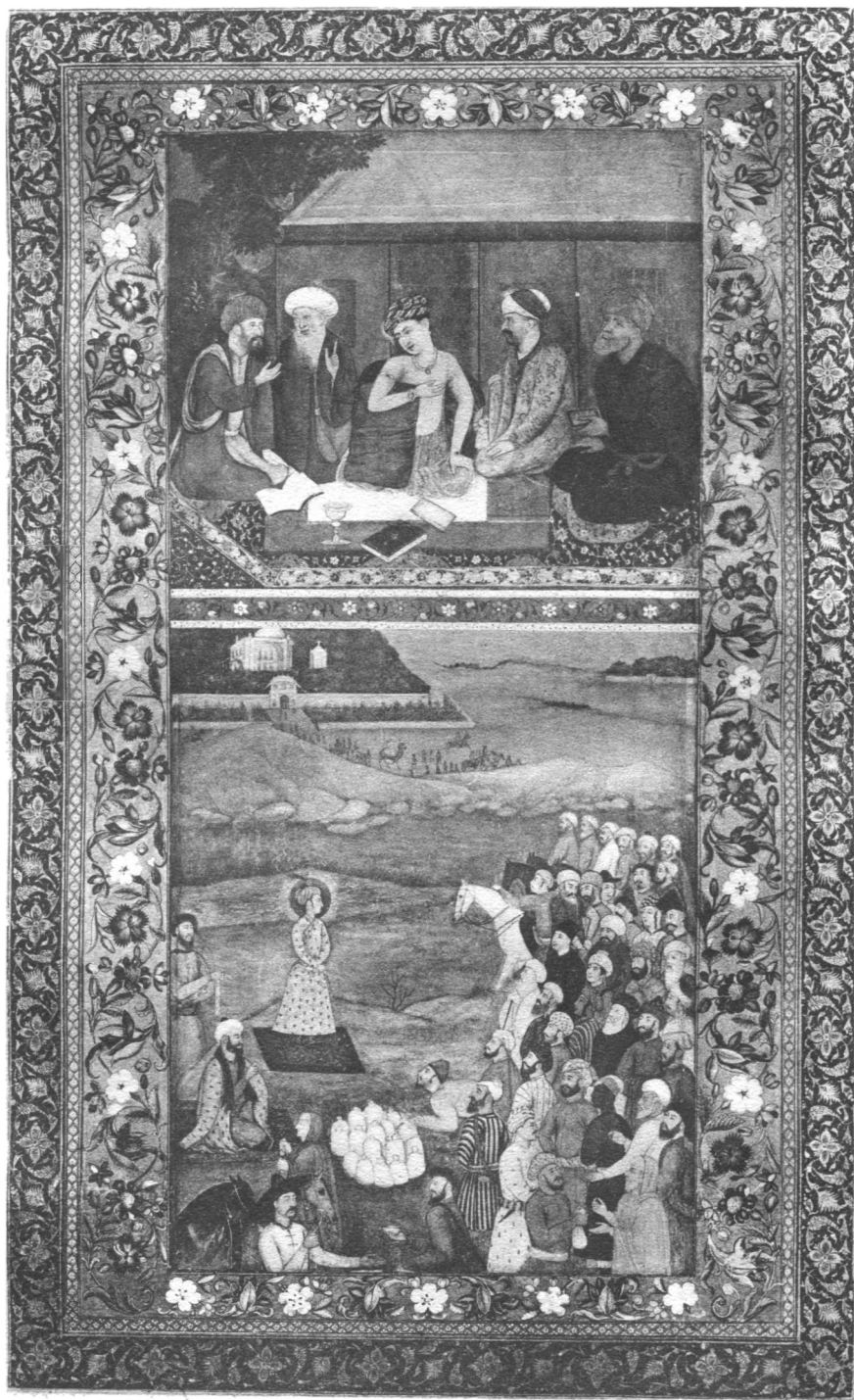

Табл. 4. Великий могол Джехангир принимает дань. Наверху принц, окруженный учителями

Индийское письмо начала XVII ст.

главным образом в тонких портретах, в изображении придворных торжеств, батальных и охотничьих сцен, чисто светское, другое — народное, приуроченное по сюжетам и упрощенной наглядности к пониманию широких масс местного населения, представляющее жанровые сцены домашнего и трудового быта, иногда воспоминания мифологического и религиозного предания. Не вдаваясь в художественную оценку обоих направлений, их легко различить по одним сюжетам. А priori не исключается, что одни и те же художники — индусы, смотря по спросу, писали то в том, то в другом духе. Один из видных исследователей индийского искусства д-р Кумарасвами внутри раджпутской, т. е. национально-индийской школы усматривает также два «фазиса»: народный и аристократический, оба с бесчисленными переходными ступенями. Второй фазис, по его мнению, отражает героические традиции эпоса и придворный церемониал; он же рассматривается, как олицетворение расовых идеалов.

Как было отмечено, персидская и индийская школы жили мирно рядом, без видимого соперничества, без воинственных выступлений. Таковые были предоставлены критикам и исследователям XIX и XX вв. Образовались два лагеря: европейцы и националисты. Последние, не отрицая факта внесения в Индию до-эллинистического, эллинистического, персидского и в позднейшее время европейского искусства, стараются выгородить преимущества коренной индийской художественной традиции перед чужеземными влияниями, усматривая в индианизации наносных художественных элементов только их облагораживание, одухотворение, одним словом, одно лишь изменение к лучшему. Их лидерами являются главным образом Э. Хавелл и упомянутый А. Кумарасвами, к ним примыкают, между прочими, Вильям Кош, один из редакторов *Ost-Asiatische Zeitschrift* и Л. Биньон. Все они стяжали себе известность крупными работами в области азиатского искусства. Вооружаются они против более осторожно и скептически относящихся представителей предыдущего поколения, как *Grünwedel*, *Foucher*, *Vincent Smith*, *Oldenberg*, *Griffith* и др. Ни в том, ни в другом лагере не обходится, конечно, без увлечений.

Полная объективность в области эстетики уже по существу, конечно, немыслима, однако, когда проявления эстетики становятся предметом научного исследования, чересчур индивидуальные чувства и влечения в суждениях следовало бы по возможности обуздывать. Метание громов по «зловредным принципам» Ренессанса или объявление гандхарского искусства «случайным и эстетически неприятным эпизодом могучей жизни индийского искусства» едва ли убедит читателя в научности приемов исследователей ¹⁾.

Спор в микрокосме индо-персидской живописи, на первый взгляд — буря в стакане воды; сводится он, однако, к старому разногласию в оценке эстетических норм греко-европейской и азиатской художественной концепции, и, в конце концов, к антагонизму между западной научностью и восточной интуицией.

«Раджпутскую» школу живописи, специально ее «благородную» ветвь, ставят в связь с той якобы национально-индийской школой, которая дала поразительную по художественности стенопись пещерных храмов Аджанты, восходящую к I—VII в., однако, факт тот, что целых девять столетий

¹⁾ Проф. Benoy Kumar Sarkar в брошюре *Hindu Art: Its humanism and modernism, an introductory essay*, II. У, 1920, сообщает, что за последние годы в Индии образовались кружки футуристов с девизом «Обратно к прошлому», «Долой Запад» и т. под. Надо полагать, что эти кружки возникли вполне самостийно, без всякого содействия подобных течений в Европе!

отделяют первые проявления ново-индийской школы от последних произведений Аджанты, относимых к VII в. ¹⁾. Перекинуть мост через эту пропасть удастся, конечно, только при помощи догадок, что, однако, несколько не смущает д-ра Кумарасвами. В исследовании о «раджпутской» живописи он пишет: «В Раджпутане и в пригималайском Пенджабе, под покровительством Горных Раджпутов, старая индусская Индия (Hindu India) продолжает жить до наших дней... Как хинди восходит к пракриту и родственен санскриту, так раджпутское искусство восходит к классической живописи Аджанты, продолжая ее». В подтверждение своего положения он ссылается на историка китайского искусства Мюнстерберга, в I томе своего известного труда «Chinesische Kunstgeschichte» называющего раджпутскую живопись «чисто национальным продолжением искусства храмов V века с его строго античными линиями». Однако, классическая стенопись Аджанты сама не автохтонна. Отражается ли в ней эгейско-микенский, египетский и ассирийский стиль, что склонен допустить Кумарасвами, развивалась ли она под влиянием какого-то александрийско-коптского стиля, установленного, но уже оставленного Стржиговским, или же она образовалась под влиянием центрально-азиатского экспрессионистского искусства типа Дандан Уйлик или Идикутшахра, которое могло проникнуть в Северную Индию под покровительством чужестранных средне-азиатских владетелей эти вопросы пока не поддаются решению, однако, в наличии крупной доли иноземных элементов в аджантских фресках едва ли приходится сомневаться. Что касается родства раджпутского письма с аджантским, то единственным, сколько нам известно, литературным его подтверждением служит свидетельство тибетского историка Таранаты, писавшего в 1608 г., гласящее, что в VII в. в существовавшей в южной Раджпутане значительной школе живописи был введен новый усовершенствованный стиль. Введение усовершенствованного стиля предполагает, конечно, предшествовавший ему продолжительный период развития искусства, которое по топографической и хронологической близости могло, несомненно, стоять и по всей вероятности стояло в некоторой связи с искусством Аджанты, но никаких памятников этого раджпутского искусства VII ст. до нас не дошло, и потому вопрос остается открытым. О возможности установить связь между ново-индийским и аджантским искусством при помощи персидских миниатюр, о которых речь была выше, ни одним словом у Кумарасвами не упоминается.

В свите победного шествия буддизма по центральной Азии до дальнего востока следовало, конечно, и буддийское искусство. Раскопки в Хотане, Кучаре и Турфане, памятники буддийской живописи в Китае, в Корее и Японии свидетельствуют о том, к какому великолепному расцвету оно было способно, попав к народам с сильным художественным дарованием.

Если даже допустить, что поздняя раджпутская стенопись — различаются в ней две разновидности: *пахари* и *раджастан*, — с зависящим якобы от нее миниатюрным письмом «аристократического», т. е. религиозно-мифологического характера, имеет некоторые общие черты с искусством Аджанты, то нельзя, однако, закрывать глаза на то, что в «народном» письме XVII и сл. столетий эти черты успели до неузнаваемости ступеняться.

Искусство Китая, Средней Азии, Аджанты, по существу — экспрессионизм, персидская же, индо-персидская и ново-индийская живопись — импрессио-

¹⁾ Одним из первых, если не первым по времени типичным образцом ново-индийского письма можно считать хранящуюся в Калькутской Art Gallery миниатюру, помеченную 940 годом гиджры (= 1533) и представляющую придворные увеселения при султане Мухаммеде Тоглуке (1225—45).

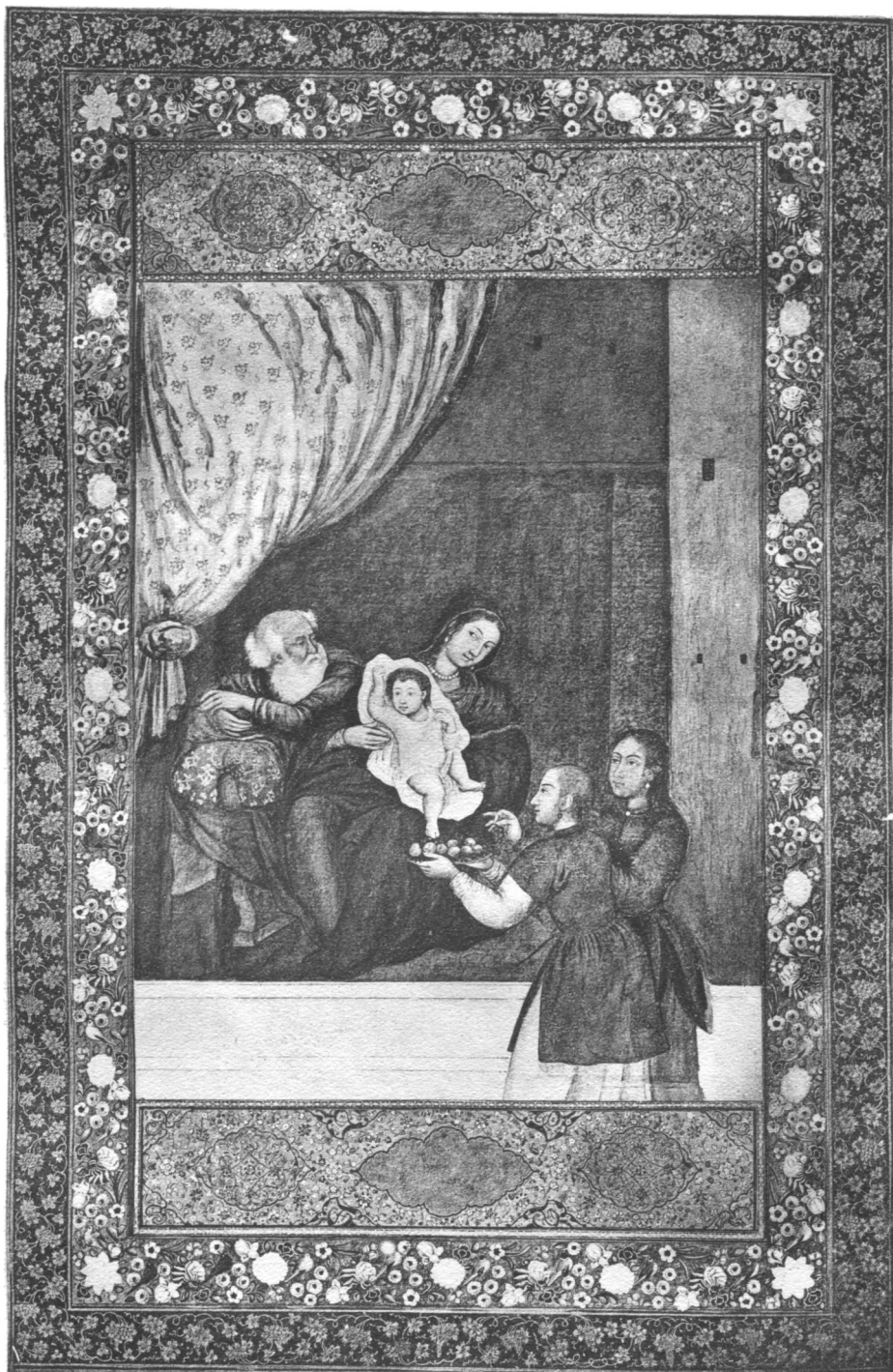

Табл. 5. Индийское подражание итальянскому мастеру
Начало XVII ст.

низм. Импрессионизм стремится уловить и передать по возможности точнее, по возможности большее количество оттенков воспринятого непосредственно от природы впечатления, пользуясь богатой палитрою и вольной игрою линий, экспрессионизм же отбрасывает случайное, подлежащее влиянию колебаний света и теней, выделяет существенное, типичное, сохраняет вечное, и художник, при помощи строгих линий и смело очерченных плоскостей переносит на полотно или, скорее, на стену результат совокупности, синтез своей художественной концепции. Ново-индийская миниатюрная живопись, на наш взгляд, представляет не что иное, как вариант, испытанный, правда, на себе в сильной степени влияние националистических течений Индии и художественный престиж Европы, но всетаки вариант-эпигон того импрессионистского, насажденного первыми великими моголами придворного индо-персидского искусства, которое достигло высшего расцвета при императорах Акбаре, Джахангире и Шах-джахане.

Ф. Розенберг

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРСИИ

Когда по тому или другому поводу заходит речь о литературе Персии, то всегда с этим связывается представление о чем-то в своем развитии давно законченном, получившем заслуженную оценку и в настоящее время имеющем лишь культурно-исторический интерес.

И действительно, персидская литература, под которой обыкновенно понимают литературу мусульманской Персии, зародилась в IX—X веках по Р. Х., достигла под могучим влиянием мистики суфизма полного расцвета в XIII веке, а к концу XV века, в лице последнего классика Джами, завершила свой путь. Последующий четырехсотлетний период, отмеченный иногда ценными и выдающимися фактами в литературной жизни, в общем представляет собою картину постепенного изживания содержательности и мельчания вкусов, по мере того, как и сама Персия изживала свое содержание, как государство.

Так продолжалось до середины прошлого — XIX века, до начала царствования шаха Насир-ад-Дина (1848—1896), которое во многих отношениях является переходной эпохой, служит как бы рубежом между старой и новой Персией. С этого времени начинается медленный, но непрерывный приток западно-европейских понятий, взглядов и вкусов, усиливается книгоиздательская деятельность, благодаря типографиям, обосновавшимся в Персии еще в начале XIX века. Важным моментом было учреждение в Тегеране в 1852 году «Дар-уль-Фунун'а», политехнической школы-колледжа, для преподавания в которой был приглашен ряд европейских учителей, запявших сверх преподавания переводом европейских сочинений по специальным наукам, которые изучались в «Дар-уль-Фунун'е».

В результате этой деятельности новый мир открылся перед персами; дипломатические сношения с европейскими странами повели к частым поездкам за границу, к образовательным командировкам молодежи. Французский язык на первых же порах занял господствующее положение, служа проводником французской культуры и укрепляя симпатии к Франции со стороны персов-французов Востока. Одновременно увеличился наплыв европейцев, искавших в Персии коммерческих выгод и концессий на разного рода предприятия; появились иностранные духовные миссии — английская, американская, французская — католическая, с каждым годом расширявшие круг своего

влияния, распространяя европейские идеи и привычки. Следуя примеру европейцев, сами персы, а затем и правительство, стали направлять усиленную энергию к открытию школ по европейскому образцу, проявив жизненную силу, которую трудно было ожидать от народа, по общему мнению давно сошедшего с исторической сцены.

На ряду с этим в Персии обнаружилась деятельность разного рода кружков и обществ, служивших целям саморазвития и просвещения. «Просветительное общество», например, ставило своей задачей развитие сети школ на частные пожертвования не только в Тегеране, но и повсюду в провинции.

Появились и газеты, в которых, кроме кратких известий, отводилось место обсуждению и разъяснению вопросов общественного характера, с ссылками на примеры из западно-европейской жизни; они послужили к созданию того, что называется общественным мнением.

Отражением идей и настроений новой Персии являлись не только переводные и оригинальные сочинения или газеты, печатавшиеся долгое время, в силу политических условий, за границей, но и возродившееся к новой жизни, с новым содержанием, поэтическое творчество; для персидской литературы, довольствовавшейся старыми, строго определенными образцами, все это были новые элементы.

Переводная литература в первое время, с учреждением «Дар-уль-Фунун'а», удовлетворяла практическим потребностям. Преподавателями-европейцами, среди которых встречаются имена J. Nicolas, первого издателя и переводчика «Четверостиший» Омара Хайяма, и д-ра J. Polak'a, вдумчивого и наблюдательного этнографа Персии, были переведены и составлены руководства по математике, естественной истории, медицине, географии и пр. для естественного отделения «Дар-уль-Фунун'а»; равно как руководства к изучению военного дела—пехотного учения, артиллерии, фортификации и пр. Для учрежденной впоследствии «школы политехнических наук» были переведены и скопированы соответствующие пособия.

По мере усиления интереса к европейскому Западу и его духовной жизни появился спрос на самые разнообразные произведения, при чем выбор сочинений, в виду полного незнакомства переводчиков с западно-европейскими литературами, производился без всякой системы. Были переведены «История Петра Великого» (по Вольтеру) и «История Наполеона I», исторических личностей в настоящее время наиболее популярных в Персии; «Хаджи Баба Исфахани» Морьера, до последнего времени находившийся под запретом; в сильной степени проявился вкус к французским романам: стали зачитываться произведениями А. Дюма: «Три мушкетера», «Граф Монтекристо», «Королева Марго», романами Ж. Верна и др. Увлечение романической литературой способствовало акклиматизации этой отрасли в современной персидской литературе в том виде, как она понимается в Европе.

Из оригинальных сочинений, написанных под влиянием западных идей, надо упомянуть произведения мутлы Абдуррахима Талибова «Пути благодетелей», повесть, большая часть которой наполнена рассуждениями на политические и социальные темы; сочинения И'ттимад-ус-Сальтана и Мирза Малькам-хана, о которых речь будет дальше. Большим успехом пользовалось в Персии сочинение Хаджи Зейн-уль-Абидин—«Книга путешествия Ибрахим-бека», до последнего времени тоже находившаяся под запретом,—прекрасная сатира на старый режим в Персии. За последнее время персы заметно стали проявлять особенный интерес к прошлому Ирана: писались

и переводились общая история Персии, история царствования Надир-шаха, история сефевидов, древняя история Ирана и, наконец, «История пробуждения Персии», труд, предпринятый Назим-уль-Исламом, ценный своими подробностями и продолжающий печататься выпусками до настоящего времени. Вся эта деятельность, сложная и разнообразная, носит характер преимущественно коллективный; все же и за этот период можно указать несколько отдельных лиц, способствовавших возрождению и развитию новой литературы Персии.

Одной из самых замечательных и характерных фигур на фоне царствования шаха Насир-ад-Дина, периода переходного в новейшей истории Персии, периода широко задуманных под влиянием путешествий в Европу, но невыполненных реформ, является писатель и государственный деятель Мухаммад Хасан-хан Итимад-ус-Салтанэ. Сын даредворца, потомок правивших некогда в Персии монголов, связанный родством с правящей ныне династией Каджаров, он получил образование в «Дар-уль-Фунун'е» по отелу военных наук и до 1864 года проходил военные должности; затем несколько лет пробы секретарем посольства в Париже, по возвращении откуда занимал ряд придворных должностей.

Дальнейшая разносторонняя деятельность не помешала Мухаммаду Хасан-хану проявить себя также разносторонне и в области литературной.

Принимая живое участие в трудах, так называемого, «Дома сочинительства», деятельности которого обязана своим появлением в свет известная энциклопедия — «Книга ученых», к сожалению, неоконченная, Мухаммад Хасан-хан сотрудничал в выходивших под его редакцией газетах, редактировал дневник путешествия шаха в Кербелу и косвенно влиял на появление в свет и характер некоторых серьезных научных изданий в Персии. Писал он по самым разнообразным вопросам, работая и самостоятельно и прибегая к переводам; но с особенным интересом затрагивал он вопросы географии и истории, археологии и палеонтологии. Такие труды, как география Персии, заключающая в себе подробное описание провинций, городов и деревень Персии с приведением исторических данных, подробное описание и история города Мешхеда, пространное изложение событий в царствование шаха Насир-ад-Дина с биографией выдающихся личностей в эту эпоху — все они говорят достаточно о его заслугах перед персидской литературой. Благодаря знакомству с европейскими странами, их языками и произведениями литературы Мухаммад Хасан-хан выработал и взгляд на задачи историка, и приемы пользования источниками, которые выделяют его из общей массы персидских историков и делают его пионером европейских научных методов в Персии.

Мирза Малькам-хан Назим-уд-Доула, сын армянина из Джульфы Исфаханской, принявшего мусульманство, родился в Исфахане в 1833 году. Тщательно подготовленный, благодаря заботам отца, он был отправлен последним в Париж, где получил среднее и высшее образование, проявив особый интерес к изучению права. По возвращении в Персию он был назначен личным переводчиком шаха и, завоевав себе доверие при дворе, получил возможность быть в курсе политических дел. Когда отправлялось в Европу посольство Фаррух-хана Амин-уд-Доула, Малькам-хан вошел в его состав в качестве советника и получил возможность объехать большую часть Европы, побывать в Америке и участвовать в заключении дружественных и торговых договоров.

Знакомство с западной культурой на вдумчивом и наблюдательном Малькам-хане оставило неизгладимый след, и, как результат этого знаком-

ства, явился ряд политических памфлетов на тему о желательных реформах; влиянием же Малькам-хана объясняется ряд практических нововведений, как например, устройство телеграфа.

В течение следующего периода Мирза Малькам-хан занимал высшие дипломатические должности, был посланником в Египте, Вене, Берлине, участвовал в Берлинском конгрессе, где должным образом отстаивал интересы Персии, за что получил титул принца.

Под конец своей жизни он был послом в Лондоне, а затем в Риме, где и умер в 1908 году.

В начале царствования шаха Насир-ад-Дина Мирза Малькам-хан основал в Тегеране общество, известное под названием «Дом забвения», которое ставило своей целью устранить оторванность и разобщенность между правящими классами и остальной массой народа, другими словами, способствовать пробуждению чувства национального самосознания и единства. Общество на деле являлось масонской ложей, отделом «Grand Orient» — «Великого Востока», учрежденной при содействии и влиянии из Салоник.

Общество это подверглось преследованиям, и сам Малькам-хан вынужден был отправиться за границу, посланником в Лондон.

В 1890 году Мирза Малькам-хан основывает в Лондоне газету «Закоп», которая сыграла громадную роль в истории пробуждения и развития национального и общественного самосознания Персии. Газета эта, весь материал которой принадлежал исключительно самому М. Малькам-хану, как показывает уже ее название, ставила своей задачей привить ее читателям сознание необходимости законности, чувства права, указывая, что возрождение Персии покоится единственно на создании определенного кодекса законов, хранителем которых должно явиться законодательное собрание. Газета просуществовала около трех лет и за все это время вышла в свет в количестве 41 номера. В самой Персии газета и ее читатели подвергались преследованиям, что еще более усиливало интерес к ней и ее значение. В литературном отношении и газета, и другие произведения М. Малькам-хана знаменуют собою начало постепенного изменения персидского языка, обогащение его новыми понятиями и формами. Отличительной чертой сочинений М. Малькам-хана является легкость и простота стиля, делавшие их доступными для широкого круга читателей. Уже в начале своей карьеры он ввел в делах министерства иностранных дел новый упрощенный способ писания.

Как мыслитель, М. Малькам-хан пытался создать новую «религию», «религию человечности», и имел, по его утверждению, довольно большой круг прозелитов.

Умер М. Малькам-хан, как сказано, в Риме в 1908 году, «счастливым видеть цель свою достигнутой и посев свой пожатым».

На ряду с другим факторами впоследствии занял первенствующее место новый — пресса, явление характерное для современной персидской литературы.

Первая газета появилась в самом начале царствования шаха Насир-ад-Дина, в 1851 году, в Тегеране, под заглавием «Дневник случайных событий», и выходила регулярно каждую неделю. Через десять лет, в 1861 году, стала выходить газета — «Дневник высокой державы Ирана», явившаяся продолжением первой, с портретами выдающихся деятелей и сообщениями о цветущем состоянии различных провинций Персии и назначении должностных лиц. Впоследствии эта первая персидская газета продолжала выходить под разными заглавиями, мало изменив свой характер официального

органа. Из провинциальных газет за этот период заслуживает внимания основанная в 1879 году в Исфахане газета «Мудрость», издатель которой Мирза Тагы-хан был одним из видных представителей старого поколения, сочувственно относившихся к проникновению в Персию европейских идей и образованности. Он был известен, как глубокий знаток астрономии и естественных наук, сочинения его на эту тему, писанные простым и ясным стилем, имели в то время не малое значение.

Появление первого периодического органа, посвященного специально научным вопросам, относится приблизительно к тому же времени. В 1864 году стал издаваться «Научный дневник», служивший просветительным делом «Дар-уль-Фунун», и только лишь в 1903 году появился на короткое время первый научный журнал — «Сокровищница искусств», ставший до некоторой степени известным благодаря своим ученым редакторам, одним из которых был популярный впоследствии сейид Хасан Тагы-заде. Появились и другие журналы, посвященные специальным вопросам — естественно-историческим, этическим, религиозным и др., но в силу малой подготовленности авторов к правильной трактовке вопросов и цензурных условий, они не оставили по себе заметного следа. Наибольшим влиянием среди персов пользовались газеты, выходившие за границей; являясь непосредственными толкователями и проводниками европейских понятий и взглядов, они в сильной степени способствовали пробуждению национального самосознания. Вместе с тем они положили начало коренному изменению литературных понятий и вкусов, а под влиянием этих последних — постепенному перерождению и самого персидского языка, упрощая стиль, вводя новые слова и термины и придавая старым новые значения. Доступ в Персию зарубежных персидских газет был крайне затруднен. Старейшей из таких газет была «Звезда», основанная в Константинополе в 1875 году и продолжавшая существовать до 1896 года, когда была закрыта османским правительством. Среди прогрессивных кругов персидского общества, не выработавших еще способности самостоятельной критики, значение и авторитет ее выражались в точном усвоении ее взглядов на совершавшиеся события и положение вещей, а среди среднего и низшего классов населения самое слово «Звезда» (Ахтар) в применении к читателям этой газеты получило смысл религиозной секты. Сотрудниками ее среди других были Мирза Ага-хан Кермани и Мирза Али Мухаммад-хан. Последний основал в Каире в 1899 году собственную газету — «Плеяды», приобревшую не меньшую популярность. Спустя полтора года М. Мухаммад-хан основал другую газету — «Воспитание», отличавшуюся изяществом стиля и имевшую большой успех среди молодого поколения. Газета отличалась страстностью и смелостью в своих нападениях на правительственную систему в Персии, в частности, непримиримой ненавистью к Садр-Азаму (великому визирю), Ами-ус-Султану и его антипатриотичной деятельности. В литературном отношении привлекают внимание в этой газете повести иноказначительного характера, как образчика нового стиля в персидском языке, например, рассказ о «Дочери Хаджи Намадма'я (валяльщика войлока)». В последнем номере интересен «Плач по сломанном перу».

Со времени провозглашения конституции (1906 г.) число газет неуклонно растет; большая часть их ограничилась эфемерным существованием, но за то другие стали руководителями общественного мнения и выразителями народных стремлений и надежд. Важное значение приобрели газеты «Маджлис», печатавшая отчеты заседаний парламента, «Новая Персия» и «Труба (архангела) Серафимла». Характерным литературным фактом в период

освободительного движения являются сатирические и юмористические журналы и газеты, каковы «Дервишеская чашка», «Земные гады», «Бахлюль», остроумные более или менее с тщательно выполненными рисунками. Наконец, как знаменательное явление для Персии, надо отметить специальную женскую газету «Знаппе», основанную в Тегеране в 1910 году женой одного окулиста.

В области поэтического творчества, ископни составляющего гордость персидской литературы, в поэзии, наиболее ярко отразившей дух персидского народа, знакомство с западными идеями вызвало настоящую революцию как во взглядах на задачи поэзии, так и в темах и, наконец, в самом языке. Составился определенный взгляд, дана была характеристика поэзии, совершенно отличные от тех, которые можно вывести из знакомства со старыми образами; суждение о старой литературе и новый взгляд на поэзию выражены были одним из видных деятелей конституционного периода, упомянутым сотрудником газеты «Звезда» Мирза Ага-ханом Кермани: «Никто не отрицает силы и оригинальности старых поэтов Персии, никто не оспаривает блеска и изящества их стихов; но какое действие произведено было писаниями наших поэтов и ученых, какие плоды принесло дерево, посаженное ими в саду песен, и что было пожато от их посева? Результатом их невозможных гипербола явилась лживость, привитая бесхитростной натуре простого народа; результатом их лести и панегириков было поощрение правителей и их министров к совершению всякого рода подлостей и безумств; результатом их философского и мистического учения явилась грубая лень и тупеядство, толпы нищих и попрошайек; результатом их песнопений в честь роз и соловьев была испорченность нравов и развращенность молодого поколения.

Поэты Европы составляли и составляют самые разнообразные произведения, но они подчинили поэтическое искусство законам логики и имели в виду просветить умы людей, рассеять пустые предрассудки, увещевать беспечных, порицать невежд, побуждать людей к благородным поступкам, удалять их от позорных делений и возбудить в них патриотизм и преданность своему народу. Итак, истинное назначение поэзии — возбуждать сердца людей, их сострадание, пробуждать их мысль, направлять к добродетелям, благочестию и умеренности, а не поощрять к низким и подлым поступкам».

Данная М. Ага-ханом характеристика вполне совпадает с тем, что мы видим в поэтических произведениях современной Персии. Новая персидская поэзия стала ближе к жизни, к ее запросам и потребностям, ближе к народу, надеждами которого она живет, печали которого она разделяет, само понятие о патриотизме, чуждое раньше Востоку, усвоенное поэзией и составляющее одну из ее характерных особенностей, проводит резкую грань между старой и новой поэзией Персии. Одним из ранних представителей нового течения был Шейбани, певец «мировой скорби», скончавшийся в 1891 году. В противоположность поэтической деятельности его современников, сводившейся к более или менее искусным перепевам старых мотивов, поэзия Шейбани носит на себе печать личного, продуманного и пережитого; Шейбани нельзя назвать великим поэтом, но нельзя и отказывать ему в таланте и оригинальности. Чуждый подражания корифеям персидской литературы, он черпает вдохновение из того, что дала ему его жизнь. Ноты печали и мысль о бренности земного существования — характерные черты его лирики. Уже самые обстоятельства личной жизни не мало послужили основанием для выработки пессимистического направления

в творчестве Шейбани. Он был родом из Кашана и, принадлежа к зажиточному классу, внезапно подвергся преследованиям со стороны власти имущих и, при полном отсутствии в Персии гарантии личной и имущественной неприкосновенности, оказался вскоре лишенным всего. Добравшись до Тегерана, Шейбани только благодаря участию, принятому в его судьбе всемогущим министром Амин-ус-Султаном, имел возможность избавиться от пыток и лишения, ярко описанных им во многих из его стихотворений.

Начало творческой деятельности Шейбани относится еще к кашанскому периоду его жизни.

В Тегеране, поддержанный могущественными покровителями, Шейбани мог спокойно предаться своей деятельности и определеннее выразил свое мировоззрение в ряде поэм и рисунков (посланий).

Уже в произведениях кашанского периода заметны черты пессимистического направления, ставшего господствующим в последующем творчестве Шейбани. Находясь в столице, он вел жизнь анахорета, редко появляясь даже перед своими покровителями; пессимист, склонный к отречению от мира и религиозному квиетизму, он рядом со своим домом воздвиг могильный памятник. Одним из мотивов, содействовавших развитию пессимизма Шейбани, было сознание несоответствия между суровой и неприглядной действительностью и теми возможностями, которые таились в натуре Шейбани, между способностями, задатками и положительными качествами, заложенными в нем и развитыми его отцом, и, как неожиданный результат последних, выпавшими на его долю испытаниями. С тем же пессимизмом относится он и к своей поэтической деятельности, считая последнюю одной из главных причин постигших его превратностей судьбы. В одном лишь отношении он не может отказаться от поэтического творчества, тем самым признавая его силу и значение — это когда речь идет о необходимости дать полезные указания или громко заявить о печальном положении вещей в стране. Здесь мы встречаемся с наиболее интересной стороной творчества Шейбани — его политическими сатирами.

Вдумываясь в причины роковым образом сложившихся обстоятельств, жертвой которых он пал, поэт естественно усматривает их в общих недостатках системы управления, в печальных и невозможных условиях существования в Персии. Превосходно изображает он жалкое состояние находящегося на краю падения и полного разложения государства, неумолимо бичует царствующие повсюду злоупотребления, насилие и подкупы, указывает на голодных и недетых солдат. «Шах находится на ложном пути, спокойно взирая на все происходящее; ему нужен руководитель, но среди имеющихся налицо министров нет ни одного, способного установить порядок. Религия страдает, государство находится под тягостным бременем, а министр, на попечении которого и религия, и государство, радуется цветущему состоянию своих садов и дворцов». С необыкновенной смелостью обращается Шейбани с упреками к шаху: «если ты не отгонишь от стада волка насилишка, тебя нельзя назвать достойным царствования!»

Нельзя не подивиться отваге, с которой Шейбани выступил на путь обличителя. В его время — в эпоху «великого абсолютизма» — такие речи впервые громко раздавались. Поблажку, оказавшую в данном случае Шейбани, можно объяснить лишь влиянием его высоких покровителей. Все же, произведения Шейбани не могли быть опубликованы в самой Персии; они вышли в свет в Константинополе в 1891 году, т. е. в самый год смерти Шейбани.

Поэт-сатирик Мирза Али Акбар-хан, родом из Казвина, один из самых популярных писателей в освободительный период, известностью своей обязан главным образом сатирическим статьям, печатавшимся в газете «Труба Серафила» (1907 — 1908 гг.). Статьи эти, род маленького фельетона, регулярно появлялись под заглавием «Всякая всячина» за подписью «Дахоу», что на языке казвинцев значит «староста»; это был «тахаллус» (псевдоним, *nom de plume*) Мирзы Али Акбар-хана. Его стихи были сатирами, подчас очень едкими и остроумными, на самые разнообразные явления политической и общественной жизни Персии. Не мало доставалось здесь и духовенству, подвергалось критике ненормальное положение персидской женщины, беспощадно осуждалось одно из специфических зол Персии — курение опиума, высмеивались и европейские порядки; ставшая традиционной вражда к России находила и здесь свое выражение, словом, не было темы, на которую не отозвался бы остроумный «Дахоу». Излагались стихи языком народным, в высшей степени простым, полным кратких и метких выражений, скупо подмеченных и пущенных в литературный обиход. На этих сатирах Дахоу'а нельзя не усмотреть прямого влияния юмористического журнала «Мулла Насрэддин», издававшегося в Тифлисе с 1906 года на турецком наречии Азербайджана; журнал этот был весьма популярен среди мусульманского населения Закавказья и северной Персии, не исключая и Тегерана; журнал был прекрасно осведомлен в персидских делах и, благодаря распространенности турецкого азербайджанского наречия в северной Персии, был доступен персам наравне с персидскими газетами.

Летом 1908 года, после подавления конституционного движения Мухаммад Али-шахом и закрытия всех газет, Мирза Али Акбар-хан бежал за границу и в Ивердоне, в Швейцарии, стал издавать с начала 1909 года газету под тем же названием «Труба Серафила», но это была только тень прежней, по выходе четырех номеров прекратившая свое существование.

После этого М. Али Акбар-хан сотрудничал в газете «Суруш», выходившей в Константинополе и основанной персидским анджуманом (клубом эмигрантов) в 1910 году. Из поэтических произведений Дахоу'а заслуживает внимания трогательная и полная чувства элегия на смерть его друга, издателя «Трубы Серафила», убитого в день насильственного переворота в июне 1908 года. Элегия эта интересна, как пример, правда, единственный, влияния европейской поэзии на построение персидского стихотворения: каждая строфа имеет две самостоятельные рифмы, проходящих соответственно в первых и вторых полустишиях.

Отличительной чертой литературы реформационного периода явилось стремление дать возможность самым широким слоям населения Персии вплоть до глухих провинциальных уголков усвоить новые понятия, новые идеи, нахлынувшие в Персию, часто взаимно противоречивые и не всегда правильно понимаемые даже столичной интеллигенцией. Стремление это выразилось, кроме специальных газет, приуроченных к языку и уровню развития простонародья, и отдельных статей, писанных на общераспространенном народном говоре, в ряде народных стихотворений — песен, в большинстве, так называемых, «таснифов» — романсов, посвященных обыкновенно характер памфлетов, сатир на лица и политические и общественные события, или же представляющих патристические и революционные гимны. Автором таких стихотворений песен является известный сейид Ашраф-ад-Дин аль-Хусейн из Казвина. В 1907 году в период первой конституции, он выступил на поприще журнальной деятельности, основав в Реште газету «Ветерок севера». После событий, разразившихся в Гилане (в декабре

1911 г. и январе 1912 г.) сейид Ашраф-ад-Дин вынужден был бежать, и газета его была закрыта. Из под его пера за этот период вышел ряд поэтических произведений, среди которых известны сатиры на духовенство. Вернувшись вскоре в Решт, он продолжал свою литературную деятельность в ряде мелких брошюр с содержанием наставительного характера: переложил на персидские стихи басни Лафонтена и Флориана, составил религиозную поэму и мн. др. Но более всего известен сейид Ашраф своими политическими «таснифами», в которых живо отражается неподдельное чувство патриотизма; горькая прония и пессимизм служат характерными чертами этих «таснифов». В настоящее время сейид Ашраф-ад-Дин издает в Тегеране ту же газету «Ветерок севера», единственную, кажется, в данный момент, на страницах которой охотно предоставляется место для первых более или менее решительных попыток поставить на обсуждение женский вопрос в Персии; иногда в обсуждении его принимают участие и сами заинтересованные женщины. Газета отличается от своих современных собратьев легкостью и простотой стиля, народными выражениями, отводя место для шуточных рассуждений на злобу дня, в которых сказывается подражание знаменитым сагирам Дахоу'а.

Другим не менее популярным, чем сейид Ашраф, певцом политических «таснифов», является в настоящее время Ариф, родом также из Казвина. В его произведениях, среди которых, кроме «таснифов», есть и «газели», звучат еще отголоски суфийского мистицизма, владевшего когда-то умами и сердцами самых выдающихся представителей персидской литературы. На празднестве, устроенном в конце 1911 года литературным кружком демократов в память победы конституционалистов, завершившейся низложением шаха Мухаммад Али, Ариф пропел один из лучших своих «таснифов»; пение его произвело на присутствующих потрясающее впечатление.

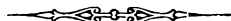
В начале 1913 г. Ариф был заключен в тюрьму за обидное для тогдашнего регента Насир-ул-Мулька сравнение. Благодаря помощи своих почитателей ему удалось заменить заточение кратковременной ссылкой в Исфахан.

Как уже было указано, попутно с восприятием новых идей, и язык — средство для их выражения — неминуемо должен был подвергнуться изменению, приспособиться к массе новых понятий. Большую роль в этом отношении сыграла обширная учебная литература, в которой язык должен был выработать не только отдельные термины, но и примениться к образу выражения, чуждому до сих пор для него.

Понятия из области политики, права, общественных явлений, финансовых отношений требовали соответствующих выражений на персидском языке. в одно и то же время кратких и ясных и недопускающих двусмысленного толкования. Пришлось прибегнуть к изобретению новых слов с помощью богатого арабского языка, старым персидским словам придавать новое значение и в крайнем случае оставлять нетронутыми европейские слова, слегка изменив их согласно правилам персидской фонетики. Влияние османского языка с его готовыми терминами европейских понятий в данном случае бесспорно.

Подводя итог всему сказанному, легко видеть, что современная персидская литература есть явление новое; недавно получив новое содержание, она стала живым и при благоприятных условиях способным к дальнейшему развитию организмом. Общий характер этой новой литературы и ее значение покажет будущее.

А. А. Ромаскевич

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМИТИЧЕСКОГО АЛФАВИТА

Значение семитического или, как мы его обычно называем, «финикийского» алфавита в истории человечества громадное, оно, пожалуй, даже не поддается учету. К нему восходят в конечном итоге все алфавиты мира, и поэтому неудивительно, что вопрос о его происхождении всегда вызывал сильнейший интерес. К сожалению, уже в древности забыли историю его возникновения. Финикийцы сами, правда, сохраняли традицию о египетском происхождении своего алфавита, но наряду с этой традицией существовало еще множество других. Те из писателей, которые отрицали оригинальность финикийцев в деле создания алфавита, приписывали честь открытия самым различным народам классического Востока. Столь же разноречивыми оставались и мнения ученых новейшего времени. Они становились все многочисленнее и многообразнее по мере ознакомления с различными графическими системами древности. После дешифровки пероглифов, уже Шамполион высказался за происхождение финикийского алфавита из пероглифов. Пероглифы сменил в дальнейшем пероглифический курсив, вслед за которым и клинопись выступила с претензией быть отцом «финикийского» алфавита. В последнее время появились теории о возведении семитического письма к хетским пероглифам и клиноарному шрифту Крита и, наконец, даже к тапшевным знакам «средиземноморской расы». Такое обилие разноречивых теорий должно вызвать некоторое недоумение. Дело в том, что простой анализ особенностей финикийского алфавита должен до некоторой степени решить загадку его происхождения. Правда, на этот путь анализа наука стала лишь в 1915 году в исследовании Г. Шефера «Отсутствие гласных в финикийском алфавите»¹⁾. Шефер устанавливает здесь, что отсутствие огласовки в финикийском алфавите определенно указывает на происхождение его из письма, также не знающего гласных. Если бы финикийское письмо восходило к шрифту, применяющему огласовку, то отказ от гласных, полагает Шефер, являлся бы непонятным регрессом. Из известных нам графических систем древнего Востока одно лишь египетское письмо создало алфавит и также с отсутствием гласных, а из этого вывод ясен.

Указанное положение Шефера послужило исходным пунктом для крупного исследования К. Сетэ «Происхождение алфавита»²⁾. Кроме отсутствия огласовки, Сетэ указывает еще на следующие особенности финикий-

¹⁾ «Журнал Египетского языка» (1915) 95 сл. С этим исследованием я познакомился лишь из нижецитируемой статьи Сетэ.

²⁾ «Известия королевского научного общества в Геттингене», — Известия 1916 г. 2, стр. 88 — 161.

ского алфавита: 1) Направление финикийского письма справа налево. 2) Праобразами семитических букв являются, судя по их именам (алеф — бык, бет — дом, мем — вода, пун — рыба, апи — глаз, пе — рот, рех — голова и т. д.) конкретные предметы, т. е. пероглифы. 3) Финикийское письмо основано на принципе акрофоническом, т. е. буквы называются тем предметом, имя которого начиналось соответствующим звуком, напр., «б» названо «бет» — дом, потому что «бет» начинается со звука «б» и т. д.

Эти три особенности семитического алфавита повторяются и в египетском письме. Египтяне писали справа налево. До самого последнего времени ими сохранялся первоначальный пиктографический характер письма. Акрофонический принцип был им не чужд, и, во всяком случае, иностранец, познакомившийся с египетским алфавитом, должен был предположить наличие акрофонического принципа в его образовании.

В виду такой удивительной согласованности египетского и финикийского письма Сетр приходит к выводу о зависимости последнего от первого.

Конечно, это априорное умозаключение о египетском происхождении семитического алфавита надо было подкрепить новым доказательным материалом. Таковой был найден и гениальным образом использован английским египтологом Алэном Г. Гардинером. Последнему было поручено издание эпиграфических результатов археологической экспедиции, посланной в 1905 г. под руководством Ф. Л. Петри на Синайский полуостров. Среди многочисленных египетских надписей были найдены здесь, в медных рудниках Уади Магара и в соседнем им храме богини «Гатор владычицы Малахита», небольшое число памятников грубой работы, египтизирующего стиля, покрытых письменами, сильно напоминающими пероглифы, но имеющими, очевидно, иное фонетическое значение. Плохие копии этих памятников, воспроизведенные Ф. Л. Петри в его «Синайских разысканиях» (Лондон 1906 г.), не могли, конечно, послужить основанием для серьезной дешифровки вновь открытого письма, и поэтому на него не было обращено должного внимания. Лишь в лице названного Алэна Гардинера таинственные Синайские надписи находят своего Гротенда. Число последних всего 11, и Гардинер воспроизвел их путем автографий и фотографий в своем кратком, но чреватом достижениями исследовании «Египетское происхождение семитического алфавита»¹⁾. Надписи вырезаны на маленьком каменном сфинксе, на котором имеется и египетская надпись, на статуэтке сидящего на корточках человека, на человеческом бюсте и, наконец, на 8 стелах. Три памятника круглой скульптуры находились в храме Гатор, а стелы были выбиты в соседнем руднике в скалах. Надписи выступают весьма неясно на обветрившемся камне, и поэтому приготовление автографий было очевидно делом весьма трудным. Гардинер сам предупреждает пользующихся его рисунками помнить о чрезвычайно плохой сохранности памятников. Надписи с своеобразным египтизирующим письмом весьма немногословны. Гардинер насчитывает всего около 150 знаков. Среди них он устанавливает 32 различных типа, из которых 4 могли бы быть, по его предположению, вариантами других знаков. Эти 28 или 32 знака, уже при беглом взгляде, выдают свою сильнейшую зависимость от образцов пероглифического письма. По отношению почти каждого из них можно установить его пероглифический праобраз. С другой стороны между этими «пероглифами» и семитическим алфавитом также существует какая-то несомненная связь. Действительно, знаки вновь найденных Синайских надписей изобраа-

¹⁾ «Журнал египетской археологии» III / 1916, стр. 1 — 16.

жают как раз те предметы, которые называют имена букв семитического алфавита. Мы имеем здесь голову быка — «алеф», дом — «бет», воду — «мем», рыбу — «пун», глаз — «аин», рот — «пе», голову — «реш» и т. д. Еще одна особенность сближает сирийские «пероголифы» с семитическими буквами. В противоположность египетским пероглифам знаки неизвестного Сирийского письма обращены не направо, а налево. Налево же смотрели и те «пероглифы», из которых с течением времени развились исторические образы семитического алфавита.

Указанные особенности Сирийского письма заставили Гардинера искать здесь решение загадки происхождения семитического алфавита. Путем гениальной комбинации он решает поставленную себе задачу. Свою дешифровку Гардинер начинает с надписи на сфинксе. На этом памятнике имелись наряду с легендами на неизвестном письме еще и египетские надписи. Между лапами было вдарано имя неизвестного нам джар, на плече слова «Любимец Гатор, владычицы Малахита». Гардинер предположил, что надписи неизвестного письма являются переводами надписей египетских. К сожалению, сфинкс несколько фрагментирован, и от надписей нового письма сохранилось немного. Все же на правой стороне базы статуи сохранилась полностью группа из 4 знаков. Первый из них, начиная слева, был знак, похожий на египетский пероглиф дома, второй — на пероглиф глаза, третий — на пероглиф спиралью свернутой веревки и, наконец, четвертый — на пероглиф крест на-крест сложенных палочек. Этим четырем знакам соответствовала часть пероглифической надписи «Царь И. Р. любимец Гатор, владычицы Малахита», но какая именно часть? Судя по следам контекста, можно было лишь сказать, что перечисленные 4 «пероглифа» не возглавляли надписи, а соответствовали скорее ее средней части. Обращаясь к прочим надписям, Гардинер сделал наблюдение, что указанная группа 4 знаков встречается еще 5 раз на статве сидящего на корточках человека и на 4 стелах. В тех случаях, когда контекст не уничтожен, этой группе предшествует другая группа, состоявшая также из определенных, почти не варьирующихся, знаков. Принимая во внимание почитание в Сирийских рудниках «Гатор, владычицы Малахита», можно было с большой вероятностью предположить, что обе указанные группы знаков неизвестного письма соответствуют как раз имени богини и ее постоянному «украшающему эпитету». Подобное предположение находило свое лишнее подтверждение в том обстоятельстве, что эти группы знаков были вдараны на статве и на сфинксе, на памятниках, найденных в храме «Гатор, владычицы Малахита», а на сфинксе даже имелась египетская надпись, называющая богиню. В виду всего этого, Гардинер не был слишком неосторожен, когда сопоставил вышеописанную группу из 4 знаков неизвестного письма с египетским словом «владычица». Дав это толкование указанной группе, Гардинер пришел к интересному результату. Первый знак группы соответствовал пероглифу «дома», т. е. тому предмету, которым названа вторая буква семитического алфавита — «бет». Второй знак являлся пероглифом глаза, соответствующего семитической букве «аин», обозначающей глаз. Третий знак напоминал по внешней форме написание семитической буквы «лямед», а четвертая буква «тав». Установив такое поразительное «формальное» тождество между указанными 4 знаками неизвестного письма и 4 буквами семитического алфавита — «бет», «аин», «лямед» и «тав», Гардинер должен был допустить тождество и в фонетическом их значении. Придя к такому выводу, Гардинер получает в лице разбираемой им группы знаков неизвестного письма слово «belt», т. е. семитическое слово, обозначающее «владычицу». Это чтение Гардинера бес-

спорно является абсолютным достижением в дешифровке «синайского» письма и оно послужит незыблемым основанием для дальнейших работ в данном направлении. Правда, Гардинеру самому не удалось прочесть более ни одного слова, но опираясь на свое чтение «belt», он устанавливает те из «пероглифов» Синайского письма, которые изображают предметы, служащие именем для букв семитического алфавита и отождествляет их с соответствующими буквами. Таких «пероглифов» он устанавливает 14, и таким образом определенно доказывает генетическую зависимость семитического алфавита от вновь открытого «Синайского письма». Исследование Гардинера, доказывающее столь долго оспариваемое египетское происхождение семитического алфавита, вызвало весьма понятную сенсацию в научном мире. Еще до появления в печати работа Гардинера живейшим образом заинтересовала Сэйса и Каули. Оба соглашались с выводами Гардинера и пытались продолжать на основании результатов его исследования дешифровку «Синайских» надписей. Каули издал свой опыт дешифровки «Происхождение семитического алфавита» одновременно с исследованием Гардинера ¹⁾. Не все его чтения заслуживают доверия, но все же кое в чем он подвинул дело дешифровки. Так, между прочим, придется признать его чтение имени богини предшествующей «belt» Гардинера, а именно «Tnt», сопоставляемой Каули с известной «Танит». Большого чем Каули достиг Сетэ, лучше его подготовленный к восприятию исследования Гардинера своим вышепозванным трудом о происхождении алфавита. Сетэ посвящает открытию Гардинера крупное исследование «Новооткрытые синайские письмена и возникновение семитического письма». Он в еще более определенной форме, чем Гардинер, настаивает на том, что «Сиайское» письмо является действительно «отцом» позднейшего семитического алфавита. Сетэ доводит число различных «типов» Сиайского письма до 26. Путем тщательного анализа он находит для каждой из букв семитического алфавита как северной, так и южной его ветви, пробраз в «Сиайском» письме. В связи с этим Сетэ пытается решить вопрос об отношении между северосемитическим и южносемитическим алфавитами. Много места Сетэ уделяет вопросу о времени составления «Сиайских» надписей. На основании доводов исторических он датирует надписи эпохой Гиксосов. Я со своей стороны мог бы поддержать данную датировку указанием на то, что письды эпохи Гиксосов действительно пользовались алфавитными знаками в большей степени, чем в эпохи предшествующую и последующую. Кажется Гиксосы завоеватели поняли великое значение египетского алфавита и выделили эти знаки из бесчисленного множества прочих пиктографических и фонетических знаков. Знакомство с египетским алфавитом и осознание его важности заставило их создать для своих нужд свой собственный алфавит, пользуясь акрофоническим принципом, принципом не чуждым и египтянам.

Из этого фонетического письма Гиксосов развился позднейший «финикийский» алфавит, подчинивший себе графические системы полмира и побеждающий в наши дни даже древнее идеографическое письмо дальнего Востока. Гениальное открытие египетского народа, «алфавит» стал таким образом достоянием народов всех стран, «которые отекает солнечный диск», говоря словами египетской надписи.

*В. Струве*²⁾

¹⁾ «Журнал Египетской археологии» III / 1916, стр. 17 — 19.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

1

Делая обзор жизни современного Китая, естественнее всего начать с прессы и, прежде всего, прессы газетной. Правда, материал для суждения об этом достаточно важном мировом явлении у петербургского ученого крайне скуден, и ему в данном случае приходится ограничиться случайно дошедшими до него в октябре 1922 г. разрозненными номерами партийной прессы. Однако, то, что можно видеть и сообщить читателю, даже на этом убогом материале достаточно разнообразно, в особенности, если исключить политику и ограничиться общекультурными факторами жизни современного Китая.

Не может не броситься в глаза совершенно, впрочем, естественное для китайской прессы, исходящей в своем современном типе исключительно из европейского образца, ее подражание европейской прессе, зачастую карикатурное. Самые титулы газет даются с подзаголовком на английском языке, — объединительно-культурном языке Дальнего Востока. Так, читаем в сплошной пероглифической газете титул (в пероглифах) «Ши ши синь бао», и тут же: «The China Times»; «Цюнь бао», и рядом: «The Social», — при чем английский титул не есть перевод китайского, а его англицизация. Иногда же дается только транскрипция (романизация) китайского пероглифа, при чем далеко не всегда безгрешная (например, вместо «Ching Pao» — «Ching Poa»).

В вычурных объявлениях и порой в скромном тексте появляются европейские знаки препинания, особенно знаки восклицательный и вопросительный, как в ординарном, так и в повторном видах.

Иногда промелькнут среди пероглифических собственных имен авторов инициалы китайца, передающие латинскими буквами транскрипцию его имени или, вернее, его прозвания.

Все это — карикатурная иностранщина, нездоровый элемент подражания.

Неужели иностранцу достаточно одного лишь титула газеты, притом призрачного, несоответствующего действительному смыслу китайских пероглифов? Чему помогают случайные (я не говорю, конечно, о систематических) знаки препинания, особенно, когда они — а это сплошь и рядом — поставлены возле или после слов, которые сами по себе не что иное, как пероглифический знак препинания (и, эр, цзай и т. п.)? Что говорят глазу и знанию «инициалы» типа, скажем, С. Р., когда под каждой из этих букв скрывается с десяток буквокомплексов (Chang, Ch'ang, Chan, Ch'an, Chin, Ch'in и т. д.), а под каждым из графических комплексов сотни пероглифов?

Однако, трудно осуждать это явление моды, охватывающее, впрочем, не одни только специальные газеты разных партий, а и столь серьезные, хотя и не национальные органы, как японская *Шунь тянь шибао*. Оно попадает в поле зрения европейца иначе, нежели в поле зрения китайца.

Элемент более здоровый и значительный, дающий простор суждению, а не только одному впечатлению, заключается, конечно, в самом содержании статей и, особенно, объявлений, ибо последние, как эпизодическое явление, легче проводят причуды моды и быстро наплывающие течения, нежели очередной текст газетных страниц.

В этом отношении поражает огромное количество объявлений об учебниках английского языка для китайцев. Эти учебники быстро выработали отличную технику переводов с одного языка на другой, и появившийся в 1920 году китайско-английский словарь Чжан Пынъюня («O. P. Tsang») тому наилучший пример. В этом словаре впервые английские значения китайских слов даны не в логической постепенности, а в грамматических функциях, которые, как известно, для китайского иероглифа прозрачны, и существуют только для переводчика на флективный язык. Ясно, что техника переводов с китайского языка от такого явления сильно выиграет. Для русских же переводов с китайского пока лишь одни трудности, в результате которых скудное количество переводов с китайского, и наплыв переводов на китайский «с русского» в английском переводе, или же попросту безграмотной макулатуры.

Вслед за учебниками английского языка и переводами английских авторов (среди которых мелькают французские, реже немецкие, и еще реже русские¹⁾) идут в объявлениях новые учебники новых для Китая европейских знаний, все скомпилированные или просто переведенные с европейских языков или с японского. В том числе встречается каталог чуть не сотни изданий по специальной военной литературе, — явление, в одно и то же время понятное и любопытное для современного Китая, переживающего нечто в роде феодальных междоусобиц, которые, однако, основывают свой успех на последнем слове европейской техники военного дела. Любопытно, что в каталоге этой военной литературы помещен учебник... шахматной игры и даже набор шахмат, — игры, которая в Китае гораздо более распространена, нежели у нас, и в своей сложной форме «облавных шахмат» (вэй цзи) еще более напоминающих организованное сражение, нежели игра «слонов» (сян цзи), близко напоминающая тип игры, распространенной у нас.

Новыми для глаза, давно не издававшего китайской газеты, являются объявления женщин-врачей и акушерских курсов, свидетельствующие о серьезной брешь в жизни китайской женщины, выходящей из традиционного патриархального уклада на простор широкой и ответственной общественности.

Наконец, приводимое в прессе и подробно излагаемое содержание социалистических журналов, в роде «Сегодня» (Цзинь жи), развивает перед нами картину языка, стремящегося к совершенно интернациональному укладу иероглифической речи, и этому языку, несомненно, принадлежит будущее, основанное на смерти традиционного старого языка (т. пазыв, вэнь ли).

Среди самих статей, отражающих прямое иностранное влияние, трудно отметить что-либо наиболее яркое, если не считать мелькающих от времени до времени целых полос популярных статей по элементарной гигиене, прививающихся в большой китайской прессе и исчезающих уже из прессы Европы.

¹⁾ В разрозненных номерах газет, ко мне попавших, мне повстречался только перевод «Живого труп» Л. Толстого (Хо ши).

II

Ближайшим порождением иностранного влияния в Китае является, так называемый, новый «государственный язык» (го юй), он же «белый» язык (бай хуа), то есть язык, лишенный литературной ритмики старого (вэнь ли), которая скрывала свободу выражения новых идей и мешала проникновению точных неологизмов, взятых часто из японского языка, который, как известно, с китайскою стилистикой не считается.

Судя по объявлениям, существуют целые газеты на этом «белом» языке (напр., «Бай хуа мшъ бао») и даже большие журналы (напр., «Гоюй юэ кань»), что, впрочем, не новость, ибо, если принять, что этот «новый» язык есть лишь применение так называемого «мандаринского» языка к нетерпеливой газетной речи, то тип «мандаринских» газет насчитывает уже четверть века своего существования.

Читаю целый ряд каталогов изданий на этом «белом» языке, самым крупным из которых, несомненно, является «Очерк китайской философии» профессора Пекинского Университета Ху Ши, вышедший в 1919 г. вторым изданием, имеющий несомненный и вполне заслуженный успех. Ему я посвящу отдельную заметку в конце статьи, а пока отмечу большое количество таких изданий по всем отраслям знаний о Китае: истории, литературе, географии, философии и т. д. Дело дошло до «переводов» на «белый» язык... древних стихотворений, что еще более курьезно, нежели давно уже известные «переводы» на этот язык китайских классиков.

Новостью для составляющего эти заметки являются объявления о детских журналах, написанные «детским» разговорным языком, точь в точь так, как это делается в Европе и, вероятно, с теми же результатами, держащими ребенка в сочиненном для него литературно-макулатурном парнике дольше, чем это терпимо, — не говорю уже: нужно.

«Белый» язык, отстраняющий старый, традиционный «вэнь ли» от изящной литературы и, особенно, от стихотворений, мелькает тут и там в прессе в виде «новых стихов-песен» (Синь ши ши гэ), при чем порой на темы заграничной жизни китайских эмигрантов, особенно в Америке.

Однако, и как крик моды, «белый язык» даже на страницах партийной прессы, вряд ли считающейся с реакционными течениями — явление очень редкое.

Не говоря уже о том, что серьезные газеты, в роде «Шэнь бао» (изд. в Шанхае) его вовсе не допускают (насколько можно, повторяю, судить по дошедшим экземплярам газеты) на свои страницы, даже передовицы новейших газет, обращающиеся к общественному мнению (пин лунь), пишутся языком, близким скорее к старому «вэнь ли», чем к новому «белому».

Тем более странно, и даже вовсе необъяснимо, что этим языком не пишутся объявления, старающиеся разъяснить читателю превосходство тех или иных товаров, особенно лекарств. Наоборот, объявления пишутся языком, наиболее трудным для иностранца, т. е. тем типично китайским укладом речи, при котором идеографическая оболочка скрывает в себе особую ритмику и всякую другую литературную технику, с которою иностранцу китаисту приходится при одолении ее вести борьбу всю свою жизнь.

Остается еще упомянуть про новый алфавит, пропаганда которого начиная с 1915 года велась весьма энергично. В десятках номеров, просмотренных мною газет, этот алфавит встретился мне всего раз — в пропаганде самого алфавита. Он был неуклюже вырезан на дереве, как иллюстрация к объявлению, и, совершенно очевидно, набора касс не имеет.

Таким образом, и это наиболее сильное из всех идейных начинаний **люди**, стоящих во главе китайского просвещения, газетой, т. е. жизнью и действительностью, пока не воспринято. Иероглифика торжествует, как многотысячелетняя традиция, и — с моей точки зрения — как высшая форма человеческой письменности вообще ¹⁾.

III

Мы видим теперь, что старейший Китай все еще живет в газете своей прежней жизнью, даже в мелочах.

Обратимся к этому страшному, казалось бы, явлению и рассмотрим его по существу, то-есть определим, насколько устоя формы соответствуют устоям содержания в более серьезном тексте, чем объявления, где, как мы видим, самый модный товар (папирсы, мыло, флаконы 606 и 914) расхваливается старокитайскими литературными приемами ²⁾.

Попрежнему «мелкие рассказы» (сяо шо), или, попросту, газетная литературная мелочь пишется старым языком, пересыпаясь от времени до времени стихотворениями в 7 и 5 слов, т. е. написанными традиционным размером и, кроме того, насыщенными «литературностью» старого Китая до изобилия. Особо торжествует так называемый «параллельный стиль» (нянь ти), давшим давно (еще в VII в. по Р. Хр.) осужденный прогрессистами, и мы встречаем, например, колонну за колонной занятых «Сборником параллельных эпиграмм» (ши лян цун хун), в котором к заданной теме, при посредстве несложной фабулы, подводятся остроумные ответы: слово на слово, образ на образ, намек на намек. Здесь старейший Китай торжествует вопреки всякому чувству меры, и повторов не удалось содействовать развитию этого чувства, совершенно необходимого для сближения с Европой. Как и следовало ожидать, это сближение начинается прежде всего в деловой области, оставляя интимную жизнь или литературные вкусы общества нетронутыми.

Очень странно также встретить на страницах газет отголоски старого патриархального Китая, в виде, например, статьи «О семейном воспитании» (Цзян дзяоюй), написанной в 1922 году тем же языком, что и в 922-ом, а то и еще раньше. И колонны, занятые подобным сюжетом, далеко не жидки.

Точно так же, очень обильные книжные объявления сообщают о продаже «сунских и юфьских» (X — XIV в.в.) старых изданий. Значит, кто-то этим интересуется.

Выходят новые и новые издания библиотек-серий (душшу), достигающие иногда чудовищных размеров (сотни томов), перепечатающих старые рукописи и старые, недоступные издания с хорошою критикою текста, сделанною эрудитами старого типа. Таковы, например, ценнейшие издания серий: Ши ли дзюй и Бай цзин лоу, принадлежащие знаменитым библиофилам и библиографам начала и конца XIX века Хуан Пиле и Чжу Цзигуну, о работе которых корифеи сипологии высказываются с величайшей похвалой, как о научной, дающей востоковеду достойный материал.

¹⁾ Это чисто научное мое положение, отнюдь не мешающее искреннему признанию общего смысла демократической китайской нынешней реформы.

²⁾ Я не говорю уже о банковских и прочих деловых объявлениях, ни на йоту не сошедших со своего точного языка, которому даже европейский деловой язык не мог дать существенных указаний.

Среди объявлений вижу подписку на новые издания крупнейших поэтов и писателей, в роде Ду Фу (712 — 770 по Р. Хр.) и Су Ши (он же Су Душо; 1036 — 1101), читать которых китаец нового типа и образования может лишь с трудом, и далеко не всякий, не говоря уже о том, что для этого чтения был и в старом Китае пригоден далеко не всякий человеческий экземпляр, а только наиболее тонкие эрудиты. О тех, кто зубрил эти стихи в хрестоматиях типа наших Галаховых и Ушинских, конечно, говорить не приходится: этот наиболее многочисленный читатель прежнего времени теперь, очевидно, совершенно исчез.

Встречается проспект нового издания знаменитого мыслителя начала XVI века, Ван Шюжэня (Янмиш Юйчань), переведенного... с японского, ибо в Японии этот мыслитель, как пророк, нашел себе более благодарное отечество.

Выходят большие энциклопедии несколько нового типа по форме, но прежние по содержанию, занятому старой философской литературой в извлечениях, систематизированных не только на предмет чтения, но и пользования.

Попадают объявления, которые можно сначала принять за объявления врачей, но, как оказывается из дальнейшего, это рекомендация страждущему человечеству старинного лечебника, давно забытого и усердно расхваливаемого издателем за его вновь на практике обнаруженные достоинства, вполне заменяющие консультацию врачей, в том числе и новых, получивших специальное образование в Европе и Америке.

Натыкаемся на еще более заметные устои старого Китая, в виде, например, объявления о торжественной постановке таблицы с именем умершего достойного человека в особо выстроенном для него храме. Здесь начало религиозного факта, ибо с этих пор умерший человек превращается в светлого духа (шэнь), которому остается лишь проявить себя чудодейственной силой, чтобы поклонение ему стало популярным в народе.

Любопытно также читать объявление, восхваляющее «достойную человека душу» какого то Цао (Сун ян жэнь фын), облагодетельствовавшего народ, и, может быть, принявшего меры к увековечению этого своего подвига в газетах.

Как известно, Китай — одна из редких стран, издавна, по завету Конфуция, награждающая доблесть честного человека не менее, нежели карающая порок, и отнюдь не рассматривающая достойную жизнь — явлением для всех обязательным и, так сказать, нормальным. Поэтому, отголосок старого Китая, видный в этом объявлении, свидетельствует о жизни в нем патриархальной, старой этики и заветов Конфуция.

Патриархальный быт сказывается еще, например, в объявлении, приглашающем всех, у кого есть документальные данные для родословной фамилии И, сообщить их по прилагаемому адресу. Эта частная фамилия, повидимому, без государственных заслуг, продолжает питать вкус к родовому быту.

Отходя от вещей деловых по существу, приближаемся к старому оккультному Китаю и читаем в многочисленных объявлениях, рассеянных даже в социалистической прессе, о «богообразных гадалках», хиромантах, физиогномах и т. д., могущих определить судьбу человека и, пожалуй, повлиять на нее. Старый Китай, часто смешивавший (особенно в обывательском уме) оккультизм с наукой, здесь во всей своей ничем не прикрытой полноте.

Вероятно, этого небольшого сопоставления нового Китая со старым достаточно, чтобы убедиться, что Китай еще только начинает эру своего

перелома. Доза европеизма, данная ему современностью в лице энергичных новаторов, сокрушает пока лишь его внешние устои, не трогая тех сторон, в которых китаец желает найти чтение легкое и удобное, до последней точки понятное.

IV

Чтобы покончить с прессой, следует отметить еще некоторые пункты ее содержания. Политических статей я попрежнему избегаю, ибо, будучи не в курсе дел китайской действительности, не умею ценить известия по их существу, а не по навязанному образцу. Впрочем, из передовиц легко уловить общий тон крайнего недовольства *дуцзюнь* ями, т. е. сверх-генералами, распоряжающимися судьбами Китая и диктующими свою волю президенту, который, один, должен слушать и слушаться нескольких.

Прежде всего, обращают на себя внимание статьи, рисующие общественное движение современного Китая. Так, следует отметить статьи, вызванные международной войной и русскими событиями, в роде следующих: «Большое движение против войны», «Пропаганда общества помощи русским голодающим» ¹⁾ и др.

Ряд статей рассматриваемой социалистической прессы направлен против религии, вообще, и христианства, в частности; задевается впрочем, и культовое конфуцианство. Другие статьи обрушиваются от имени «Союза противоборства христианству» на известную своею деятельностью в Китае американскую УМСА (Young Men Christian Association, по-китайски Цин янь хой), и в ответ получает на тех же страницах отчеты о съездах этой Ассоциации, имеющих, повидимому, весьма внушительные размеры и значение.

Женскому вопросу посвящается очень много статей, особенно в специальных феминистских органах, трактующих вопрос об эмансипации во всех деталях, начиная с разбинтования ног и кончая равноправием.

Интересны длинная прокламация «Ханькоуского общества борьбы с папиросами», в которые злоумышленники-торговцы кладут опиум, и небольшая статейка «Общества жалеющего нероглифы», т. е. протестующего против недостойного использования бумаги, на которой изображены китайские нероглифы: пиетет к ним, творениям «священномудрых людей древности», не позволяет обществу сносить поругание исписанной или печатной бумаги, хотя бы даже газетной.

В книжных объявлениях, наконец, нахожу сообщение об издании большой книги, разоблачающей ворожей и колдуний всех специальностей, и, очевидно, полезной, в качестве пропаганды против суеверий, с которыми борется китайская интеллигенция как правящая, так и общественная, исходя в настоящее время из христианской пропаганды не менее, нежели из общеконфуцианской традиции, не признающей сверхъестественного в какой бы то ни было форме, в том числе и той христианской, с которою вымирающее конфуцианство примирилось, или кажется примирившимся.

Жизнь искусства в китайской газете наших дней сосредоточивается по-прежнему на театре, объявления о котором занимают на страницах китайской газеты, по крайней мере, в три раза больше места, чем на страницах европейских газет. Оно и понятно: нет в мире страны, более неравнодушной к театру, чем Китай, где трудно себе представить какого-либо жителя или

¹⁾ Статьи этого типа сопровождаются иллюстрациями русских голодающих местностей, на которых, впрочем, ничего разглядеть невозможно.

жильницу, никогда не бывавших в театре. Пробегаю объявления, замечаешь, что и название пьес, и театральные термины остались старые, и, только получив сведения, дополнительные и вещественные ¹⁾, видишь, что и в театре пробита брешь, более существенная, нежели та, которую проделал всемогущий и вседеющийся кинематограф.

Впрочем, нововведения заметны в газете и помимо кинематографа. Так, читаю отчет о представлении на китайской сцене «Венецианского купца», исполненном учениками театрального училища. Эта брешь в китайском традиционном театре — брешь существенная, и из нее могут произойти, и, кажется, уже происходят, серьезные и интересные последствия.

Однако, маятник китайской жизни, отведенный событиями современности в сторону Европы, опять сильно откачивается в сторону исконной китайской традиции. Читаю статьи о театре, нечто в роде поэтических рецензий (шюй шо, цзи тань и т. д.), и вижу перед собой написанные со всеми тончайшими литературскими ухищрениями старого Китая стихотворные произведения, типичные для старинного стиля и потому с трудом расписываемые европейцем, которому они вряд ли, к тому же, доставляют удовольствие.

Выходят журналы, посвященные искусству вообще, и театру в частности. Из объявления о них узнаю, что дело изучения китайского театра китайцами же, — вероятно, на новых линиях общеевропейского уклона, — движется вперед.

Наконец, встречаются отголоски и иного искусства. Так, имеется сообщение об открытии китайско-японской выставки живописи, в котором говорится также и о европейских течениях в современном искусстве Китая и Японии, хотя, к сожалению, глуховато.

Открыта в Шанхае школа искусств с большими программами, но тем не менее, старая школа китайских художников древней традиции славных периодов искусства попрежнему находит покупателей, хотя то обстоятельство, что для этого потребовалось объявление, указывает скорее всего на развите подделок, ибо за всем настоящим и ценным в Китае зорко следят агенты европейских и японских коллекционеров, покупающих все, что только становится в возможность быть так или иначе отчужденным.

V

Переходя теперь от газетной прессы 1922 года к более устойчивым показателям культурной жизни Китая, хотя и не относящимся к столь близкой дате, и так же точно несовершенным, в смысле крайней случайности и эпизодичности, я останавливаюсь, прежде всего, на «Очерке древней китайской философии», написанном профессором философии в Пекинском университете Ху Ши и начинающем собой, как о том свидетельствует обложка, серию изданий этого университета.

Автор этой весьма примечательной книжки, дошедшей до меня, к сожалению, лишь в одной своей первой (из предложенных трех) части, американизованный китаец, соединяющий в себе познания в избранной им области, которые были им получены в его семье, славящейся учеными типа «ханьских», т. е. придерживающихся самого текста, классиков, как

¹⁾ Под вещественным я разумею сборники новых пьес, о которых я буду говорить особо.

было во II в. до Р. Хр. — III в. по Р. Хр., а не «духа», отличавшего позднейшие эпохи, — с методологией и философской пропедевтикой, полученной им в американских университетах. Он является главным реформатором в области китайского литературного языка, стремящимся заменить старокитайский уклад литературной речи новым, «белым» языком, основанным на разговорных формах. Не вдаваясь пока в подробную оценку книги ни с этой стороны, т. е. формы, ни со стороны содержания, я укажу на то, что, поскольку опыт проникновения «белого» языка в изящную литературу мне кажется, пока что, неудачным, постольку же проникновение этого уклада речи в научные книги можно только приветствовать. Действительно, освобождая речь от традиционных оков, «белый» язык дает ей возможность свободно выражать научную мысль всех оттенков, ибо она становится из неслышимой слышимой, и, следовательно, достигающей европейских форм научной речи, с которой она, между прочим, сливается чаще всего в такую близость, что, подписав под иероглифами их, скажем, английские или русские эквиваленты, получаем английскую или русскую международно-научную речь. Нет сомнения, что автор, пишущий китайскими иероглифами, чаще всего думает по-английски, но, тем не менее, ему надо поставить в большую заслугу, что он принял все меры к тому, чтобы быть понятым своими соотечественниками. Таким образом, эту книгу приятно читать и европейцу, которому она представляется иероглификацией нормальной европейской речи, и китайцу, которому она, благодаря целому ряду приемов, также понятна и интересна ¹⁾.

Книга начинается обширным вступлением, настраивающим китайского читателя на научный лад европейского систематического изложения. Дается определение философии, как науки, с ее разветвлениями и подотделами. Затем, речь идет об истории этой науки; о трояком ее задании; о положении китайской философии среди философий всего мира; о делении ее на периоды, с характеристиками каждого из них; об историческом ее материале; о научном исследовании последнего и о критике текста и др. В конце главы выясняется, что автор пользовался английскими переводами *Виндельбанда*, *Лангмю* и *Сенебоса* и... статьей «Textual Criticism» в *Encyclopaedia Britannica*.

Глава вторая посвящена эпохе зарождения китайской философии; третья — Лао-цзы, четвертая — Кун-цзы (Конфуций), пятая — ученикам Конфуция, шестая — Мо-цзы, седьмая — Ян Чжу, восьмая — фальсификаторам Мо-цзы и его традиции, девятая — Чжуан-цзы, десятая — конфуцианским трактатам, предшествовавшим Сюнь-цзы; одиннадцатая — самому Сюнь-цзы, двенадцатая — заключительным резюме.

Не вдаваясь, повторяю, в подробности, требующие особой статьи, отмечу, что труд Ху Шн ближе к типу научно-популярных книг, чем к типу научных исследований, хотя многое в этой книге оригинально и кажется новым. Насколько это действительно ново, можно выяснить при помощи сравнения с японскими предшественниками Ху Шн по систематизации материала, но его замалчивание европейских предшественников (Legge, Watters, Chavannes) рекомендует его с плохой стороны.

¹⁾ К числу таких приемов относится сильно развитая пунктуация, основанная на европейской, но идущая значительно далее; а именно, она отличает обозначение собственных имен людей, местностей, династий и учевой номенклатуры от названия сочинений. С помощью этой пунктуации и без того легкая, отчетливая речь становится абсолютно точною, не допускающей кривотолков.

Как бы то ни было, книга эта, будучи переведена на русский язык и снабжена достойными сюжета примечаниями, могла бы служить прекрасным пособием для изучающих китайскую философию, сильно нуждающихся сейчас в подобном руководстве.

VI

Среди других новых явлений в китайской литературе наших дней следует отметить сборник современных пьес, из репертуара драматического студенческого кружка при Пекинском университете. Автор этих пьес, некто Чань Дабэй, о котором мне, к сожалению, ничего не известно.

Пьесы эти построены вполне на европейский лад. Действующие лица перечислены в начале пьесы так, что сначала кажется, не перевод ли это с европейского языка. Та же система драматического изложения, с примечаниями в скобках и проч. Китайский материал переплетен с европейским довольно неуклюже, и вообще, к этому начинанию надо пока относиться с опаской, как к первому крику моды, но, несомненно, что можно на этом пути китайского театра ждать многих совершенств. Язык — чисто разговорный.

Для примера, как происходит у автора резкое столкновение нового Китая со старым, приведу отрывок из драмы «Совесть» (Лян спит).

Кун Дзипин. Одет в старое рваное платье. Близорук, носит очки. В правой руке держит «холодную» трубку с табаком ¹⁾, делает спазмами затыжку за затыжкой.

Кун («хлебнув» табаку, раскашлялся).—Смотри, пожалуйста, когда это кончат шуметь с этой нашей революцией, с этим нашим «обособлением»? Орут, шумят, а все выходит, что китайцы китайцев же и бьют. Почему бы студентам, из тех, что поспособнее, не подняться единодушно и не подражаться как следует с иностранцами? (Кашляет). Нынче они и Мудреца-то ²⁾ не хотят, что же это за ихний «мир» ³⁾ такой?

Чжюу (улыбается).—Нечего пить. Будем пить чай — и делу копец. Сказано у мудреца на этот счет хорошо: «Если беден, то занимайся лучше сам собой». Будем держаться этого девиза, и basta. Чего там смотреть, «мир» это или не «мир»? (Наливает чай).

Кун.—Так ты, значит, думаешь, что нам следует заниматься лишь своими же особами... Так... А я думаю, что скоро, вот, наступит потоп и придут дикие звери — вот что за «мир» будет! И нам, того гляди, придется растрепать свои волосы ⁴⁾ и застегнуться налево ⁵⁾... Если даже захотим подумать о себе, вряд ли сможем; вот что...

(Ван Чжаньбао с женой, одетые по европейски, идут под руку ⁶⁾ по дорожке. Кун со своими собеседниками обмениваются мыслями, Ванны, муж и жена, проходят направо, поднимаются по лестнице и уходят).

Кун.—Гм! Ну смотрите, господа, это ли не мерзость? Ха-ха! Это ли не дичь?

Ван (появляется опять, бежит вниз по лестнице и гневно смотрит на Куна).—Кто это будет «дичь»? С тобой, что ли, говорят? Выходи-ка сюда, дрянь, я тебя попрошу меня еще поучить!

Кун (улыбается, не отвечая).—Ха-ха!

¹⁾ Род кальяна.

²⁾ Конфуция. Фамилия «Конфуция», как известно, тоже *Кун*.

³⁾ Мир, в смысле все человечество, противопоставляется замкнутому доселе и обособленному от мира Китаю.

⁴⁾ Как делаи былые герои, не желавшие пережить государственной разлуки и бежавшие в горы за голодной смертью.

⁵⁾ Как варвары.

⁶⁾ С точки зрения старомодного китайца всякое прикосновение к женщине на людях подобно началу сексуального акта и, потому, является верхом бесстыдства.

Ван. — Ну, ну, выкатывайся сюда, дурак! (Подходит к третьему столу, стучит кулаком, гневно бранится). Ну-с, которое из вас яйцо «черепаша»¹⁾ посмеет сюда подойти?

Г-жа Ван (пришла на шум). — В чем дело?

Ван (тыча в Кун Цзинна пальцем). — Вот эта дрянь, черепашье яйцо, за нашей спиной говорит про нас разные там «мерзость», «дичь»... Ты что ж думаешь, что Лао-цзы, выйдя за ворота, ушей с собой не взял, что ли²⁾? Я, конечно, не верю во всех этих «Небесных Царей» и «Старых Философов», а вот ты, ни на что не похожая образина, ты-то смеешь своего Лао-цзы ругать?

Г-жа Ван. — Эй ты, мастак, выходи-ка... Нечего слепить свои собачьи глаза, смотри: мы оба супруга, в открытую сватанные, в законном браке состоящие, честь-честью: в обаде при узорных свечах... А не то, что ты там думаешь, ни весть что... и т. д.

А вот образец монолога, произносимого врачом христианином новой формации, обнаружившим с помощью жены («Ласточки») в газете клевету

Г-жа Лю («Ласточка»)... — Да, ведь, он говорит, что ты сын повара...

Лю (врач). — Что я сын повара? Только-то? Ах, Ласточка, скажи, мы с тобой в кого веруем, не в Спасителя ли Иисуса? А разве он не был сыном плотника, которого иудеи ругали и высмеивали? (Указывая на образ) А Господь наш разве не родился в самых грязных яслях? Неужли ж ты хочешь, чтобы я был славнее и знатнее Спасителя нашего? Моя слава вот в чем: я своими трудами обнаружил я, вредящий человеку. Вот моя слава, с которой я увижу Бога, увижу Христа! В газете говорят, что я сын повара... А кто ж тебе сказал, что это не так? А поваренок твой не будет разве на груди плотничьего сына? Ласточка моя, самая моя любимая Ласточка! Я тебе вот что скажу: грех — это вот не иметь сил дать Ему (показывая на образ) радоваться: вот такие дела — это грех... А то, что я делаю не то, что нравится другим людям, и мои собственные мечты о славе — это пустяк!...

Как видно из приведенного, язык драм Чэня находится еще в наивной стадии неуклюжих подражаний. Впрочем, говорят³⁾, драмы эти имеют большой успех.

Тем не менее, дистанция от старого китайского театра, героического, с одной стороны, и грубо-жанрового — с другой, до этого нового огромна.

VII

Последней новинкой, полученной мною в последнее время, является изданный крупным шанхайским издательством «Commercial Press» (Шан у нин шу гуань) большой сборник статей о русской литературе и переводов с русского под заглавием «Исследования в области русской литературы» (Нгэгэ вэньсю лянцзю)⁴⁾, появившийся в сентябре прошлого года.

На обложке изображено нечто в роде андреевского креста, в центре которого череп, кости п... розы. Объяснений подобного сочетания в тексте нет.

Сборник состоит из двух частей. В первой находим статьи о России, принадлежащие авторам, выступающим во второй части уже в качестве переводчиков.

¹⁾ Черепаша, по мифическому сказанию, совокупляющаяся со змеем, приносит яйцо, которое ни черепаха, ни змея. Отсюда понятие незаконного сына, сына неизвестного отца — самое позорное для китайца образное сближение, действующее сильнее всех прочих (весьма, между прочим, разнообразных) ругательств.

²⁾ Лао-цзы, по имени Эр (Ухо), знаменитый китайский философ VI в. до Р. Хр. здесь выступает в роли образного выражения о старшем в отношении к младшему, (лао-цзы, — старик, сяо-цзы — молокосос).

³⁾ Передаю со слов приехавших из Пекина русских.

⁴⁾ Составляет приложение к № 12 «Литературного Ежемесячника» Сюшо юэбао).

Вот перечень этих статей:

1. Начальный период русской литературы (Чжэн Чжэньдо).
 2. Взгляд на русскую литературу XIX века. — Статья Шаловэйфу (Соловьёва) в переводе Гэп Цзичжи.
 3. Главные течения новой русской литературы. — Статья японца Нобори Сиомо в переводе Чэнь Вандао.
 4. Четыре больших имени в русской литературе (Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский). — Гэн Цзичжи.
 5. Тридцать авторов новой русской литературы (Лермонтов, Грибоедов, Кольцов, Шевченко (sic!), Герцен, Некрасов, Гончаров, Гаршин, Надсон, Щедрин, Лесков, Успенский, Боборыкин, Андреев, Куприн, Бунин, Сергеев-Ценский, Чириков, Ремизов, Муйжель, Юшкевич, Гусев-Оренбургский, Зайцев, Ропшин, Мережковский, З. Гиппиус, Бальмонт, Брюсов, А. Блок, В. Иванов). Все это на протяжении 28 двухколонок страниц. — Статья Шэнь Ипбина.
 6. Петропавловский, русский бытописатель деревни. — Статья Гэн Цзичжи.
 7. Альбов. — Его же.
 8. Златовратский. — Цзин Гуань (псевдоним?)
 9. Федор Сологуб. — Статья John Courpos, в переводе с англ. Чжоу Цзяньжэнь.
 10. Арцыбашев. — Лу Сянь.
 11. Русская критика и художественная литература. — Го Шаюй.
 12. Русская критическая литература. — Статья Кропоткина (Кэлу паотэ-цзин), в переводе Шэнь Цзэминь.
 13. Взгляд Толстого на искусство. — Чжан Вэньтянь.
 14. Русская былинная поэзия. — Шэнь Цзэминь.
 15. Русские народные песни. — Статья С. Hagberg Wright. Перевод Шэнь Цзэминь.
 16. Алтарь русской поэзии. — Статья японца Сиратори Сэйго в переводе Ся Мянцзунь.
 17. Русская детская литература (басни и сказки). — Статья японца Иосикава Гэп, в переводе Ся Мянцзунь.
 18. Как развивалась русская живопись. — Ху Гэньтянь.
 19. Положение Толстого в русской литературе. — Статья Нобори Сиомо (японца) в переводе Лин Гуан (Нумер первой серии «Трудов о Толстом»).
 20. Обломовщина. — Статья Кропоткина, в переводе Ся Мянцзунь.
- Далее идут переводы с русского, в громадном большинстве через посредство английских переводов, что совершенно ясно, хотя и не обозначено, как в статьях только что перечисленных. Положим, и в последних оригинальность — вещь, но крайней мере, сомнительная. Эти переводы и переводы предполагаются следующим образом.

Петропавловский. Парашкинды (?). *Гоголь*. Шинель. *Левитов*. Осенняя ночь в полях. *Тургенев*. Живые мощи. *Горький*. «Ночные речи в степи» (Макар Чудра). *Чехов*. На чужбине. *Чехов*. «Вечерняя беседа» (Зиночка). *Горький*. Орел. *Андреев*. Дело. *Златовратский*. Безумец. *Альбов*. Страшные слова. *Тургенев*. Письма. *Достоевский*. Вор. *Арцыбашев*. Врач. *Сологуб*. Белая мать. *Бунин*. Господин из Сан-Франциско. *Короленко*. «Лесные речи» (Лес шумит). *Андреев*. Смятые цветы. *Щедрин*. Потерянная совесть. *Успенский*. Смотриши. *Лесков*. Дурачок. *Куприн*. Убийца. *Пушкин*. Модарт и Сальери.

Былина о Вольге и Микуле Селяниновиче. Былина о муромском крестьянском богатыре Илье и Святогоре-богатыре. Красные песни третьего интернационала. Рассказы Красной России (из американского журнала: «Живое поколение» (?) ¹⁾). а) *Михельс* (?). Кровельщик (?). б) *Г. Санников*. Дело четверых (?). в) *Аркадий Аверченко*. Спасительная звезда умирающего (?).

Далее идут приложения:

Литературная Россия и Китай. — Статья Чжоу Цзюэня.

Кропоткин о русской литературе. — Статья Шэнь Цзэминя.

Впечатления от России (?) Брандеса. — Его же статья.

Русские писатели (в кратких биографиях). — Статья Мин Синя (?).

Несколько слов об издании. К рассказам приложены краткие сведения об авторах. Имена авторов и героев повестей даны как в китайской, так и в английской транскрипциях. В первом случае они, благодаря хаотическому выбору иероглифов, порой с трудом отождествимы; во втором, — переданы не менее небрежно, плюс бесконечные опечатки, причудливо-противные. У некоторых переводчиков (напр., Гэн Цзичжи) в текст вставлен русский шрифт, и довольно грамотно. Зато, сам этот переводчик, как показывает его опыт с переводом «Трех смертей» Толстого ²⁾, никуда не годен. Иногда в конце рассказов приложены объяснения непонятных собственных имен и выражений, но редко и без системы.

Тексту предшествуют воспроизведения картин и скульптур русских художников: *Левитана* «Последние лучи», *Репина* «Казак пишет султану письмо», *Ярошенко* «Везде жизнь», *Антокольского* «Связанный Христос», — а также портреты писателей: Достоевского, Тургенева, Чехова, Горького, Ремизова, Блока; музыкантов: Скрябина, Мусоргского; артистов: М. В. (!) Давыдова, Станиславского и Комиссаржевской, — все с подписями (в английской и китайской транскрипциях) и краткими пояснениями.

На одной из страниц журнала-сборника помещено объявление о выходе в свет «Сборника русских драматических пьес», составленного «Обществом дружного изучения» (Гун сю шэ) и входящего в серию «Русской Литературы». Объявление говорит о том, что общество выбрало из большого количества всему миру известных и имеющих вечное значение русских драматических произведений десять нижеуказанных пьес, которые могут быть интересны не только специалистам, изучающим русскую литературу, но и тем, кто интересуется литературой всего света вообще.

«Ревизор». — Пер. Хэ Цимина.

«Гроза». — Пер. Гэн Цзичжи.

«Месяц в деревне». — Пер. его же.

«Власть тьмы». — Пер. его же.

¹⁾ Предисловие к этим рассказам гласит следующее:

«За границей весьма мало известны русские рассказы и стихотворения, появившиеся после красной революции. Мы переводим ниже три рассказа из американского журнала «Живое поколение» (?). Все три появились в московских газетах прошлого года и, значит, их можно считать самыми новыми рассказами Красной России. В настоящее время (1921 г.) в России недостаток бумаги. По рассказам русских, прибывших из Сибири в Шанхай, в России выходит очень много печатных произведений, но ими не позволяется торговать. Кроме того, из-за недостатка бумаги тираж их невелик. Оттого за границей их не видно. Эти же русские говорят, что среди молодых писателей из народа особенно известен Demien Budy (орфография китайца). Этого человека мы не знаем, и можем пока дать в переводе только эти три рассказа из американского журнала. А потом мы попросим вышеупомянутых русских написать нам по-английски (!) о литературе Красной России, и тогда дополним то, что дается сейчас наспех».

²⁾ См. статью «Русские писатели в кит. переводах» («Восток» № 1).

«Плоды просвещения». — Пер. Шэнь Ина.

«Чайка». — Пер. Чжэн Чжэньдо.

«Иванов». — Пер. Гэн Цзичжи.

«Дядя Ваня». — Пер. его же.

«Впшиевый сад». — Пер. его же.

«Июнь» (Шестой месяц?). — Пер. Чжэн Чжэньдо.

Всего в сборнике 495 двухколоночных страниц по семьсот слишком слов — иероглифов на каждой.

Не предпреляя заранее вопроса о том, насколько уместно и целесообразно переводить с переводов, а не с оригинала, и насколько даже этот процесс протекал в сборнике правильно, можно искренне порадоваться ему, как явлению, не имеющему — увы — соответствующей реплики в русской литературе, для которой китайское, все еще приемлемо лишь в гомеопатических дозах.

В. Алексеев

СРЕДИ МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН

I

Еще в половине XVIII ст. последние независимые монгольские племена потеряли самостоятельное существование и, войдя в состав Российской и Дай-цинской (маньчжурско-китайской) империй сначала в качестве автономных областей, стали затем постепенно терять и эту автономию. Наряду с этим шло медленное, но неуклонное внедрение русской и китайской культур. К началу XX ст. монголы, раскинутые на громадном пространстве часто более или менее изолированными группами, почти утратили сознание в потребности общения между собою. Только в одной области поддерживалось в известной степени их единение, — это в области религии, которая прочно утвердилась у них в однообразной форме преобразованного буддизма (ламаизма). Можно сказать, что по мере замирания национальных политических идеалов, утраты народом старой воинственности, видоизменения традиционных форм общественно-экономического быта, интересы религии все более выступали на первый план и, проникая почти во все проявления жизни, стали как бы олицетворением народных стремлений. Однако и этот фактор таил в себе угрозу: религия несла с собою чуждые язык и культуру — из Тибета, национальная же литература и даже простая грамотность на родном языке стали быстро клониться к упадку. И перед монгольским народом даже с этой стороны начал вырисовываться призрак денационализации...

Но вот, почти неожиданно для всех, картина резко изменилась. Усиление колониальных мероприятий русского правительства среди бурят и китайского среди юго-восточных монголов, боксерское восстание 1900 г., распространившееся из соседних областей Китая на Ю.-В. Монголию, наконец, русско-японская война внесли в однообразную жизнь Монголии будирующий элемент, и достаточно было более серьезного покушения со стороны Китая на монгольские земли в 1911 г., чтобы со стороны бесчисленного, казалось, равнодушного к своей судьбе населения последовал резкий протест. Китайская революция ускорила развитие событий: в ноябре 1911 г. Северная Монголия, объединившись вокруг своего духовного главы, Ургинского хутухты, для защиты своих национальных интересов, провозгласила свою независимость от Пекинского правительства, и вслед затем начались усилия, направленные к объединению вокруг одного центра других монгольских племен. Эта идея с разных сторон встретила к себе сочувственное отношение, и особенно горячо была поддержана населением Барги в С.-З. Маньчжурии, но Южная Монголия, где сосредоточено около $\frac{2}{3}$ всего мон-

тольского народа, предпочла, в виду своей близости к Китаю и многообразным с ним связям, а также отчасти в виду некоторой розни между севером и югом, занять выжидательную позицию. Факт восстановления монгольской государственности вызвал резкие протесты со стороны революционного Китая, и только благодаря энергичной поддержке России был после долгих переговоров санкционирован Кяхтинским договором 1915 г. между Россией, Китаем и Монголией. По этому договору Монголия была признана автономным государством, состоящим под сюзеренитетом Китая и покровительством России, и таким образом перед ней наметился для дальнейшего освобождения тот же путь, по которому шли христианские народности на Балканах. Неблагоприятно разрешился вопрос об объединении монголов: пределы автономного государства были ограничены Северной Монголией, Южная же осталась вне их, и только Барге, по дополнительному соглашению между Россией и Китаем, были предоставлены права автономной области с сохранением в составе Китая.

Монголы довольно энергично принялись за укрепление достигнутых ими результатов: был создан административный аппарат, главным образом, в виде правящего центра в Урге, положено начало государственному хозяйству страны, организованы вооруженные силы, приступлено к проведению различных культурных мероприятий для улучшения быта населения. Во всем этом содействовала Россия в виде отправки своих специалистов и предоставления денежных и технических средств. Наконец был сделан почин и в деле насаждения в стране просвещения. В противовес прежнему конфессиональному и, вообще, буддийскому схоластическому образованию, находившемуся в руках духовенства, имелось в виду содействовать распространению положительных знаний европейской науки при помощи родного монгольского языка, и таким образом область практического применения этого языка значительно расширилась, так как вообще весь административный аппарат стал пользоваться для своих нужд исключительно монгольской письменностью.

Характерно, что к области просвещения Россия, в лице своих официальных представителей, проявила очень ограниченный интерес, предоставив монголам почти полностью своим силам. Но содействие в этом деле они встретили со стороны бурятской интеллигенции. И поскольку в деле политического возрождения довольно видную роль сыграли южные монголы, во главе с партизаном Токтохо и политическим выходцем Хайсаном, поскольку в деле насаждения началков государственности в европейском смысле слова содействовали русские специалисты, постольку в области просвещения более всего услуг оказали буряты в лице своего видного деятеля Ц. Жамцарано.

По инициативе последнего, в Урге были устроены, при содействии типографии Р. Академии Наук, две небольших типографии европейского типа с монгольским шрифтом, — одна для нужд монгольского правительства, другая при русском консульстве, и началась довольно оживленная издательская деятельность. Под редакцией Ц. Жамцарано начал выходить, на средства русского дипломатического агентства, общественно-литературно научный сборник «Ишир-тол» («Новое зеркало»), затем на смену ему возникла общественно-политическая еженедельная газета «Нэйдель хурийену бичик» («Ургинская столичная газета»), литературно-научные же задачи стали осуществляться выпуском отдельных брошюр. Так, были изданы образцы старого, сохранившегося в записях, эпоса: рассказ о 2 бегундах Чингис-хана, Поучения Чингис-хана его младшим братьям и сыновьям; был составлен и напечатан

ряд популярно-научных брошюр по географии, истории, естествознанию, государственному праву; был переиздан перевод произведения Л. Н. Толстого «Будда». Был начат печатанием сборник законов нового государства. Монгольский язык, благодаря своей предыдущей литературной жизни, оказался достаточно гибким и разработанным, так что мог, без особого затруднения чуждыми заимствованиями, удовлетворять самые разнообразные потребности литературного и административного характера. Без особых затруднений совершалась замена китайско-маньчжурских литературных традиций европейскими через русское посредство.

Вообще, несмотря на все трудности, с которыми по необходимости приходилось столкнуться, дело возрождения монголов начало принимать все более и более реальные формы, и здесь стало намечаться сотрудничество как разных слоев местного населения в лице наиболее выдающихся представителей князей, духовенства и простого народа, так и деятелей из окраинных монгольских племен: бурят, баргу-бурят, харахинов, чахар и др., а равно русских специалистов. Однако, затянувшаяся европейская война, а затем русская революция нарушили правильный ход событий и внесли в жизнь Монголии серьезные осложнения.

Созидательная деятельность почти совершенно приостановилась. В области политических отношений стало усиливаться влияние Китая, который не изменил своего резко враждебного отношения к самой идее монгольской государственности, и, в конце концов, в самом начале 1920 г. китайцы упразднили автономию Монголии, оформив свой односторонний шаг «добровольным отказом» хутухты и его правительства — от оказавшейся якобы для них непосильной задачи осуществления государственных функций.

Однако вновь восстановленное хозяйничанье китайцев было непродолжительно.

Войдя в тесный контакт с представителями властей ДВР и Сибири, монгольская народно-революционная партия, при содействии русских войск, завоевала Ургуй и объявила о восстановлении монгольской независимости. На этот раз задача оказалась более сложной, так как новые претенденты на власть не только брали на себя защиту национальных монгольских интересов, но и несли в страну революционные идеи, которые пока чужды мировоззрению монголов. При таких условиях новым деятелям, которые были мало известны в стране, пришлось считаться с реальной обстановкой, и в результате: главою государства, хотя только номинальным, остался по-прежнему Ургинский хутухта, на местах была сохранена власть князей; после смещения первого премьер-министра Бодо, одного из основателей народно-революционной партии, во главе правительства стал другой хутухта, Джалхаанда-гэгэн из Западной Монголии. Только исполнительные (но тем не менее полновластные) органы в центре были сформированы из новых элементов, среди которых едва ли не наиболее влиятельное положение заняли буряты. Так сформированный центр предпринял подчинение своему влиянию всей автономной Монголии и, опираясь на реальную силу, в общем достиг своей цели, хотя, повидимому, и здесь процесс укрепления власти и замещения страны еще не может считаться вполне законченным, и не исключена возможность изолированных выступлений таких лиц, как пресловутый Джа-лама.

Другой успех, который может приписать себе монгольская народно-революционная партия, — это признание возглавляемого ею государства со стороны РСФСР: признание это вылилось в форму особого договора, заключенного летом 1921 г. в Москве на базе полного равноправия. Само-

собою, однако, разумеется, что для того, чтобы получить вполне реальное значение в качестве международного акта, он должен быть дополнен соглашением с Китаем. Последний до сих пор занимает непримиримую позицию, не желая признавать восстановления Монголии. Посредничество в этом деле приняла на себя Россия.

За пределы автономной Монголии власть нового монгольского правительства не распространяется. На этот раз не откликнулась даже Барга. Она за время русской революции лишилась международных гарантий своей внутренней автономии, так как китайцы объявили свое соглашение по этому предмету с Россией утратившим силу, но фактически, повидимому, продолжает пользоваться известной автономией, благодаря продолжающейся в Китае борьбе партий и ослаблению, вследствие этого, централистических стремлений Пекина.

В аналогичном положении находится Южная или, так называемая, Внутренняя Монголия. Не порывая официально связей с Китаем и даже участвуя в его представительных органах, когда они функционируют, южные монголы, повидимому, пользуются в своих внутренних делах широкою самостоятельностью всюду, где они еще составляют большинство населения. Там нет только общего объединяющего центра, и, распадаясь на несколько групп, эти монголы в своих внешних отношениях подчиняются политике соседних, более энергичных китайских администраторов: так, восточные и юго-восточные аймаки, так же как и Барга, связали свою судьбу с политикой полновластного правителя Манджурии Чжан-дзо-лина.

О положении остальных изолированных групп зарубежных монголов (Цайдам, Амдо, Харашар, Или, Тарбагатай и Алтайский округ) сведений не имеется. Но судя по их малочисленности едва ли можно ожидать, чтобы они играли сколько-нибудь заметную роль на фоне событий, вызванных китайской революцией.

Вообще же, если за пределами автономной Монголии что-либо и изменилось в жизни степняка-скотовода за последние 5—6 лет, то разве в смысле усиления китайского влияния. Однако, только автономная Монголия, после некоторого перерыва, вновь вступила на путь обособления от этого влияния. Этот путь неразрывно связан с распространением европейской культуры и созданием национальной литературы на родном языке. Во главе этого дела мы снова видим знакомого уже нам идейного работника Ц. Жамцарано. На этот раз он, видимо, поставлен в более благоприятные условия для развития своей деятельности и просветительные планы намечены с большею широтою. Кроме особого департамента народного образования (ранее заведывание делами просвещения составляло одну из функций ведомства иностранных дел), теперь создан ученый комитет (сулур бичиг-ун хурийсен), в задачи которого входят перевод с иностранных языков и составление по-монгольски необходимых для Монголии сочинений, собиране полезных для нее сведений, составление библиотек из сочинений на монгольском и иностранных языках, собиране памятников старой монгольской литературы, наконец, приведение в известность и охрана памятников древности, имеющих значение для истории Монголии. Во главе департамента состоит бурятский работник просвещения Бату-хан, душою комитета является Ц. Жамцарано.

Результаты соединенной деятельности обоих учреждений уже налицо. В Урге сохранилась монгольская типография; ею пользовались по очереди сменявшие друг друга правители, и, между прочим, в ней печатались воззвания китайских властей к монголам об упразднении монгольской автономии.

Теперь она обслуживает нужды народно-революционного правительства. На-днях в Петрограде получена довольно большая партия изданий, отпечатанных в той типографии для потребностей указанных выше просветительных органов и вообще правительства. Внешний вид их вполне удовлетворительный, часто даже почти изысканный. Печатаются издания на тонкой китайской бумаге, почему им и дается форма китайских брошюр: получается новый смешанный тип изданий — европейско-китайский. Содержание пока не отличается особым разнообразием: начиная с бланков для текущих нужд административных учреждений, их положений, правительственных воззваний и агитационных брошюр народно-революционной партии, они кончаются календарем на текущий год и разными учебникам для начальных школ (арифметика, азбука, учебники естествознания). Возродилась в Урге и периодическая печать. Вслед за водворением там нового правительства начал выходить его еженедельный орган «Ур» («Призыв»); в последнее время его заменил «Хуриягуи сетхул» («Краткий вестник»), дающий последние новости.

Школьная работа, повидимому, налаживается туго. В Урге имеются два средних учебных заведения, из коих одно, коммерческое училище, обслуживает преимущественно нужды местной русской колонии и содержится на частные средства. Правительством учреждаются школы специально для монголов, но добровольного притока учеников нет, в виду чего пришлось прибегнуть к сбору их официальным путем, но на первый призыв отклика также не последовало. Однако начавшиеся к 1912 г. проникновение европейской культуры через русское посредство теперь возобновилось. Новые идеи, которые распространяет народно-революционная партия, подвергаются обсуждению и иногда входят в жизнь; можно отметить, например, образование кружка монгольской молодежи по типу, напоминающему наш Союз молодежи. Реагирует на эти идеи и духовенство, но отношение его пока отрицательное, несмотря на то, что новый режим, как упомянуто выше, возглавляется, хотя бы номинально, двумя высокими святителями Монголии. С другой стороны, отметим сделавшую в Урге попытку инсценировки популярной в стране повести «Та-и-Сан ламайи туджи». На севере это явление новое, так как до сих пор попытки в общем очень слабые — создания монгольского театра наблюдались только в Южной Монголии под влиянием китайского театра (если не говорить о таких же попытках, оставшихся единичными у бурят и донских калмыков).

II

Обратимся к Монгольским племенам, проживающим в пределах России, — бурятам и калмыкам. Несмотря на существенные различия в условиях их быта, февральская революция принесла им в общем одинаковые результаты: они освободились от дарской административной опеки, создали свои органы управления, но окружавшее их русское население, сплотившись, использовало наступившее ослабление общероссийского аппарата для более интенсивного расхищения инородческих земель. Калмыки попытались спасти свое достояние переходом в казачество, по примеру своих донских сородичей, но безуспешно. Это лишь раньше вовлекло их в гражданскую войну, начавшуюся после октябрьской революции. Не избежали ее и буряты. Военные действия не раз перекатывались через калмыцкие и бурятские степи, унося много жертв и среди общей массы населения, и непомерно много среди его немногочисленной интеллигенции. Особенно тяжелы

были жертвы, понесенные калмыками; среди них не только производились неоднократно мобилизации, но им приходилось даже перекочевывать всем народом, со всем скарбом, на далекие расстояния. На поле брани калмыки выказывали чудеса храбрости: в них оживли старые боевые традиции. При этих условиях неудивительно, что, судя по официальным данным, погибло не менее четверти всего населения, что их храмы полуразрушены, подорвано благосостояние, что, наконец, они широко ресселились по белу свету. Немногочисленная уцелевшая в родных стенах интеллигенция довольно энергично взялась за спасение своего народа под флагом советской власти и в ноябре 1920 г. добилась объединения своих земель в автономную область калмыцкого народа. Пока в состав этой области не вошли донские калмыки, но в последнее время и среди них стало наблюдаться тяготение к соединению со своими родичами.

Буряты также потеряли немало своих видных деятелей, в том числе серьезного писателя М. И. Богданова, но в общем их положение было менее печально; оно лишь осложнилось их особыми отношениями к зарубежной Монголии. Вплоть до последней и сознание своей численной слабости заставляли бурятских общественных деятелей с давних пор мечтать об объединении с монголами, при чем, полагаясь на свою более высокую культуру, они рассчитывали сыграть в этом процессе руководящую роль. В эпоху революции эти стремления приняли столь интенсивную форму, что в 1919 г. по почину бурят образовалось, так называемое, Даурское правительство, которое имело целью содействовать осуществлению указанной идеи. Попытка эта оказалась неудачной и потерпела крах, причинив бурятам лишние жертвы.

Однако самая идея не заглухла и перешла по наследству к упомянутой выше монгольской народно-революционной партии, в которой буряты играют столь видную роль; но на этот раз принципы объединения формально не были выдвинуты. Названная партия сосредоточила свою деятельность в Монголии и, как изложено выше, достигла определенных результатов в смысле упрочения там своей власти. Параллельно с этим, в связи с невзгодами, испытанными бурятами у себя на родине, началось почти стихийное движение их в привольные монгольские степи. Даже среди иркутских оседлых бурят мысль о переселении в Монголию находила убежденных сторонников. Местами число переселенцев оказалось столь значительным, что нынешнему монгольскому правительству пришлось вплотную заняться этим делом в целях его упорядочения. Речь идет о постройке целых городских поселений.

На чисто же бурятской почве идея объединения нашла себе выражение в усилиях сплотить в одно целое забайкальских и иркутских бурят, имевших до революции мало общего между собою и довольно сильно разнявшихся степенью культурного развития. Разделение бурятских земель по линии р. Селенги между Р. С. Ф. С. Р. и Д. В. Р. затруднило это объединение, но в пределах той и другой республик буряты получили права автономных областей, которые установили между собою общение на культурной почве. Теперь одновременно со слиянием республик, вероятно, произойдет и соединение бурятских областей.

Приобщившись довольно давно, под русским управлением, к европейской культуре, буряты более рационально используют свою автономию. Бурятские светские школы с преподаванием на родном языке представляют довольно широко развитую сеть; там имеются все типы школ до учительского института включительно. Для них начато составление целой серии

учебных руководств на бурятском языке. Намечается возникновение нового центра бурятского просвещения в селении Ага, где работает б. лектор Петроградского университета Б. Барадхийн. Кроме того, в бурятских буддийских монастырях существуют конфессиональные школы очень высокого типа. Издательская деятельность облегчается наличием в некоторых монастырях местных типографий, печатающих книги по китайскому способу (ксилографические издания); привился и европейский способ печатания. Последний способ применяется при издании бурятских газет, которых за время революции появлялось несколько, но большую часть имели непродолжительное существование. В 1916 — 17 г.г. Союз забайкальских кооперативов издавал на бурятском яз. особый листок «Кооперативное Слово», затем при Сибирском правительстве наступило в этом отношении затишье, но с водворением советской власти мы видим бурятские газеты одновременно в Иркутске и в Чите. В первом из этих городов тибетско-монгольская секция Дальневосточного секретариата III Интернационала издавала (литографским способом) сначала газету «Хур» («Речь»), затем — «Монгол-ун унэн» («Монгольская правда»); в Чите сами буряты выпустили несколько номеров «Бурят монгол-ун сэтхиль» («Бурято-Монгольская мысль»). Затем после предоставления бурятам автономии в Чите стал выходить орган Центрального управления Бур.-Мон. Авт. Обл. «Шинэ байдал» («Новая жизнь»).

Если в Забайкальской области господствует монгольско-бурятская письменность и в администрации, и в прессе, и в литературе, то в Иркутской губ., где знания этой письменности до революции почти не существовало, продолжает господствовать русский язык. На этом языке вообще появляются бурятские издания, предназначенные для широкого осведомления. Таковы, напр., брошюры бурятских писателей: «Монголо-буряты и русская революция»; П. Данбиков, «О бурятском самоуправлении» (Верхнеуд., 1920); А. Турунов, «Прошлое бурят-монгольской народности» (Иркутск, 1922). Выходят также исследования русских специалистов, исполненные по поручению бурятских комитетов: проф. В. А. Рязановского, «Обычное право монгольских племен» (Чита, 1921), инж. Тульчинского, «Недра забайкалья» (1919), И. И. Серебrenникова, «Экономическое и статистическое обследование бурятского хозяйства». Уже самые названия этих немногих ставших нам известными изданий свидетельствуют о серьезном характере нудшей у бурят культурной работы.

Менее оживленная деятельность наблюдается в автономной области Калмыцкого народа, и она меньше окрашивается в национальный цвет. Калмыцкой интеллигенции осталось чересчур мало, и потому и в администрации, и в школе весьма видную роль играет русский элемент, а вместе с тем и калмыцкому языку приходится уступать первое место русскому.

Еще при Временном правительстве в Астрахани стала выходить на калмыцком языке газета «Ойрадийн занги» («Ойратские известия»), но она закрылась в январе 1918 г. на 5 номере, когда там вспыхнула гражданская война и калмыкам пришлось спасаться в степи. Затем издательскую деятельность на калмыцком яз. возобновили в 1920 г. Политотдел калмыцких воинских частей, входивших в состав одной из красных армий южного фронта, с агитационной целью, и здесь главными деятелями явились донские калмыки: школьный учитель и литератор Кануков и Шалзаков. Началось издание в походной типографии газеты «Улап хальмак» («Красный калмык») на калмыцком и русском языках, при чем оба текста шли в перемежку, и калмыцкий текст печатался частью калмыцким алфавитом (без соблюдения каких бы то ни было правил орфографии, а потому мало

вразумительно), частью русским (в транскрипции самого упрощенного типа). Одновременно было выпущено в том же виде довольно большое количество агитационных листовок.

После провозглашения калмыцкой автономии с ноября 1920 г. издание «Красного калмыка» перешло к ЦИК Калмыцкой области, который несколько упорядочил это дело, но сократил два отдельных текста — русский и калмыцкий. Весною 1921 г. этот орган перестал выходить и лишь в начале следующего года возник журнал «Ойратские известия» на одном только русском яз. Пока вышло два выпуска этого журнала, и в них мы находим серьезные работы проф. *Н. Н. Пальмова*, посвященные прошлому калмыков («Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах в России» и «Документы Калмыцкого Архива» за первый представленный в Архиве 1713 год), а также ряд статей о современном их состоянии или о недавнем прошлом.

Так постепенно калмыцкий язык оказался вытесненным из прессы; об отдельных изданиях на нем также что-то не слышно. Старой интеллигенции, еще деппившей родную грамоту, почти не осталось, а приходящая ей на смену новая, из советских школ, относится к ней равнодушно, если не отрицательно. В калмыцких сферах, как видно из «Ойратских известий», серьезно обсуждается вопрос о приспособлении к калмыцкому языку русского или латинского алфавита. Это свидетельствует, конечно, о том, что самая калмыцкая речь еще не обнаруживает признаков вырождения или замирания, и только неблагоприятные обстоятельства были причиной тому, что народ, возродив в себе старые боевые традиции, оказался уже не в состоянии выделить достаточно сил для культурной работы на национальной почве.

Монгольский народ зажат как клещами между двумя великими народами: китайским и русским. Оба эти народа находятся в революционном кипении, и национальный вопрос играет в их политике важное значение. Китай относится отрицательно к выделению из его состава инородных частей и конвульсивно пытается удержать Монголию и Тибет, не желающие более жить совместно с ним жизнью. Однако, это не придает Китаю крепости, и внутренние связи в его собственном организме остаются ослабленными. Россия усвоила себе противоположный взгляд, но это не помешало ей сплотиться в одно целое. Монгольский народ одной своей частью вошел в орбиту влияния Китая, другой — России; обе эти части разделены Гобийской пустыней. Какова будет их дальнейшая судьба? Север ли перешагнет через Гоби или, наоборот, юг? Или же обеим частям суждено слиться самостоятельно в одно органическое целое? Гадать не будем. Ограничимся пока констатированием двух фактов: китайская революция, против своей воли, содействовала воплощению в жизнь монгольской государственности; русская — задерживает денационализацию на северном фронте монгольских позиций. И на общем фоне этой картины зарисовалось лишь одно пятно — это обездоленный калмыцкий народ, чересчур далеко оторвавшийся от родных корней.

Вл. Котвич

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РУССКИХ ЕГИПТОЛОГОВ

(17—20 августа 1922 г.).

В связи с ознаменованием столетнего юбилея дешифровки иероглифов Шампольоном, в Москве состоялся первый съезд русских египтологов, созданный Всероссийской Научной Ассоциацией Востоковедения и Центральным Институтом Востоковедения. Съезд открыт был представителем Ассоциации Востоковедения проф. И. Н. Бороздиным, указавшим на то, что египтология должна занимать видное место в деятельности Ассоциации. По заслушании приветствий утвержден президиум съезда в составе 2 председателей (В. В. Струве и Н. Г. Франк-Каменецкий) и 3 секретарей (Н. Д. Флинтнер, Т. Н. Бороздина и А. В. Шмидт).

В течение первых 2 дней съезда заслушаны следующие научные доклады:

I. Проф. В. В. Струве. Словарник Голенищевского собрания.

Доклад содержит предварительную разработку одного из наиболее ценных папирусов Московского музея изящных искусств, давно уже вызвавшего к себе живой интерес у западно-европейских египтологов. Дав описание папируса и сообщив сведения об условиях его приобретения и о посвященных ему работах, докладчик, по сделанному им предварительному переводу, ознакомил съезд с содержанием папируса, представляющего собой словарь, заменявший египетской школе наш энциклопедический словарь. На основании различных списков того же памятника, хранящихся в других музеях, докладчик приходит к выводу о фрагментарности Словарника Голенищевского собрания. В подлинном виде текст охватывал всю совокупность знаний древнего Египта. В культурно-историческом, как и в филологическом, отношении даны обширные перечисления названий должностных лиц и географических пунктов, а также значительное количество иностранных (преимущественно семитских) слов. (Целью составления текста является, по мнению докладчика, желание ознакомить учащихся-египтян со множеством семитских слов, влившихся в период XIX—XX дин. в египетский язык). Местом происхождения текста является, на основании историко-религиозных данных, город Мемфис; упоминание народов моря указывает на эпоху Рамсеса III, как на время его возникновения. (Указав далее на отличие данного памятника от словарников Средн. дин. и греко-римской эпохи, докладчик подробно останавливается на именах 2-х городов списка географических пунктов Египта. Первый, названный городом «Мущ, владычицы Магана», сопоставляется докладчиком с «Маганом» клинописных текстов; второй, обозначенный в тексте как «чужеземное поселение Ири-Шепс», упоминающееся в текстах о ливийских войнах Мерисптаха, дает докладчику возможность определить пункт вторжения ливийцев в Нильскую долину в эпоху конца XIX дин.)

II. Т. Н. Козьмина-Бороздина. О научной деятельности египетского подразделения Музея Изящных Искусств при Гос. Моск. Ун-те.

Остановившись на открытии отдела, докладчик отметил значение Голенищевского собрания, составившего его основное ядро, и охарактеризовал деятельность б. хранителя коллекции, покойного академика Б. А. Тураева, принявшего главное участие в организации отдела и в осуществлении его научных задач. Далее докладчик сообщил о памятниках, поступивших в музей из других собраний, а также пожертвованных частными лицами и приобретенных постепенно музеем: коптские ткани, архаическое погребение, большое количество мелких предметов. В настоящее время коллекция насчитывает 6.471 номер (из них только 87 слепков). Научная разработка музейного

материала опубликована в «Памятниках Моск. Муз. Изд. Иск.», в издании которых главное участие приняли Б. А. Тураев и В. К. Мальмберг. До сих пор вышли 4 выпуска, посвященные описанию папирусов, барельефов, стен, статуй и статуэток. Кроме того, разработку музейных памятников содержат труды Б. А. Тураева, помещенные в других изданиях. Памятники музея разрабатывались также В. К. Мальмбергом, Б. В. Фармаковским, Ф. В. Баллодом и Г. Н. Козыминой Бороздиной. В настоящее время готовятся к печати дальнейшие издания памятников, разработанных В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер и Ф. Ф. Гессом. Над определением материала памятников работали проф. Ферсман, Унковская, Ш. П. и Л. П. Крыжановские; растительные остатки (злаки и т. п.) определил Е. Цинзерлинг. Египетский подъялец регулярно обслуживал нужды университетского преподавания и широко развил общественно-просветительную деятельность в виде лекций, докладов, популярных обзоров и экскурсий как для учащихся, так и для широкой публики.

III. Н. Г. Франк-Каменецкий. Религиозный синкретизм в Египте в фиванский период.

В противоположность укоренившемуся в египтологии взгляду на синкретизм, как на признак упадка религиозной мысли, докладчик, признавая правильность этого взгляда лишь для поздней стадии египетского богословия, подчеркивает, что синкретизм, присущий египетской религии во все периоды, начиная с древнейшего, неоднократно служил источником исключительно плодотворных религиозных идей. Отсюда вытекает необходимость установления различных форм синкретизма, как он применялся в отдельные периоды и в разных религиозных школах, и вместе с тем возникает вопрос о психологических предпосылках синкретизма. Последние докладчик ищет в своеобразной теории познания египтян, согласно которой явления окружающего мира представляют собой результат главной деятельности невидимых духов, рассматриваемых как их первопричина. Присущая этим духам способность переплощения делает возможным отождествление друг с другом самых разнородных богов, несмотря на все различие приписываемых последним внешних проявлений. На этой почве неоднократно устанавливалось тожество местных богов с космическими, что вело далее к сопоставлению между собой как местных, так и космических богов, при чем в зависимости от внешних условий, послуживших поводом к данному сопоставлению, полученное в результате новое божество оказывалось в большей или меньшей степени жизнеспособным и вело к созданию новых религиозных идей. (Древнейшим случаем применения синкретизма докладчик считает сопоставление местных богов с соответствующими животными или фетишами). Наметив вкратце ход развития религиозной мысли в Египте, докладчик приходит к выводу, что в отдельных случаях результатом синкретизма является ценный синтез религиозных идей, нередко объединяющий в одном образе всю сумму воззрений, концентрирующихся первоначально вокруг основных типов египетских богов (местного, национального, космического), отмечая, что именно на почве синкретизма египетская религия пришла к высшим обобщениям религиозной мысли — монотеизму и пантеизму. Лишь в период культурного упадка Египта синкретизм, в связи с общим застоєм духовной жизни, постепенно вырождается в бесплодную игру ума, — что послужило поводом к установившемуся взгляду на него, как на симптом упадка религиозной мысли. — В дальнейшем дается обзор сопоставлений фиванского Амона с целым рядом богов (как солнечных, так и других) на основании подлинных иероглифических цитат, заимствованных из гимнов Амону. Перенесение на Амона черт, присущих первоначально другим богам, имеет своим последствием то, что в указанных гимнах ярко отразились как религиозные идеи Илпопи, так и богословская мысль Мемфиса, а также своеобразные космогонические представления, возникшие на почве культа Мина. Таким образом, гимны Амону могут служить источником для изучения важнейших моментов религиозной истории Египта, давая материал для обобщений, выводящих далеко за пределы культа фиванского бога.

IV. Ф. В. Баллод. Египетское искусство в эпоху Аменхотеса IV.

Опираясь на ранее опубликованный под тем же заглавием труд (М. 1914), докладчик, в противовес противоположным взглядам, настаивает на национальном характере египетского искусства в период Аменхотеса IV и подчеркивает текучесть египетского искусства, подвергавшегося на протяжении своего многовекового развития существенным изменениям. Искусство рассматриваемой эпохи можно подразделить на три периода. В первые годы царствования Аменхотеса IV памятники искусства как по технике, так и трактовке сюжетов обнаруживают еще тесную связь с фиванской школой. С перенесением резиденции в Ахет-Атон начинается второй период, характер-

ризуемый расцветом натурализма, основанным на тщательном наблюдении и точном копировании изображаемого; в выборе и трактовке сюжетов наблюдается влияние наипольской и мемфисской школ. В третей период, совпадающий с неудачами в Азии и с обостренной борьбой с финансовыми жрецами, наблюдается усиление натурализма, доведенного до карикатурности; черты Эхнатона переносятся на окружающих, результатом чего является натуралистическая стилизация. Выяснив, далее, дошедшие от этой эпохи имена художников и распределив их по отдельным периодам (Мена—для 1-го, Бек и Юпн—для 2-го, Тутмес—для 3-го), докладчик приходит к новому выводу, что на основании характерных особенностей трактовки сюжетов в области египетского искусства возможно установить принадлежность некоторых произведений искусства не только определенной школе, но и определенному мастеру. Докладчик демонстрирует это положение на ряде памятников рассматриваемого периода, устанавливая, помимо известного нам художника Тутмеса, еще две современных ему школы.

V. Н. Д. Флиттнер. К вопросу о цилиндрах-печатах древнего Египта.

Дав описание цилиндров-печатей Моск. Муз. Из. Иск., содержащее характеристику отдельных типов, приблизительную датировку и разбор надписей, докладчик предлагает новую классификацию цилиндров и приходит к новым выводам относительно их назначения. Предложенная Newberry классификация цилиндров, основанная преимущественно на их внешнем виде делит их на два типа: а) короткий толстый с узким проходом для шнура, б) длинный, сравнительно тонкий «полый внутри». Указав на то, что, во-первых, цилиндры первого типа содержат обычно имена частных лиц, имена богов, наименования местностей и изредка титулы, а цилиндры второго типа обычно только чиновничью титулатуру, наименование царских доменов и имена царей; во вторых, цилиндры первого типа встречаются только в подлинниках, тогда как откаты на «пробках» принадлежат исключительно цилиндрам второго типа, — докладчик, приняв во внимание двойное назначение скарабеев, как печатей и амулетов, полагает, что цилиндры первого типа, материалом для которых служит большей частью камень, кость, золото (лишь крайне редко—дерево), имели преимущественно значение амулетов и лишь в некоторых случаях могли играть также роль печатей, при чем это назначение их было вторичным; цилиндры второго типа, обычно изготавливаемые из дерева и лишь в редких случаях из камня, служили печатами. Указав, далее, на встречающиеся на некоторых цилиндрах моск. коллекции изображения человека, сидящего перед жертвенным столом, что на основании сопоставления этого изображения с ранними мемфисскими статуями характеризует эти цилиндры, как заупокойные памятники, а также на отсутствие монтированных цилиндров среди найденных в могилах цилиндров первого типа, докладчик приходит к выводу, что часть цилиндров этого рода имела назначение заупокойных амулетов, что подтверждается встретившейся на трех московских экземплярах этих памятников заупокойной формулой *dj njsvt htp* («да даст дарь жертвы»). На основании изложенного все вообще цилиндры предлагается разделить на три типа: а) цилиндров-печатей преимущественно царских канцелярий и должностных лиц этих канцелярий, б) цилиндров-амулетов частных лиц, игравших, может быть, роль также печатей и в) цилиндров-амулетов заупокойного характера с встречающейся формулой *dj njsvt htp*.

VI. А. А. Захаров. Египет и Эгейский мир по новой книге Эванса «The Palace of Minos 1921».

Докладчик задался целью познакомить присутствующих с новым важным археологическим изданием, подводящим итог многолетней деятельности английского исследователя в Кноссе и содержащем результаты не только его личных раскопок, но также раскопок других исследователей, как на Крите, так и вообще в восточной половине Средиземного моря. Основной толчок к развитию минойской культуры на Крите полагал, по мнению автора, с юга, из Египта; само же древнейшее население острова было, как он полагает, родственно анатолийцам «арменоидного» типа. Возможно и переселение на остров жителей Нильской долины, ибо уже очень рано на Крите появляются изображения кораблей (один из знаков иероглифического критского письма). Чаши из камня, найденные в ранне-минойском слое, соответствуют найденным в Египте в гробнице Снефру и храме Сахура. В смутную эпоху (VI—XI дин.) связь между островом и Египтом ослабевает; в это время (ранне-минойской и I среди-мин. период) проявляется некоторое влияние севера (Киклад), но эпоха XII дин. отчасти опять-таки оказала влияние на Крит (находка египетской статуи в центральном дворе Кносса в слое MM II); с другой стороны, прекрасная полихромная посуда средне-минойских фабрик найдена в Кахуне, Абидосе и др. местах вместе с памятниками XII и XIII дин.

Открытия, сделанные на острове Фаросе г. Жондэ в виде остатков порта, относимого им к до-эллинской эпохе, ставят вопрос о сношениях Эгейского мира с Египтом на совершенно новую почву, заставляя думать о поселении здесь критян, подобно позднему поселению греков в Навкратисе (докладчик отмечает полную спорность этого предположения). На связь с Египтом в эпоху гиксосов указывает находка в слое ММIII алебастровой крышки с картушем Хиана. Еще оживленнее сношения становятся в эпоху Нового царства; изображения минойскими художниками нильских сцен с массой реальных подробностей заставляют думать, что они работали, живя в Египте. Система иероглифов Крита, конечно, развилась самостоятельно, но все же можно подозревать известный стимул со стороны Египта, на что указывают некоторые заимствованные знаки. Амулеты египетской формы (подвески в форме ноги) указывают на известную общность в народных суевериях. Показательно употребление систра на изображениях и сосудах для возлияний с двумя носиками, связанные в Египте с первобытным культом Гора и Сета. Религиозный синкретизм с Египтом можно видеть в изображениях грифонов и усвоении египетских символов Waz и anch, или гаторовских эмблем вроде коровы, лижущей своего теленка. Богиня Wazit, может быть, послужила прототипом для «Зменной» богини Кносса, а Ta-urt образцом для минойских гениев. — Позднеминойский период Эванс обещает рассмотреть в двух следующих томах своего труда.

3-й день съезда посвящен был обсуждению деловых вопросов, связанных с насущными нуждами русской египтологии; между прочим, постановлено:

1) Обратит внимание правительства на необходимость принятия срочных мер для ремонта и отопления музейных зданий, в которых хранятся египетские памятники.

2) Изыскать средства к скорейшему и полнейшему опубликованию литературного наследия покойного академика Б. А. Тураева.

3) Приступить к возобновлению издания «Культурно-исторических памятников древнего Востока», выходявших под редакцией Б. А. Тураева.

4) Принять все меры к скорейшему опубликованию уже подготовленных описаний египетских памятников петроградского Эрмитажа и московского музея изящных искусств, для чего обратиться к содействию Академии Наук, Академии истории материальной культуры и др. научных учреждений.

5) Озаботиться подготовкой к печати и изданием уже подготовленных учебников по различным отраслям египтологии и приступить к выработке плана и предварительной разработке материала для издания в будущем коллективного труда учебного характера, содержащего энциклопедическую сводку египтологических дисциплин соответственно нынешнему уровню науки.

6) Организовать объединение русских египтологов при Всер. Научн. Ассоциации Востоковедения с двумя отделениями: в Петрограде (Председатель В. В. Струве, секретарь Н. Д. Флиттнер) и в Москве (Предс. Н. Г. Франк-Каменецкий, секр. Т. Н. Бороздина); оба отделения вместе образуют Бюро русских египтологов, на которое, между прочим, возложено конкретное осуществление постановлений съезда, установление и поддержание связи с западно-европейскими египтологами, подготовка и созыв следующего съезда через 2 года в Петрограде.

Принимая во внимание незначительное количество активных участников съезда, нельзя не отметить разнообразия представленного научного материала, давшего повод к оживленному обмену мнений по ряду основных вопросов, касающихся почти всех отраслей египтологии: филология, история, археология, искусства, религии и условий музейной работы. Благодаря выступлению не-египтолога проф. А. А. Захарова, на съезде был поднят и освещен столь важный для египтологии вопрос об отношении Египта к миру Эгейской культуры. Обсуждение деловых вопросов обнаружило как разнообразие научных интересов, так и полную готовность участников съезда к согласованной взаимно-дополняющей работе и общее стремление к объединению вокруг славной памяти основателя русской египтологической школы — покойного академика Б. А. Тураева.

20 августа съезд в полном составе принял участие в торжественном заседании различных ученых учреждений Москвы, посвященном столетнему юбилею дешифровки иероглифов Шампольоном. Председательствовавший в заседании проф. Н. Н. Бороздин в своем вступительном слове вкратце охарактеризовал значение открытия Шампольона и, между прочим, выразил надежду, что настоящий юбилей, являясь общим праздником всего культурного человечества, послужит толчком к восстановлению нарушенного сотрудничества культурных наций мира на почве научного творчества.

Н. Г. Франк-Каменецкий прочел доклад под заглавием «Дешифровка иероглифов и успехи египтологии в западной Европе». Остановившись подробно на пред-

шествованиях Шампольона, докладчик охарактеризовал неудачные попытки А. Ф. Кирхера и его школы и указал на переворот, произведенный в науке нахождением Розеттского камня, вызвавшим ценные исследования Саси, Окерבלа и Юнга, при чем подробно изложил примененный последним метод и выяснил уровень достигнутых им результатов. Сообщив, далее, кратко биографические сведения о Шампольоне, докладчик указал на то, что дешифровка иероглифов, несмотря на почти мгновенную внезапность сделанного открытия, отнюдь не была делом дивинации, а является результатом точного наблюдения конкретных фактов и методической разработки основанных на этих наблюдениях теоретических построений. Докладчик пытался детально восстановить сложный генезис идей Шампольона, проследив важнейшие моменты в развитии его научного творчества, и выяснить причины его долгих колебаний между истиной и заблуждением. Сложная структура иероглифического письма не в меньшей степени, чем укоренившийся предрассудок о чисто идеографическом характере иероглифов, до крайности затруднила разрешение проблемы, допуская самые противоположные истолкования сделанных наблюдений. Почти накануне разгадки Шампольон счел себя вынужденным отказаться от им самим впервые провозглашенного принципа звукового значения иероглифов. Но лишь только счастливый случай дал ему в руки материал, сделавший возможным уразумение истины, — весь накопившийся за долгие годы исканий запас наблюдений разом предстал перед ним в новом освещении, и первый правильно сделанный шаг (прочтение имен Птолемея и Клеопатры) одновременно заключал в себе окончательное разрешение проблемы. Отсюда кажущаяся внезапность сделанного открытия, смелый переход от чтения царских имен греко-римской эпохи к анализу имен древних фараонов, от последних к именам богов и частных лиц и в результате уверенное и правильное понимание всех вообще египетских текстов. Охарактеризовав затем основной труд Шампольона о иероглифах (*Precis du système hieroglyphique*), докладчик остановился на споре о приоритете между Юнгом и Шампольоном, указав на то, что, несмотря на правильное суждение их современника Саси, ложное мнение о приоритете Юнга могло быть отстаиваемо вплоть до конца прошлого века, пока англичанин Le-Page Renouf и биограф Шампольона Н. Hartleben не установили окончательно безусловной оригинальности открытия, сделанного гениальным основателем египтологии. Коснувшись вкратце деятельности Шампольона после установления чтения иероглифов, докладчик перешел к обзору важнейших успехов в египтологии на западе после Шампольона.

Т. Н. Бороздина прочла доклад под заглавием *«Египтология в России»*. Докладчик подробно остановился на совершенно незатронутом в литературе вопросе об интересе к египтологии в России до 70-х годов прошлого столетия, сообщив цитаты из статьи о Шампольоне в «Телескопе» Надеждина (1831 г.), из одновременного открытого письма Гулянова к редактору «Телескопа», содержащего полемичку против Шампольона, из письма Чаадаева к Пушкину с упоминанием Клапрота и Гулянова (известных своим враждебным отношением к системе Шампольона), из «Путешествия Авраама Норова» и из сочинений Сенковского, содержащих любопытное отражение открытия Шампольона в русской литературе первой половины прошлого столетия и нередко проникнутых неподдельным юмором той эпохи. Указав далее на курс истории древнего Востока, читанный Рославским-Петровским в Харькове в 1864—65 г. и содержащим обзор современной автору литературы по истории Египта на западе, и коснувшись истории эрмитажной коллекции и приобретения петербургских фениксов, докладчик перешел к обзору русской египтологии, охарактеризовав деятельность петербургского египтолога О. Лемма, остановившись подробно на ученых трудах, археологических изысканиях и коллекционерной деятельности москвича — египтолога В. С. Голенищева и дав обстоятельный обзор ученых заслуг и преподавательской деятельности основателя русской египтологической школы Б. А. Тураева, в последние годы своей жизни отдавшего так много сил и внимания Москве и способствовавшего водворению в Москве знаменитой коллекции Голенищева, тем самым предопределив роль Москвы, как притягательного пункта для русских египтологов.

Над всей работой съезда незримо витал дух отда русской египтологии, покойного академика Б. А. Тураева. С первого момента открытия съезда это имя с теплым чувством прозвучало во вступительной речи проф. И. Н. Бороздина, в приветственных словах директора музея изящных искусств В. Г. Гиацинтова, отметившего с удовольствием, что первое заседание I-го съезда русских египтологов происходит в стенах музея, в котором протекала главная работа покойного Б. А. Тураева во время его частых выездов в Москву.

II. Франк-Каменецкий.

Курсы по восточному искусству читаются академиком: С. Ф. Ольденбургем (Искусство Индии), В. В. Бартольдом (Мусульманское искусство) и проф. П. А. Орбели (Искусство Кавказа). После отъезда из Петрограда проф. С. Г. Елисеева, курс дальневосточного искусства временно читал проф. А. И. Иванов и эпизодически (о китайских народных картинах) проф. В. М. Алексеев.

На факультете словесных искусств читали курсы: акад. И. Ю. Крачковский (арабская поэзия), проф. В. М. Алексеев (китайская поэтика), проф. А. А. Ромаскевич (персидская поэтика).

Востоковеды делали ряд докладов как специального, так и более общего характера. Таковы, например, доклады: акад. В. В. Бартольда: «Ориентировка первых мусульманских мечетей»; его же: «Башия Кабуса, как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры»; проф. В. В. Струве: «Эрмитажная стена Харемхеба»; проф. Н. Д. Флиттнер: «Стекольно-керамические мастерские Тель-Амарны»; проф. В. М. Алексеева: «Экзотика в искусстве» (из непонятых дальневосточных мотивов); «Китайский театр и китайский актер» (оба доклада с иллюстрациями); В. А. Николаевой: «Почитание царских статуй в Египте» и др. Некоторые из этих докладов печатаются в «Ежегоднике Института».

Дальневосточный Университет.

Существовавший до октябрьской революции во Владивостоке Восточный Институт был затем преобразован в Государственный Дальневосточный Университет с Восточным Факультетом в его составе. Согласно полученным сыне, но относящимся к концу 1921 г. весьма неполным данным, преподавание востоковедения ведется в прежнем объеме; так, упоминаются отделения китайское, китайско-маньчжурское, маньчжуро-монгольское, но состав кафедр и программы приспособлены к университетским задачам. Востоковедение находится, повидимому, в руках старых деятелей. Положение университета, в особенности в финансовом отношении, тяжелое; тем не менее им издаются «Ученые записки историко-филологического факультета». Своего органа Восточный Факультет не имеет, и восточная типогрфия не работает, но в особых «бюллетенях» университета печатались в конце 1921 г., между прочим, подробные программы Восточного факультета по отдельным кафедрам, что давно уже вышло из практики Петроградского университета. Наряду с университетом во Владивостоке существуют Политехнический и Педагогический Институты.

В. Котвич.

Институт восточных языков, основанный в 1918 г., преобразован в «Институт для внешних сношений», с двумя отделениями. По языку преподавания институт не украинизован. Преподаются языки арабский, персидский, турецкий и балканские: румынский, новогреческий, болгарский, сербский. Арабский язык читает Кезма, уроженец Назарета. Он же читает теперь турецкий язык. Кезма еще лет десять назад начал читать в университете восточную нумизматику; по заказу украинской академии наук перевел на русский язык путешествие патриарха Макария по рукописи, несколько отличающейся от переведенной Муркосом.

Персидская кафедра в институте считается вакантной; короткое время преподавали Мирза Джафар, Лозиев.

Балканские языки преподают: новогреческий — И. И. Соколов, румынский — Гроссу, болгарский — Дринов, сербский — Стоянович.

Лекции по истории, истории литературы и этнографии читают в институте университетские профессора, в том числе А. Е. Крымский попеременно один год — историю сасанидов, другой год — историю Турции.

А. Е. Крымскому поручена также созданная в Киеве исследовательная кафедра языковедения, с которой соединяется обучение аспирантов; среди них названы два будущих турколога — галичанин Демянчук и ученик Шахматова и Щербы Гапцов.

Киевская университетская библиотека обладает довольно большим числом книг по востоковедению, между прочим, полным комплектом журнала Английского-Азиатского Общества.

В богатой библиотеке (до 1.200.000 томов) украинской академии наук есть отдел Востока, преимущественно состоящий из еврейских книг и рукописей и находящийся в ведении профессора-гебраиста Иваницкого. Мусульманские книги и рукописи систематически передаются в организованный А. Е. Крымским кабинет арабо-иранской филологии. Для этого в большом количестве покупались книги, в том числе книги из библиотеки покойного профессора Гиргаса (скончавшегося, как известно, в Киеве). Рукописей всего несколько десятков, большей частью вывезенных во время войны с турецкого фронта.

Лично А. Е. Крымский в истекшие годы мог спокойно работать. Им закончено много работ, и он выражает надежду, что эти работы не залежатся, «так как теперь открывается возможность напечатать». Сюда относится:

1) начатая в Москве и законченная в Киеве большая работа (несколько сот страниц) о Хамасе Абу Теммама, диване хузейлотов и Kitab-al-Agani, на русском языке;

2) монографии о Ха-физе и Джамии; первые главы монографии о Ха-физе сданы в печать и появятся в украинских академических «записках ист.-фил. отд.»;

3) История Персии XVII в., главным образом по трудам европейских путешественников; рукопись отдана для перевода на русский язык и, может быть, появится по-русски раньше, чем по-украински;

4) История Персии IX—X вв., набрано 8 листов; изложение доведено до бундов; прервано в виду необходимости использовать для истории бундов VI тома истории «Ибн-Мискавейхи», изданной в Англии, пока еще недоступной в Киеве.

Русское востоковедение за границей.

Русский японист, проф. С. Г. Елисеев, принимал участие в организации грандиозной выставки японского искусства, бывшей в Париже прошлой зимой. Как отличный знаток языка Японии и специалист по ее искусству, С. Г. был, вероятно, в высшей степени полезным организатором и каталогизатором выставки, и надо надеяться, что ее каталог, чуть ли не впервые составленный лично, объединяющим в себе знание языка со знанием и пониманием искусства, составит эпоху в японологии. Остается ждать прибытия каталога.

С этой осени С. Г. Е. в Парижском Университете поручен курс «Роман Токугавского периода». Как лектор, он известен Парижу по лекциям в музее Гимэ, где он состоит каталогизатором.

Русский японолог О. В. Плетнер временно читал в Лондонском Институте Восточных Знаний (School of Oriental Studies) курс японской филологии. Журнал, издаваемый при этом Институте, принял к напечатанию его статью по японскому ударению.

Русский японист Н. А. Невский, занимающий сейчас место преподавателя русского языка в институте иностранных языков г. Осака, начиная с 1916 года ведет научную работу по собиранию материалов, касающихся этнографии Японии и по изучению их. Им, между прочим, записаны на севере Японии айские сказки. В своих письмах Н. А. жалуется на то, что ему не хватает аудитории, перед которой в том или ином виде он мог бы изложить результаты своих семилетних непрерывных работ.

Надо заметить, что, в то же время, Петроград, собирающий в себе лучшие востоковедные силы, доселе был совершенно лишен японологов.

Вышеупомянутый японист О. В. Плетнер, находящийся временно в Лондоне, приглашен в Японию для преподавания русского языка и введения в языковедение; оба курса на японском языке.

Китаеведение в Париже.

Из студенческого справочника о Парижской высшей школе (Université de Paris. Livret de l'étudiant. 1921—1922. Bureau des renseignements scientifiques à la Sorbonne) заимствуем данные, иллюстрирующие положение дела изучения Китая в Париже.

Первоклассное значение для китаеведов всего мира имеет (вернее, имел, ибо учебный год 1921—1922 закончился) курс профессора Пеллио «Древние китайские тексты, касающиеся проблемы Хунну и Гуннов». Профессор Пеллио известен своими исключительными по научной точности и научному объему трудами, и его деятельность на созданной в 1911 году кафедре «языков, истории и цивилизаций Средней Азии» привлекает внимание синологов всего света, как явление, не имеющее параллели ни в одной из стран. Тема, трактованная им в прошлом году, особенно в связи с только что появившейся обширной монографией о Хунну-гуннах Берлинского академика Грота, будет, вероятнее всего, обработана им в печатном виде, и, может быть, доступна нам в Петрограде.

Ближайший преемник профессора Шаванна по кафедре, носившей устарелое название «Языков и литератур китайских и татаро-маньчжурских», профессор Масперо, заявивший себя целым рядом научных работ по исследованиям в области истории и лингвистики Китая и Индо-Китаю, в истекшем году читал два курса. Первый из них: «Происхождение даосской религии», касается одной из самых темных, несмотря на обильную китайскую литературу по этой части, проблем даосизма. Принимая во внимание, что работы в этой области европейских синологов вряд ли вышли из сферы любительского начинания, даже в виде переводов Лао-цзы (Дао-цзы), многочисленных, но мелевых, — можно себе представить, что даст пытлиное исследование такого знатока и экспериментатора китайских сборных текстов, как проф. Масперо. Его почти пионерская работа облетит дальнейших исследователей к лучшей трактовке данной темы, и вопрос, наконец, выйдет из любительского-обывательских подходов к китайскому даосскому тексту и его спутанным, то шаблонным, то совершенно экстраординарным традициям.

Второй курс проф. Масперо «Шудзин и Цзо чжуань» (критическое исследование) касается, вероятно, проблем, только что мастерски затронутых, обрисованных и отчасти решенных профессором Пеллио в его сравнительно недавней работе о Шуджине. Соединение двух, казалось бы, столь разных классических традиций, как Шуджин, античная книга доконфуцианского предания и Цзо чжуань, — объяснительный, сопроводительный текст к «Летописи» Конфуция

(Чушью), касающейся всего на всего двухсотлетнего периода, имеет, очевидно, большие внутренние основания, которые точно характеризованы, исходя из одного заглавия курса, быть не могут, но, повидимому, касаются критического исследования проблемы, поставленной еще покойным проф. Шаванном, о происхождении «речей» в повествовательном китайском тексте, предшествующем «историям» типа Шидзи, Сыма Цяня.

Наши гадательные предположения, надо надеяться, точно так же найдут себе разъяснение в печатной обработке университетского курса, который в Коллаж де Франс, как известно, лишен учебного значения, ибо рассчитан не на ученика, а на ученого, и потому, его печатная обработка обыкновенно тесно сопряжена с предварительным наброском лекционного материала.

На Faculté des Lettres Парижского Университета читает лекции по кафедре «Китайской цивилизации» также ученик покойного профессора Шаванна, — Гранэ (Granet), известный своими исследованиями в области древнего китайского фольклора и ритуала. Этот молодой ученый читал в истекшем году публичные лекции под общим заглавием: «Очерк истории китайской цивилизации» и вел занятия со всеми желающими по изучению китайских древних текстов, относящихся к культу предков. Наконец, исключительно учебный характер имели объявленные им «упражнения в переводе и практические занятия».

Исследовательскую область занятий пр. Гранэ представляют его курсы в «Практической Школе Высших Наук», — учреждение, играющее роль чего-то среднего между высоко-академическим отвлечением от программ Коллаж де Франс и программным изучением китайской культуры на гуманитарном факультете. Здесь Гранэ читал в истекшем году курс лекций о «Трауре в древнем Китае» с текстами, сюда относящимися. Таким образом, ученик непосредственно продолжает здесь традицию своего великого предшественника и учителя проф. Шаванна, которому, между прочим, было трудно отвлекаться от академизма, и его лекции в этой Школе Высших Знаний мало чем отличались от его же лекций в Коллаж де Франс.

Новостью для пишущего эти строки (хотя, вполне возможно, несколько запоздалою) является сообщение вышеупомянутого справочника о том, что в парижском университете можно получить законченное восточное образование с дипломом (licencié) в области китаеведения. Это, повидимому, лишь исключение, ибо о других восточных областях, кроме «китайской цивилизации», упоминаний нет. Здесь сказала, надо полагать, энергичная деятельность вышеупомянутых китаеведов, которые

своим преподаванием могут действительно ввести учащегося в миропонимание Китая и в технику научной обработки китайских текстов. Сбывается мечта покойного учителя профессоров: Пэлло, Масперо, Гранэ, — проф. Шаванна, который был неудовлетворен сборной и часто случайной аудиторией Коллаж де Франс и жаждал аудитории, получающей у него систематическое образование университетского типа.

Требования к желающему получить университетский диплом со специальностью китаеведа, помимо общеуниверситетских, еще следующие.

Во-первых, сочинение на тему из китайской истории. Этот выбор общеобразовательной области знания очень характерен для парижских синологов школы Шаванна, основанной на историологии.

Во-вторых, перевод с лингвистическим и историческим комментарием какого-либо места из китайских классиков. Здесь интересно знать, что подразумевается под словом «лингвистический». Если это точное употребление слова и если от учащегося требуется дать отчет о лингвистической картине языка древних текстов, то прогресс китаеведения слишком очевиден, ибо учащийся этим порядком требований окончательно извлекается из словесной путаницы и приобщается к задачам и терминологии современной китаистики. Экскурсы в области лингвистики делал еще покойный проф. Шаванн, и это действовало на аудиторию освежающе.

Лекции же его учеников, проф. Пеллио и Масперо, засвидетельствовавших в своих печатных трудах выдающиеся лингвистические достижения, очевидно, создают уже определенно выраженную школу, и к учащемуся могут быть уже предъявлены считавшиеся еще недавно невысказанными определенные требования.

Следует отметить вполне рациональную постановку испытаний, при которой кандидаты могут пользоваться чисто китайским словарем.

«Livret de l'étudiant», из которого записываются все эти сведения, сообщает о существовании особого Института Китаеведения, не давая, к сожалению, никаких о нем дальнейших сведений. А между тем, нормальная постановка дела изучения китайской культуры на университетской почве возможна лишь при существовании особой, так сказать, филологической лаборатории, состоящей из библиотек, справочных пособий, демонстрационных образцов и препаратов и т. п., чего в то время, когда в Париже учился пишущий эти строки, не было, так что приехавший из Петрограда попадал в более невыгодную для него обстановку, чем у себя на родине, если, конечно, не считать тех курсов, ради которых он приезжал. Молчание справочника об этом

важнейшем предмете является особенно досадным.

Таким образом, перед нами развертывается картина, ясно свидетельствующая о первоклассном состоянии китаеведной науки в Париже, которая теперь вербует своих прозелитов уже не только из заинтересовавшихся Китаем путем путешествий и других специальных возможностей, но и прямым путем университетского образования, наряду с другими филологическими дисциплинами. Прекращается эпоха писателей с мест; миссионеров, изучавших Китай с целью учить его; консулов, изучавших Китай на досуге от деловых занятий, и других любителей, хотя и дававших от времени до времени ценных сведений (Legge, Watters). Начинается эпоха настоящей науки третий уже раз, после миссионеров и профессоров Рemyза и Жюльена, основываемой французами, ибо, несомненно, что Шавана, а за ним Пэлло, Масперо, Гранэ, создают ныне впервые отчетливо понимаемую и отчетливо обязательную науку китаеведной филологии.

Остается еще упомянуть о практическом преподавании китайского языка в живущей второе столетие Национальной Школе Живых Восточных Языков (Ecole Nationale des Langues Orientales Vivantes). Опытный, один из самых опытных когда-либо существовавших, преподаватель китайского языка (из бывших консулов) проф. Виссэ, при помощи своих четко выработанных курсов и учебников, а также при помощи туземца, вероятно, достигают попрежнему прекрасных результатов, вырабатывая при ничтожном количестве недельных часов, в течение трех лет очень серьезных знатоков китайского языка. Недостаточность практического преподавания скрашивает сам проф. Виссэ, вводящий в свои учебники образцы высоко художественной китайской прозы (например, прозу Хань Юя, IX в. по Р. Хр.). Кроме того, наиболее серьезные и любознательные из учеников Школы, вероятно, попрежнему являются основным ядром аудитории чисто академического Коллеж де Франс.

В. Алексеев.

Арабская академия в Дамаске и ее члены.

Одним из интересных признаков прогресса культурной жизни в арабских странах является возникновение арабской академии в Дамаске. Одинаково интересен и самый факт и место его осуществления — и то, и другое по своему значению выходит далеко за пределы специалистов в узком смысле.

Знакомым с жизнью арабских стран до войны было известно, что идея академии не нова. Одним из сильных пропагандистов ее являлся умерший в 1914 году Ж. Зейдан,

редактор известного во всем мусульманском мире журнала «аль-Хияль» (Новолуние), популярный романист и историк. Основной задачей этой академии, по его идее, должно было явиться составление полного словаря арабского языка и свод материалов для истории арабской литературы, если самое составление ее по научным соображениям окажется теперь еще преждевременным и невыполнимым. Правильный подход к решению первой задачи обещал осветить жизненный для всех арабских стран вопрос об отношении современного литературного языка к классическому и разговорному, о возможности поднятия одного из современных диалектов до степени общего для всех литературного, взамен поддерживаемого теперь в этой роли мертвого классического и т. д. Разработка всех этих вопросов, вероятно, помогла бы арабскому языку выйти из того тупика, в котором он находится: боязнь национального разъединения препятствует сознательным умам отказываться от устаревших норм классического языка, хотя он непонятен без долгой школьной выучки. Переход к какому-нибудь разговорному диалекту, как литературному орудию, повлек бы распадение арабских стран на ряд отдельных областей с непонятными друг для друга языками. Теперь же они объединяются единым литературным языком, хотя и одинаково для всех условным. История арабской литературы, являвшаяся, по мысли Зейдана, второй задачей академии, до сих пор не существует, как это ни странно, на арабском языке — европейские ориенталисты в этом отношении опередили арабов. Общую схему с своей точки зрения наметил сам Зейдан в 4-х томной работе, последнем труде его жизни, законченном в 1914 году.

Известие об основании академии в Дамаске, а не в Каире, где за последние десятилетия особенно интенсивно развивалась арабская литература и наука, заставило друзей арабского народа несколько смутиться. Можно было опасаться, что местный провинциальный патриотизм воспользуется большим политическим разъединением, которое создалось теперь между двумя основными очагами современной арабской культуры — Сирией и Египтом, и вызовет едва ли полезное для общего дела соперничество. По счастью, список членов-основателей новой академии показал, что хотя центром ее является Дамаск, по по своей идее она охватывает все арабские страны. Задачи ее в значительной мере шире и несколько более расплывчаты, чем та схема, которую рисовал Зейдан. К сожалению, обо всем этом приходится судить не на основании трудов академии, которая успела уже выпустить несколько томов своих изданий, а по сведениям из вторых и третьих рук, главным образом, в специальных зарубежных журналах.

Почти все крупные центры современной арабской жизни представлены в новой академии. Среди ее членов-учредителей мы находим жителей главнейших сирийских городов—Дамаска, Бейрута, Алеппо, Захле, Иерусалима, Джебель Амуль, из месопотамских—Багдада, из африканских—Каира, Туниса, Алжира, из турецких—Константинополя, где арабская колония всегда играла важную роль не только по своей численности, но и по влиянию. Не менее показателен и личный состав членов, где мы встречаем и христиан, и мусульман, притом разных направлений и толков. Центром академии служит Дамаск, как место пребывания президиума; естественно, что в Дамаске сосредоточено большее в процентном отношении количество членов.

Президентом академии является Мухаммед Курд Али, писатель и публицист, мусульманин, неоднократно путешествовавший по Европе. Он хорошо известен в мусульманском мире и среди ориенталистов газетой и журналом «аль-Муктабас» (Светоч), которая издавалась им одно время на его родине в Дамаске, одно время, в силу денатурных условий, в Каире. Журнал был интересен тем, что уделял большое внимание памятникам арабской литературы, и не малое количество произведений стало известно Европе благодаря Курд Али, который извлек их из рукописей разных собраний. Его деятельным сотрудником в этом направлении был другой член академии Абдуль-Кафир аль-Магриби, потомок одного из сподвижников известного борца за самостоятельность Алжира против французов эмира Абдуль-Кадира, вместе с ним поселившегося после высылки с родины в Дамаске. Багдад имеет интересных представителей и мусульман, и христиан.

Среди первых встречаем одного члена знаменитой семьи Алюси, давшей много ученых, пользующихся популярностью в мусульманских богословских кругах; новый член академии известен как единственный арабский ученый, представивший (в 1889 г.) свое сочинение на премию шведского короля Оскара за лучшую работу по истории и быту доисламских арабов.

Второй член академии — патер Анастас Кармелит, до войны издававший в Багдаде журнал «Лугат-аль-Араб» (Арабский язык), посвященный языку, литературе, быту и истории арабской Месопотамии. Несмотря на то, что журнал существовал только с 1912 года, еще до войны он приобрел почетную известность у европейских ориенталистов за свои ценные материалы и наблюдения. Имя самого о. Анастаса связано с рядом открытий литературных памятников верхне-месопотамской секты Иезидиев и дешифровкой их; не задолго до войны он предпринял издание считавшегося до того утраченным древнейшего арабского словаря VIII века Китаб аз-айн

(книга об айне), названного так по первой букве, с которой словарь начинался. Ему посчастливилось найти в различных библиотеках Месопотамии до пяти рукописей этого единственного в своем роде произведения.

Среди бейрутских деятелей особого упоминания заслуживает незуит Люис Шейхо, профессор университета св. Иосифа, едва ли не крупнейший из современных арабских ученых, давно известный в Европе. Помимо ряда ученых трудов и изданий серии популярных учебников, эта известность основана на журнале «аль-Маширик» (Восток), редактором им бесценно с 1898 года. Шейхо является безусловно первым знатоком такой мало разработанной области, как литература арабских христиан, и в этой сфере у него нет соперников в Европе. В Бейруте мы встречаем и Ф. Тарраза, коллекционера и историка арабской периодической прессы за все время ее существования. В Каире один из членов академии Сарруф—публицист и писатель, долголетний редактор журнала аль-Муктабас (Изборник), оказавшего большие услуги арабскому миру популяризацией выводов европейской науки; второй—Ахмед Тимур, меценат и литератор, владелец одной из самых крупных частных библиотек, благодаря которой спасено много рукописных сокровищ—уников.

В Тунисе мы видим профессора высшей арабской школы аль-Хальдуния Хасана Хусни Абдал Ваххаба, получившего европейское образование, труды которого изданы частью на арабском, частью на французском языке; среди них выделяются работы по истории города Каиравана и арабского владычества в Сицилии. Представитель Алжира Мухаммед Бен Шенеб, один из крупнейших диалектологов и знатоков арабской литературы в Африке, автор и капитальных трудов, и целой серии статей в международной «Энциклопедии Ислама».

Новая академия объединяет таким образом все арабские страны: отсутствие Марокко и Аравии не должно поражать, так как обе области до сих пор, в смысле духовной культуры, не вышли из средневекового состояния и едва ли могли бы указать ученых, стоящих на одном уровне с названными. Всех членов объединяет знакомство с европейскими методами работы, приобретенное или во время прохождения европейской школы или самостоятельным изучением результатов, достигнутых на западе в области востоковедения. Представителей узко-традиционного религиозного направления мы здесь не видим ни среди мусульман, ни среди христиан; не видим и лиц, для которых центром деятельности является политическая, а не обще-культурная работа. Принципы религиозный, который еще так недавно являлся решающим в арабских странах, оттеснен, и всех деятелей объединяет, помимо, принцип национальный. В этом

смысле, если не по возрасту, то по духу, всех их можно считать младо-арабами, стоящими на прочной базе своего прошлого, проработанного европейскими методами. Все они не только люди отвлеченной мысли, но и практического применения ее: профессора, редакторы, журналисты, близко стоящие к жизни и ее нуждам. Можно думать, что это поможет им правильно подойти к своей задаче и найти пути для ее осуществления.

Большой такт и истинно научное понимание сказались в составе лиц, избранных заграничными членами молодой академии. Нужна была не малая доля гражданского мужества, чтобы в Сирии, находящейся фактически под французским управлением, включить в число избранных членов не только французов, но и немцев, англичан и вообще представителей всех народностей, насчитывающих крупных арабистов. Выбор их, по видимому, не всегда определялся абсолютным научным значением, а большей или меньшей близостью к культурной жизни современных арабских стран, но тем не менее здесь нет ни одного имени, которое не сделало бы чести любому востоковедному учреждению Европы.

Едва ли не главный процент пал на итальянцев, благодаря их большой близости к Египетскому университету в Каире. Здесь мы встречаем и читавшего лекции в этом университете ветерана семитических студий в Италии Ign. Guidi, и его сотоварища по этим лекциям, римского профессора C. Nallino, знатока арабской астрономии и математики. Миланский профессор E. Griffini долго жил в южной Аравии, где составил единственное в своем роде собрание арабских рукописей, благодаря которому уцелел и теперь издан старейший арабский юридический *Corpus* первой половины VIII века. Из французов можно отметить тоже читавшего лекции в Египетском университете L. Massignon, видного знатока арабской философии. Среди представителей чистой науки, не имеющих связей с современным востоком, выделяется автор единственной справочной истории арабской литературы немец C. Brockelmann и редактор международной Энциклопедии Ислама голландец M. Th. Houtsma. Англия представлена недавно праздновавшим 60-летний юбилей E. Browne'ом, который известен не столько как арабист, сколько знаток Персии, D. Margoliouth'ом, другом покойного Ж. Зейдана, переводившим его сочинения на английский язык. Америка дала R. Gottheil'а, бывшего одно время директором американского археологического института в Иерусалиме. Испания патера M. Asin'a, едва ли не лучшего знатока арабской средневековой философии, выпустившего к юбилею Данте большой труд о мусульманских источниках «Божественной Комедии».

Нет нужды, конечно, перечислять всех членов новой академии; по приведенным

именам видно, что арабам удалось то, что пока представляется немислимым в Европе после войны: объединить в одном научном учреждении не только все арабские страны, но и арабистов всех европейских стран. В понимании истинной сущности духовной культуры здесь восточный народ смело может быть назван учителем западных; уже в этом одном не малая заслуга арабской академии.

Судить о целях и работах академии за отсутствием в Петрограде ее изданий, конечно, слишком затруднительно. Насколько можно предполагать по содержанию отдельных выпусков, круг ее ведения захватывает всю область гуманитарных наук, не ограничиваясь только литературой и языком, при чем значительное внимание уделяется и вопросам искусства. Последнее очень показательно, так как до войны проблемки интереса к этой области замечались только в Египте или даже, вернее, в Каире.

Два начинания академии тоже представляют новосты для Сирии: одно из них — основание арабского музея, пример чего известен в Каирском Музее, основанном трудами Franz паша и Herz бей, которым и принадлежит ряд работ по материалам этого музея, равно как его каталоги, хорошо и по заслугам оцененные в Европе. Второе начинание, можно сказать, не имеет прецедентов: это основание библиотеки, посвященной специально ново-арабской литературе. До сих пор как на востоке, так и в Европе, интерес направлялся преимущественно в сторону классического периода; новая литература, насчитывающая около ста лет своего существования, настолько молода, что не признавалась предметом, заслуживающим серьезного внимания. Даже таких подготовительных мер, как собрание печатных произведений за XIX век, нигде не предпринималось в широком масштабе. Кое-что делала в этом направлении б. Хедивская библиотека в Каире и библиотека университета св. Иосифа в Бейруте, однако попытки носили случайный и не планомерный характер. Если академии удастся организовать эту библиотеку на правильной основе, то она явится единственным местом, где можно будет серьезно изучать ново-арабскую литературу, и уже это одно обеспечит ей постоянную благодарность всех интересующихся арабским востоком.

Однаково знаменательны для современного востока и самый факт основания арабской академии, и состав ее членов, и ее первые начинания. Вероятно, не менее интересны будут ее первые шаги, и придется только с грустью пожалеть, что Россия и русские ученые все еще не могут непосредственно познакомиться с деятельностью своих собратий в арабских странах.

И. Крачковский.

БИБЛИОГРАФИЯ

«КЛАССИКИ ВОСТОКА»

«Les Classiques de l'Orient» collection publiée sous le patronage de l'Association Française des Amis de l'Orient et la direction de *Victor Goloubew*. Editions: Bossard, Paris.

В 1920 г. началось в Париже чрезвычайно интересное издание — «Классики Востока», — преследующее, повидимому, те же цели, что и восточный отдел нашей «Всемирной Литературы»: познакомить широкие круги читателей с лучшими, «классическими» произведениями литератур разных народов Востока в образцовых переводах специалистов, переводах, удовлетворяющих филологическим требованиям, с одной стороны, и художественным — с другой. Таким образом, независимо друг от друга в двух наиболее сильных в настоящее время очагах востоковедения: — в Париже и Петербурге, — начинается это трудное и, быть может, неблагодарное дело ознакомления читателя, не обладающего специальной подготовкой, не вовлеченного в круг определенных ассоциаций, с произведениями народов, так далеко отстоящих от Европы.

Нет ничего удивительного в том, что серия «Классики Востока» по плану издания напоминают восточный отдел «Всемирной Литературы». «Классики Востока» также выходят отдельными книжками, посвященными или одному произведению, или группе литературных памятников, почему-либо тесно объединенных; также снабжены они вводными статьями, примечаниями и указателями. К работе для «Классиков Востока» привлечены лучшие ориенталисты Франции; общим же редактором является *Виктор Голубев*, русский по происхождению, известный знаток восточного искусства, давно уже занимающийся в Париже.

Книжки «Классиков Востока» снабжены, кроме того, иллюстрациями: это отличает их от изданий «Всемирной Литературы». Оставляя совершенно в стороне вопрос о художественности этих иллюстраций, нельзя не признать, что они, до известной степени, не адекватны тексту, а следовательно и не отвечают целям серии. Дело в том, что иллюстрации «Классиков Востока» являются не воспроизведениями творений восточных художников, а произведений европейских, нарисованных специально для настоящей серии художниками: *Андре Карпелес*, *Виктором Голубевым*, *Г. Турман*, *Жан Бюо*.

Появилось уже несколько книжек этой серии, во всяком случае, первые пять достигли Петербурга; все они изданы очень изящно; цена за томик колеблется между 18 и 28-ю франками.

Начинаются «Классики Востока» следующей книгой:

La légende de Nala et Damayanti — traduite, avec introduction, notes et vocabulaire par *Sylvain Lévi*; bois dessinés et gravés par *Andrée Karpeles*, 1920 (151 стр.).

Книжка эта не дает ничего нового, и это немного разочаровывает. Действительно, история *Наля* и *Дамаянти* хорошо известна по многим переводам на разных европейских языках и, может быть, является наиболее популярным в Европе образом индийской литературы. Главный интерес рассматриваемой книжки заключается в том, что перевод санскритского текста сделан таким выдающимся, блестящим и многосторонним ученым — инданистом, каким является профессор Французской Коллегии — *Сильвэн Леви*. Но и в данном случае приходится несколько разочароваться: из «Введения» мы узнаем, что перед нами старый перевод молодого, начинающего *С. Леви*, написанный 30 лет тому назад и появившийся без всяких изменений. Новыми оказываются лишь «Введение» и объяснения санскритских слов и собственных имен, встречающихся в тексте *Наля* и *Дамаянти*, расположенных в алфавитном порядке.

Все это, однако, не лишает рассматриваемую книжку определенного интереса, «Введение» *С. Леви* хорошо обрисовывает нам особенности индийской поэзии, дает достаточные сведения, не обременяя и не утомляя большими подробностями, о происхождении и литературной истории *Налл* и *Дамаянти* и очень искусно настраивает читателя. А последнее, повидимому, далеко не оказывается излишним. Без особого настроения, каким обладает воодушевленный специалист-востоковед благодаря своим знаниям и любви к предмету, чарующее сказание о любви двух индийских супругов может показаться иногда скучноватым и вялым.

Имя *С. Леви*, конечно, говорит за то, что перевод, сделанный им хотя и в молодые годы, превосходит во всех отношениях.

Вторая книжка «Классиков Востока»:

La marche à la Lumière—Bodhicaryāvatara, poème sanscrit de Cāntideva traduit avec introduction par Louis Finot, professeur au Collège de France, bois dessinés et gravés par H. Tirman, 1920 (167 p.).

Настоящая книжка тоже не является совершенной новинкой. Знаменитая поэма вдохновенного буддиста *Шантидева* была раньше уже переведена на французский же язык бельгийским ученым, *де-ла-Валле-Пуассен* и, — сокращенно, — на английский *Д. Д. Барнеттом*.

Перевод *де-ла-Валле-Пуассен* рассчитан исключительно на ученого и подготовленного читателя, да и печатался в специальном журнале, мало доступном для широкого круга читателей. Поэтому нельзя не приветствовать появление нового перевода такого тонкого знатока Востока, каким является проф. *Фино*, стремящегося сделать поэму *Шантидева*, несмотря на все ее особенности, доступной для всякого образованного человека. К тому же перевод *Фино* точнее и совершеннее перевода бельгийского ученого.

В своем «Введении» проф. *Фино* очень удачно определяет характер произведения буддийского поэта, сообщает то немногое и, к сожалению, легендарное, что известно об авторе, — *Шантидева* и выясняет нам его значение.

«Бодичарьяватара» — «Введение на путь Просветленья» — произведение совершенно необычное: с одной стороны, это ученый трактат индийского мыслителя VII века, утонченного знатока тогдашней схоластики, с другой — творение поэта, вдохновенно мечтающего о совершенной личности, о «бодисатве», пламенно отдающего себя на служение человечеству. И обе эти стороны гармонично слиты и выявлены в звучных санскритских стихах.

Заключительные примечания проф. *Фино*, а также выставляемые им заголовки отдельных абзацев поэмы-трактата, чрезвычайно облегчают пользование книгой.

Прибавим от себя, что поэма *Шантидева* была переведена на тибетский и монгольский языки и пользуется в центральной Азии необычайным почетом. Хорошо она известна и более близким нам бурятам и калмыкам. Всякий более или менее образованный буддийский монах прекрасно знает это произведение, знает литературу о нем и, кроме того, часто может произнести всю поэму наизусть: книга *Шантидева* — отличный ключ к познанию буддизма.

Третья книга «Классиков Востока» переносит нас в Тибет:

Représentations théâtrales dans les monastères du Tibet—Trois mystères tibétains—Tchhrimekundan-Djroazanmo-Nansal—traduits avec introduction, notes et index par Jacques Bacot, bois gravés d'après les dessins de V. Goloubew, 1921 (299 стр.).

Тибет все еще остается одной из самых мало изведанных стран в мире. Разумеется, очень плохо известна в Европе и тибетская литература, хотя бы потому, что чрезвычайно мало знатоков тибетского языка. Молодой французский ученый *Жак Бако* является одним из этих немногих, соединяя, кроме того, в себе еще и индийца, кем должен быть, действительно, всякий, отдающийся изучению Тибета, так как эта страна насыщена индийской культурой. *Жак Бако* имеет, кроме того, еще одно преимущество: он знает Тибет лично, был там, видел этот оригинальный народ и написал увлекательную книжку о своем путешествии.

Поэтому попытка французского ученого показать европейскому обществу образцы тибетской литературы: «Три тибетские мистерии-драмы» будет приветствоваться всеми интересующимися Востоком или имеющим к нему какое-либо отношение.

В своем кратком «Предисловии» *Жак Бако* очень просто и интересно рассказывает нам то немногое, что известно о тибетском театре, о тибетских мистериях-драмах и, что особенно ценно, делится, вкратце, своими личными впечатлениями от виденных им тибетских театральных представлений.

Мы узнаем, что репертуар тибетского театра носит характер религиозного и легендарного. Представления совершаются при буддийских монастырях; при чем наивная простота сценической постановки не мешает часто большой художественности исполнения. Узнаем мы также, что тибетская драма-мистерия заключается не в одних только диалогах. Она состоит из «рассказа», передаваемого особым лицом, диалогов, пения, танцев, мимических сцен, играет роль и хор.

Далее *Жан Бак* переходит к самому тексту тибетских драм, переходит, значит, к тибетской драматической литературе. Тут его сведения, как и вообще ученого мира Европы, оказываются совершенно недостаточными. *Жак Бак*, в конце-концов, может констатировать только наличие нескольких текстов, рукописных и печатных, составленных так, что легко могут быть использованы в качестве либретто для театрального представления. Тибетанист, находящийся в лучших условиях в отношении тибетского материала, напр., в Петербурге, может указать большее количество подобных произведений. Таким образом, —узнаем мы,—настоящей драматической литературы в Тибете нет, во всяком случае, она не известна европейцам. Существуют только определенные произведения, написанные смешанно, стихами и прозой, которые легко используются для нужд театрального представления. Плохо знаем мы и время написания этих квази-драматических произведений, и *Жак Бак* поступает очень осторожно, не давая более точных определений.

К сведениям, сообщаемым *Жаком Бак*ом, я позволю себе прибавить, что у нас имеются данные, подтверждающие существование в Тибете настоящей, по форме, драматической литературы. Так, в Азиатском Музее Российской Академии Наук хранится монгольская рукопись, содержащая текст, несомненно переведенный с тибетского, одной мистерии, совершенно не знающей повествовательного элемента и являющейся настоящей драмой; на тибетском же языке имеются переведенные с санскритского буддийские драмы.

Далее в книге *Жака Бако* дается перевод трех произведений вышеописанного характера, при чем каждому предпосылается особое «Введение», описывающее и объясняющее с литературной точки зрения следующий затем текст. В этих «Введениях» *Жак Бак* почему-то, вероятно, ради удобства фолклористов, пересказывает содержание текста произведения, перевод которых он затем дает ниже. Пожалуй, подобный прием приветствовать невозможно, хотя нельзя отрицать, в известных случаях, некоторого его значения.

Первое произведение, даваемое в переводе *Жаком Бак*ом: «*Джримекундан*» — «Незапятнанный» — представляет собою особую версию сказания об одном из прошлых перерождений Будды, когда он жил в образе несчастного дровяча, дошедшего до последнего предела самоотречения. Трогательная история этого дровяча в разных версиях известна на всех буддийских языках Азии, живых и мертвых, и до сих пор чарует многих и многих. Для европейца же, как бы он ни старался вызвать в себе аналогичные переживания, сказание это представляет много такого, что является для него неприемлемым и даже непонятным, напр., эпизод, когда дровяч, не желая отказать нищему, отдает ему своих детей. Хорошо, что этот нищий не настоящий, а гений, явившийся искушить милосердного бодисатву.

Можно прибавить, что «*Джримекундан*» был переведен на монгольский и калмыцкий языки.

Перевод второго произведения: «*Джроазанмо*» — «Добрая для живых существ» вводит нас в область волшебной сказки, довольно далекой от религиозной мистерии. *Жак Бак* указывает совершенно верно, что сюжет «*Джроазанмо*» заимствован из индийской сказочной литературы.

Позволю себе думать, что можно совершенно точно определить происхождение сюжета рассматриваемого произведения. Несмотря на несколько наносных мотивов, тоже заимствованных из хорошо известных индийских сказок, основной сюжет «*Джроазанмо*» восходит к распространенному индийскому сказанию о злой мачехе и преследуемых ею братьях или брате и сестре. Сюжет этот, с небольшими изменениями, встречается почти во всех сборниках индийских сказок, собранных в самых разнообразных местах: в Пенджабе и на Цейлоне, в Бенгалии и в Декане. Известна эта сказка и в санскритской литературе, напр. в «*Ката-сарит-сagara*»: второй рассказ XIII главы: «История царя *Паритьягасена*, его злой жены и его двух сыновей». Этот же сюжет мы находим в нескольких редакциях и в тибетской версии буддийского канона, в Ганджуре: «Сказание о царевиче *Артасидди*». Известны и монгольские и калмыцкие близкие версии.

Жак Бак совершенно прав, когда говорит, что «*Джроазанмо*» является пересказом очень и очень древнего сказания.

Третье и последнее произведение, которое дает нам рассматриваемая книжка: «*Нансал*» — «Блестящая», — вызывает особый интерес, потому что развертывает перед

нами картину действительной тибетской жизни. Определяя это сказание, *Жак Бако* говорит: «Это картины тибетских нравов и философская драма. Тут нет ничего чудесного. Но это также изображение характеров, где все нормально и соразмерно».

Нансал — девушка из знатной семьи, склонна к мистицизму и жаждет духовной жизни. Ей приходится выйти замуж, но она покидает своего мужа, встретив плохое к себе отношение со стороны его родственников. Но и вернувшись к себе домой, она не находит себе покоя, несмотря на роскошь и удобства, которые ее окружают. Ее влечет к иной жизни. И вот она бежит в монастырь, а затем удаляется в пустыню. Ее мать находит свою дочь, погруженную в созерцание. *Нансал* тронута горем матери, но мать не хочет понять стремлений *Нансал*. — Вот, вкратце содержание этой драмы-сказания. Замечательно, что лама — буддийский монах, наставляя *Нансал*, говорит ей, что ее обязанность не мистический порыв, а скромный и часто трудный путь жены-хозяйки.

В кратком «Послесловии» *Жак Бако* замечает: «Перед этими тибетцами, собравшимися издали, актеры представляют не жизнь, а идеал жизни. Их тема — непостоянство вещей. Их театр — кочевой стап, который сам исчезает, как только представление окончено».

Четвертый томик «Классиков Востока» посвящен Китаю:

Contes et légendes du bouddhisme chinois — traduits du chinois par *Edouard Chavannes*, membre de l'Institut, professeur au Collège de France, préface et vocabulaire de *Sylvain Lévi*, professeur au Collège de France, bois dessinés et gravés par *Andrée Karpelès*, 1921 (220 стр.).

Настоящая книжка, опять-таки, не содержит ничего нового: это выборки из двух работ недавно скончавшегося знаменитого французского синолога *Эдуарда Шаванна*, главным образом, из его трехтомного труда «Пятьсот сказок и правоучительных басен, выбранных из китайского буддийского канона и переведенных на французский». Новым является лишь краткое «Предисловие» *С. Леви* и его примечания.

Как ни интересны индийские сказки, попавшие в китайский буддийский канон, все-таки трудно причислить их к «Классикам» китайской литературы. Китай, таким образом, остается пока не представленным в рассматриваемой серии.

О настоящей же книжке много сказать не придется. «Предисловие» *С. Леви* удачно показывает нам значение индийских сказок, пришедших в Китай, примечания позволяют слегка ориентироваться в сказочном мире. Перевод *Шаванна*, конечно, — замечательное произведение. Но зато самые сказки вряд ли увлекут читателя. Это бледные тени своих красочных и живых индийских образов. В большом труде *Шаванна* можно было бы найти более интересные рассказы, но они, вероятно, не подошли для настоящего издания по своему размеру.

Но, разумеется, и настоящая книжка — полезное и хорошее дело; она позволяет тем, кому недоступен большой труд *Шаванна*, познакомиться с новой и любопытной областью мировой литературы.

Пятая книжка «Классиков Востока»:

Cinq Nô — drames lyriques japonais — traduits avec préface, notices et notes par *Noël Peri*, membre de l'École française d'Extrême-Orient, bois dessinés et gravés par *Jean Buhot*, 1921 (259 стр.).

Кроме перевода пяти «но» — японских лирических драм, сделанных вполне компетентным французским ориенталистом *Нозем Пери*, рассматриваемая книжка содержит обширное (77 стр.) «Введение», которое довольно сильно отличается от типа «введений» и «предисловий» других выпусков «Классиков Востока», а также, — прибавим, — от вводных статей изданий восточного отдела «Всемирной Литературы».

Н. Пери в своем «Введении» дает целое исследование о японских «но», исследование, очень близко приближающееся к чисто научному, специальному. В особенности подробно останавливается он на сценической стороне «но», исследует термины, обращается к литературной стороне японской лирической драмы, отмечает особенности композиции, стиля и языка. Сведения эти — все очень интересно и изложены хорошо, хотя нельзя не признать, что незнакомому с японским языком довольно утомительно пробегать десятки страниц, испещренных японскими терминами.

Переводу каждой из пяти «но» предпосланы еще особые замечания, разъясняющие последующий текст лирической драмы.

Что касается самих драм, то, очевидно, надо родиться японцем или долго прожить в атмосфере их культуры для того, чтобы воспринять со всей полнотой эти произведения. В них много своеобразной прелести, они обнаруживают тонкие переживания

художника, но вместе с тем, может быть, благодаря особым условиям, в которых они жили и развивались, японские «но», наверно, покажутся в чтении скучными для европейского читателя, и это чувство уныния не могут развлечь отдельные интересные моменты, отдельные сценки.

Научное же значение для сравнительного изучения истории театра и драматической литературы японских «но» велико и это очень хорошо отмечено в статье *П. Перу*.

Как французские «Классики Востока», так и восточный отдел «Всемирной Литературы», успели выпустить по пяти книжек, и теперь уже можно судить, до какой степени этим изданиям удалось или удастся выполнить свою задачу. Сумели ли они показать Восток, приблизить его, не искажая, к пониманию европейцев? Прав ли *Киплинг* с его утверждением: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут», или наш исследователь буддизма: «Многие говорили, что Запад и Восток никогда не поймут друг друга. Но ведь грани уже исчезают: где Запад, где Восток?».

Б. Владимирцов.

Историческая поэтика и стансы Сыкун-Ту.

В. М. Алексеев. «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту» (837—908). Петроград, 1916.

Историческая поэтика, оперирующая на данных сравнительной литературы, уже давно пользуется у нас любовью ученых. Еще со 2-ой половины XIX в. столь крупные работники, как А. Н. Пыпин и автор «Соломона и Китовраса» А. И. Веселовский, вступили в эту область науки и обогатили ее серьезными трудами, частью идя по стопам Бенфея, а частью и независимо от него. За этими двумя учеными много и других авторов, как университетских преподавателей, так и вольных, продолжали обрабатывать ниву, вспаханную ими. Достаточно припомнить И. Н. Жданова, И. П. Сазановича, Ф. Д. Батюшкова, Е. К. Анчкова и длинный ряд других. Но при всей его начитанности, А. Н. Веселовскому были мало знакомы литературы Востока. Он знал «санскрит», знал «Махабхарату» и «Рамаяну», но словесное творчество мусульманского Востока, литература арабов и персов, а также изящная словесность Китая — остались ему сравнительно далеки. Однако, бесспорно, что арабы и персы дадут и уже дали свои вклады в общую сокровищницу исторической поэтики. У нас уже есть отличная работа, написанная И. Ю. Крачковским, существенно обогащающая нашу дисциплину. Впрочем, с литературами арабской и персидской, ученые, которые продолжают и сейчас работу творца «Исторической поэтики», хотя отчасти, но знакомы, то в подлиннике, то в переводах, русских или иноязычных. Другую картину видим мы в той области поэтики, которая касается Китая.

Не впадая в крайность, можно сказать, что представители нашей науки, которые, может быть, мечтают продолжать работу,

начатую А. Н. Веселовским, почти вовсе не знают китайской изящной словесности — все равно, прозаической или стихотворной — ибо с подлинником справиться не могут, а число переводов с китайского на общедоступные языки крайне ограничено и, по видимому, в общем, неудовлетворительно. Потому с большой радостью можно читать труд *В. М. Алексеева*. Китаистам судить о результатах работы *В. М. Алексеева* в области их науки; мы же попробуем разбраться в ней лишь постольку, поскольку она интересна и для исторической поэтики. Перед нами обширный, отлично отпечатанный труд, в котором 3 части:

Первая заключает историко-литературный опыт, в котором автор знакомит читателя с жизнью и трудами Сыкун Ту и подробно разбирает его поэму или стансы.

Вторая включает перевод поэмы, обстоятельно комментированный, выдержки из подражателей Сыкун-Ту и, наконец, детальный указатель имен и предметов.

Третья часть, доступная только китаисту, дает подлинник текста поэмы, равно как и тексты отрывков, переведенных или продитированных автором раньше.

Не касаясь вовсе третьей части работы, обратимся к *первой* и *второй*. В них чрезвычайно много любопытных данных не только для китаиста или, вообще, филолога, но и для того, кто привык размышлять над судьбами людей, над литературой. Когда читаешь книгу нашего филолога, написанную простым и легким языком, когда, может быть, впервые проникаешь в таинственный Китай, неоднократно переживаешь то самое чувство, которое хорошо знакомо каждому, кто начинает сближаться с Востоком. И там люди, подобные нам, с такими же мечтами, страстями и думами. И там открывается далекое царство духа, и герои его мудры не меньше, если не больше, нас, которые столь кичимся своей культурой: больше,

пожалуй, потому что начали жить раньше нас и иногда глубже нашего. И современный любитель стихотворства, начитанный в поэтах, поклонник их искусства, порою удивляется богатству, тонкости и изяществу духовной жизни Сыкун Ту. Из его стансов смотрит на нас достопочитенная древность, и не ребяческая, не элементарная, не полудикая, а полная мощи и красоты. Кто же был Сыкун Ту, автор стансов или поэмы, предмет которой творчество поэта? В. М. Алексеев рисует нам симпатичный образ автора, который жил в IX—X вв. по Р. Хр., в эпоху мятежей и распада Китая, во времена гибели одного из царствовавших китайских домов. Обладатель тонкой души, знаток литературы, Сыкун Ту привлекает нас личным благородством. Перед ним была открыта блестящая карьера, он мог бы достигнуть высоких должностей, но всему предпочел независимость и свободу. Он рано удалился в свою усадьбу и жил в ней, отдавая свое время литературному творчеству, друзьям, уединенным прогулкам и думам о смерти. Он любил водить гостей на свою могилу, приготовленную еще при жизни. Там они оставались подолгу, сочиняли стихи, пили вино, рассказывали взд и вперед. Сыкун Ту, подобно многим другим тонким и деликатным натурам, не принимал людской жизни, со всею жестокостью, шумом, славой и кровью, которые свойственны ей. Его влекли глубины духа, он стремился жить внутренней жизнью, стремился культивировать истинную свободу. Конечно, и у него же обходилось без странностей, у него шла рука об руку мистика буддизма, сухая, практическая этика Кун Цю, и любовь к благочестивым обрядам, но преобладающим элементом духовной жизни Сыкун Ту был знаменитый у китайцев *даосизм*.

Мы уже знаем, что, и уйдя от шума жизни, освободив себя от активной роли среди современников, Сыкун Ту не отказался от литературы, любовь к которой принадлежала к основным элементам его существа. Даже сидя с гостями у своей могилы, Сыкун Ту декламировал стихи. В. М. Алексеев отводит не мало интересных страниц на характеристику Сыкун Ту, как поэта. И опять, на этих страницах многому научается читатель европейец. Сыкун Ту обладал истинным поэтическим талантом; в стихах своих затрагивал чувства, отклик которыми находим у себя и мы, ибо выражал он их языком, понятным для каждого. В своих стихах он то рисует чувство изгнанника, то восторгается новою жизнью, освобожденною в *Дао*, то живописует красу природы, то прославляет вино или музыку.

Образы лирики Сыкун Ту, приводимые В. М. Алексеевым, читаются с большим интересом, почти всегда прелестны; но и для китайцев и для европейских читателей слава Сыкун Ту основывается не на них. У китай-

ских историков литературы и критиков Сыкун Ту популярен — по преимуществу — как автор поэмы и стансов, изображающих творчество поэта, стансов, к которым мы сейчас и обратимся.

Относимая китайскими историками литературы в группу «критики поэтов и прозаиков» поэма Сыкун Ту распадается на 24 станса, из которых каждый обладает своим заголовком и состоит из стихов по четыре слова в каждом. Стихи сочетаются попарно в строфы; строфы иногда сплетаются одна с другою. Стихи рифмованные. Желая дать европейскому читателю наиболее адекватную картину поэмы, В. М. Алексеев, предварительно перевода каждого станса, высказывает его основную мысль. Потом дается перевод дословный, за которым идет перевод точный, приспособленный для европейского вкуса, и, наконец, станс комментируется уже только для китайцев.

Рассматриваемая, в общем, китайская поэма не может быть названа поэтикой, если давать этому слову смысл, который обыкновенно ему приписывается. Китайскую поэму нельзя сравнивать с Аристотелем, Видюю, Буало или каким-либо из ученых литераторов, писавших о сущности творчества изящным словом. Сыкун Ту не историк литературы, не эстетик вообще, он ничего не говорит о поэтических жанрах, он не касается всего того, что принято называть стилистикой. Новичок не научится у него искусству писать стихи, не узнает, что такое проза и т. п. — словом, Сыкун Ту очень далек от всего того, что находилось в поэтиках древности или ренессанса.

Мимоходом, не углубляясь, Сыкун Ту говорит и об этих предметах; однако, главная тема его стансов иная. Перед нами вовсе не поэтика, а картина того, что такое высокое словесное творчество, руководимое и вдохновляемое принципом *Дао*. Перед нами не просто поэт, а *Дао*-поэт. В своих стансах, ведущих читателя к высокому, особо-тонкому стихотворству, Сыкун Ту частью оригинален, частью воспроизводит мысли и взгляды предыдущих поэтов того же толка. Трудно в немногих словах изложить эту своеобразную поэтику. Рекомендуем читателю, желающему знать подробности, самому открыть книгу В. М. Алексеева. Мы же, с своей стороны, принуждены ограничиться двумя-тремя штрихами. Итак, тема стансов Сыкун Ту, — сказать лучше, большей части из них — *Дао*-поэт. Как же изображает наш писатель и поэта, и его работу, поскольку они вдохновляются *Дао*? Приведем пять-шесть выдержек из поэмы. Поэт - *Дао* переносит себя в абсолютный центр. Душа такого поэта опрошена до элементарности. Она проникнута неуловимостью великого механизма. Поэту - *Дао* доступна высоко-настроенная древность.

Поэт-*Дао* стоит над людьми. Его душа одинока. В ней живет древнее, исключительное, особенное, изначальное. Поэт-*Дао*—прост и сосредоточен. Его душа проходит через внутреннюю плавку. Через нее поэма проникает в лучшие небеса с их блеском—предмет дум и грез поэта. Она сливается с красою природы, в ней живет, через нее обновляется. Его душа обладает необычайной мощью. Творчество, руководимое *Дао*, непостижимо. Оно свободно и вольно. *Дао* не выражается первым попавшимся словом, а часто и вовсе недоступно нашему языку. Но вообще истинно поэтическое творчество—просто и безыскусственно. Оно таинственно, прекрасно, оно па зов людей не отталкивается. Искусственно стать поэтом-*Дао* невозможно и т. д.

Эти взгляды Сыкун Ту для нас не новость; мы знакомы с ними, но по европейским поэтам. Мысли этого рода мы найдем и у трубадуров, и у Данте, и у многих романтиков; найдем у Тютчева, Пушкина и др. Этим именно, а вовсе не несущественным и отдаленным сходством с Аристотелем или Буало, как думает В. М. Алексеев, заслужил Сыкун Ту право на почетный ранг среди теоретиков литературы. Быть может, мы ошибаемся, но подобной поэмы в защиту творчества высоким словом мы и в самых крупных европейских литературах не найдем. Факт особо поразительный, потому что стансы Сыкуна Ту написаны в IX или X в.в., когда Запад Европы подчинился довольно мрачному варварству, а Восток едва-едва выходил на всемирное историческое поприще. Поэма Сыкуна Ту открывает совершенно новую область европейскому ученому, и, конечно, должна утвердиться на страницах общих обзоров поэтики и эстетики. Переводы стансы Сыкуна Ту, В. М. Алексеев оказал существенную услугу друзьям исторической поэтики и обогатил русскую литературу щедрым даром. Но работа В. М. Алексеева интересна еще вот почему. Любопытная своей основной темой, она привлекает читателя-филолога и многими подробностями. Не только обогащается та глава исторической поэтики, которая посвящена поэту и поэтическому творчеству, но работа В. М. Алексеева дает нам много новых фактов и в области поэтического стиля, в частности, в области эпитета. Много пользы извлечет из книги В. М. Алексеева и тот ученый, который займется «чувством природы», судьбы и пессимизма, кто захочет проникнуть в сокровенные, уголки творчества поэтов, прославлявших вино, дружбу и музыку. Мотивы Анакреона, Тибулла или Катюлла, мотивы *Dogat* и других звучат у Сыкуна Ту и у иных китайских поэтов той отдаленной поры. Для всего этого В. М. Алексеев собрал множество данных, и мелких, и крупных. Если мы хотим, чтобы историческая поэтика,

печатаемая у нас А. Н. Веселовским, у нас же была доведена до конца, мы должны желать, чтобы число книг, подобных труду В. М. Алексеева, умножалось.

Д. П.

Низами. «Семь красавиц». Рассказ индийской царевны. Перевод А. Е. Грузинского. Издание М. и С. Сабашниковых, Москва—1922.

Клады персидской поэзии поистине неисчерпаем, и количество сокрытых в нем драгоценных жемчужин неисчислимо. До настоящего времени филологией разработана сравнительно лишь ничтожнейшая часть этого библия, переведено на европейские языки и того меньше. Поэтому, для рядового читателя, быть может, даже хорошо знакомого с западно-европейской литературой, персидская литература до сих пор остается совершенно неизвестной, многие весьма образованные люди даже не подозревают, вообще, о ее существовании. Все эти обстоятельства делают чрезвычайно желательным для каждого ираниста-филолога умножение числа переводов памятников персидской литературы на европейские языки. По отношению к разбираемой здесь книге нам, прежде всего, кажется, что термин перевод к ней даже не особенно хорошо приложим, ибо трудно назвать переводом работу, которая из каждой строчки оригинала удерживает едва ли два-три слова, дополняя остальное своим воображением и притом почти всегда довольно неудачно. Низами один из величайших поэтов старой Персии, тончайший, изыскнейший художник в изысканных образах, полунамехах открывающий самые сокровенные побуждения человеческой души. Задача передать его звонкие строки, где каждое слов ценно, каждое выражение обдумано, русскими стихами—задача очень трудная, она требует соединения в исполнителе ее двух качеств: умения владеть русским стихом и превосходного знания персидской поэзии. В авторе настоящего перевода мы, к сожалению, не усматриваем ни того, ни другого. Русский стих его тяжел, рифмы бедны и банальны; что же касается передачи оригинала, то она крайне неудовлетворительна в смысле точности. Приведем несколько примеров: сразу в первой же строчке переводчик говорит: «Поклонник красоты Бехрам Гур был»,—в оригинале слово «нишат»,—обозначающее не красоту, а радость жизни, веселое времяпровождение, сложное существительное «нишат перест»—значит любитель веселой жизни, бонвиван. Далее, во втором полустишии: «его портрет красавицы пленил»,—в оригинале не красавицы, а семи красавиц, что совершенно меняет дело. Строчка: «Шах просил у этой кашмирской весны аромата, подобного ночному ветерку» пере-

дана словами: «Бехрам просил прелестное создание, чтобы ее нежнейшее дыхание и т. д.». Отывающее плохим романсом выражение «прелестное создание» едва ли можно признать подходящим эквивалентом для замены слов «кашмирская весна». Далее на стр. 8 находим такие строчки:

«Я помню с детства я в семье своей
Видала гостью; было что-то в ней
Загадкой мне: дышал приветом
взор,

Но — черный с головы до ног убор».

В оригинале читаем следующее:

«Слышала я в детстве от родственников, людей малого дела, но скорой мысли, что из знатных матрон Райского замка была одна отшельница высокого происхождения. Она приходила каждый месяц в наш дом, и все ее одежды были из черного шелка». Таким образом на четыре строчки полторы приходится на долю фантазии переводчика, оставленные две с половиной представляют собой весьма неполную передачу оригинала. Нужно ли говорить, что фраза «дышал приветом взор» с точки зрения персидского поэта является полнейшей бессмыслицей, противоречащей всем персидским вкусам и воззрениям. Если бы мы захотели привести все подобные неточности, пришлось бы переписать всю книгу от первой до последней строчки. Поэтому, ограничимся еще немногими примерами: в переводе Шах подводит рабыню к окну, ласково взяв ее за руку; в оригинале она сидит у шахского ложа, прижав к груди ноги властелина, что гораздо понятнее, если исходить из персидских обычаев. На стр. 17:

«Тут свежей амброй вчер, вместо зноя,
Дохнул, и город весь затих в покое».

Оригинал: «Когда ночь рассыпала амбру на камфору, люди удалились с людских путей».

Автор пользуется амброй для передачи ночной темноты: амбра — ночь, камфора — день, у переводчика этот оттенок пропал совершенно. На стр. 23:

«Струился красный блеск по тем горам»; в оригинале эти горы названы изумрудными, что, как известно всякому, обозначает зеленый, а не красный цвет. Имя Савской дарицы по персидски Билкис, а не Балкис, как на 27 стр. Царевна на стр. 30 называет себя Назнин Турктаз. Назнин отнюдь не собственное имя; в оригинале это слово стоит в сочетании, обозначающем: Я турчанка, обладающая нежным телом» и т. д. и т. д.

В общем вывод очень печальный. Книга является не переводом, а очень и очень вольным пересказом отрывков из поэмы Низами, сделанным весьма плохими стихами. Как перевод, она критики не выдерживает, либо не передает и сотой доли красот оригина-

нала; как самостоятельное поэтическое произведение стоит на чрезвычайно низком уровне по качеству стихов. Либо, не знакомое с творчеством Низами, в результате чтения этой книги получит самое превратное представление и будет полагать, что поэма великого поэта кишит банальными образами, которые на самом деле все приходится относить на счет переводчика. Знакомая с персидской литературой по таким переводам, читатель может только охладеть к ней, а уж никак не заинтересоваться, и с этой точки зрения появление подобной книги приходится признать безусловно вредным.

Е. Ф.

Рабиндранат Тагор. Жертвоприношение. Отшельник. Перевод С. А. Адрианова под редакцией и с вступительной статьей В. Г. Тана-Богораза: Новая Индия. и Рабиндранат Тагор. Центральное кооперативное издательство «Мысль». Петроград—1922.

Статья В. Г. Тана-Богораза стремится, по-видимому, дать читателю самое общее, весьма популярное представление о Тагоре на фоне современной Индии, взяв тему преимущественно с внешне-описательной стороны. Мы говорим: «с внешней стороны», ибо автор статьи почти совершенно не останавливается на содержании (или форме) творчества Тагора, или на содержании современной индийской культуры, и говорит преимущественно о роли Тагора в Индии (сравнивая его с Толстым), об его отношении к современной индийской политике (тоже не касаясь идеологической стороны), описывает его школу и т. п., а затем дает также описание современного социального движения в Индии, останавливаясь главным образом на борьбе против кастового строя. Из произведений Тагора автор характеризует лишь вкратце его роман «Родина и Мир», а также рассказ «Камни над рекой» и пьесу «Отшельник». Но не смотря на такое сознательное ограничение темы, она все же еще достаточно широка, и В. Г. Тан бесспорно выполнил поставленное им себе задание с присущим ему талантом и опытною писателя и журналиста. Своей целью — заинтересовать читателя картиной своеобразного, чуждого нам быта, жизни и борьбы далекого, по современному нам народа и возвышающейся над ней фигуры загадочного поэта — мудреца — автор вполне достиг. Статья эта была прочитана В. Г. Таном несколько месяцев тому назад в виде публичной лекции, и пишущий эти строки может засвидетельствовать, что лекция была принята аудиторией с большим интересом. Интерес статьи усиливается и просвечивающим в ней чувством значительности нынешнего всемирного кризиса, — одним из проявлений кото-

рого является и охватившее Индию движение, — и мрачным пророчеством о кровавом характере грядущей индийской революции, в связи с своеобразным истолкованием миролюбия Толстого и Тагора (стр. 9 — 10 и 36).

Но мы не можем не указать здесь и на ряд погрешностей и неточностей, встречающихся в статье, — неточностей, правда, отчасти объяснимых недостаточностью материалов о Тагоре, имеющихся в настоящее время в России. Но нам думается, что в виду плачевного положения дела популяризации востоковедения в России, исправление таких погрешностей является необходимым, особенно если иметь в виду тех читателей, которые поближе заинтересуются Тагором.

Сюда относятся прежде всего — если начать с менее существенного — неточности и непоследовательности в транскрипции бенгальских имен, таких, как напр. Гунга (вм. Ганг), пундит (вм. пандит), Жадав (вм. Джадаб) и др.

Далее, встречаются в статье неправильные переводы санскритско-бенгальских слов. Так, Сада на стр. 9 переводится «восприятие жизни» (под влиянием англ. перевода Realization of Life, где слово Realization имеет однако свое более первоначальное значение), а на стр. 40 — «Жизне-~~принятие~~». Второй перевод можно считать приблизительно правильным. Махатма (стр. 35) переводится «Великий Пророк», тогда как оно значит просто «великий», «благородный». Гитанджали вряд ли можно переводить словом «жертво-песни» (стр. 5), ибо это слово может быть понято русским читателем так: песни жертвы, или жертв, или песни, поющиеся при жертвоприношении, — тогда как правильнее уже был бы перевод «песне-жертвы», ибо слово это значит: песни, приносимые в дар, в виде жертвы. Может быть, лучше слова, как Сада, Гитанджали и т. п., оставлять совсем не переведенными, чем во что бы то ни стало переводить их, за счет их действительного смысла. Ведь и сам Тагор оставляет их непереведенными в английских изданиях своих сочинений.

Статьи, по поводу английских изданий сочинений Тагора. На стр. 40 разбираемой статьи говорится, что большую часть своих вещей Тагор сам переводит на английский. Правильнее было бы сказать: небольшую, ибо на английский язык до сих пор Тагором и его друзьями переведена лишь весьма незначительная часть его произведений. Далее, отметим, что сборник «Шантиникетан» на стр. 40 неправильно приписан Тагору — он составлен не им, а Пирсоном; так же ошибочно приписано ему (стр. 55 — 56) предисловие к его переводу Кабира. Тагору совершенно несвойственно сближать индийских

поэтов и мистиков с европейскими, как это делает Энджерхилль, автор упомянутого предисловия, — он же автор большого труда о мистике.

Про отца Р. Тагора, Дебендраната Тагора, на стр. 6 сказано, что он был одним из основателей «Союза Брамь» — хотя и здесь лучше было бы не переводить, а сохранить слово Брахма-самадж, — а на стр. 20, что он был близок этому союзу. Первое неверно, второе неточно. Одним из основателей Брахма-самаджа был дед нашего поэта, Дварканат Тагор. Отец же поэта, Дебендранат, был руководителем этого об-ва приби. с 1842 по 1865 г. В 1865 году об-во это раскололось, и раскол был вызван намерением видного его члена, по имени Кешаб Чандра Сен, ввести то синкретическое направление, которое искони было чуждо об-ву и которое в рецензируемой нами статье ошибочно приписывается этому об-ву вообще (стр. 20).

Про драму «Жертвоприношение» на стр. 47 говорится, что содержание ее «составляет как бы отголосок, проекцию борьбы старого браминизма с буддизмом. Пьеса историческая и вместе символическая». С таким толкованием исторического аспекта «Жертвоприношения» никоим образом нельзя согласиться. Вся ситуация, изображаемая в драме, свидетельствует явно о том, что ее символика построена на мотивах, заимствованных из борьбы в пределах индуизма, борьбы вайшнавизма с шактизмом, с культом Кали. В хронике Трипуры (Трипура — место действия драмы), т. наз. «Радж-мала», сохранились свидетельства о такой борьбе. Мало того, богиня Кали названа прямо по имени на стр. 95 русск. перев. Что касается вайшнавизма, то он непосредственно не фигурирует в драме, но, с точки зрения Тагора, он есть та истинная вера, к которой придет герой этой драмы, через трагический опыт дошедшие до отказа от веры в Кали, — на это намечает и имя царя (Говинда — эпитет Кришны), и провозглашение любви, как принципа новой жизни (срв. конец драмы); это ясно и из того, что сам Тагор вырос из вайшнавизма, и что в той борьбе между культом Кали и культом Кришны, которой заполнена история бенгальской культуры, Тагор, конечно, на стороне второго. Идеалы вайшнавизма незримо реют над всем ходом пьесы, и ее глубоко трагический характер связан именно с тем, что они остаются невысказанными, ненайденными. Впрочем, это особая тема, на которой мы здесь не можем останавливаться по существу.

В связи с громадным влиянием, оказанным на Тагора вайшнавизмом, отметим, что вряд ли правильно будет — как это сделано в статье В. Г. Тапа — выделить из ряда духовных предков Тагора именно Калидасу и Кабира: «Корни души его находятся

и в Ведах, и в древних индийских поэтах, начиная от драматурга Калидасы и кончая Кабиром...» (стр. 37). Не менее тесно, чем с Ведами, т. е., точнее говоря, с Упанишадами, связан Тагор и с эпосом (Наль, Савитри); в меньшей степени с Калидасой и «школьной» поэзией и драматургией; но зато гораздо сильнее (минус многое другое)—с громадной вайшнавитской литературой на ново-индийских языках, которая не исчерпывается и не заканчивается Кабиром (ум. 1518); ближе и роднее всех ему бенгальские лирики—вайшнавиты, начиная от Чандидаса и Видьяпати и кончая последователями Чайтанья, как Говинда Дас (1537—1612), Гьян Дас и мн. др., жившие значительно позднее Кабира.

Указание В. Г. Тана (стр. 41) на неполную адекватность выражения «стрелы купидова», или «стрелы любви», употребленного английскими и русскими переводчиками Тагора, в виду того, что это—западные образы, также неправильно. В индийской мифологии бог любви, по имени Кама или Ананга (есть еще много имен и эпитетов, служащих часто именами), снабжен луком и стрелами, и индийские поэты, хотя бы тот же Калидаса, да и другие, не менее часто пользуются этим образом, чем европейские.

Помимо указанных фактических неточностей (а мы указали не все), можно отметить в разбираемой нами статье и неясности, пронизывающие из взаимной противоречивости некоторых ее утверждений. Так, напр., Тагор, с одной стороны—гармоничен, примирен, спокоен, и противопоставляется Толстому и его «не могу молчать» (стр. 8); с другой стороны, он многообразен, и один из его образов—образ «беспокойного и бродячего искателя истины» (37), и у него тоже как будто было свое «не могу молчать»: ибо, как говорит В. Г. Тан, «индийский писатель, дерзнувший на митинге в Японии . . . высказать эти слова по адресу окровавленной Европы перед лицом взволнованной и угнетенной Азии—действительно заслуживает имя индийского Толстого» (39). Далее, в одном месте говорится, что вера Тагора—безыскусственная (56), с другой стороны, мы видим (стр. 9), что он «совмещает индивидуальное настроение с своеобразной традицией» и что ему, как и Кабру, свойственно «бесстрашное отрицание всех установленных религиозных форм» (стр. 56).

Мы не можем не отметить, однако, что несмотря на эти дефекты, статья В. Г. Тана все же остается, благодаря своим положительным качествам, интересной и полезной для широких читательских кругов, интересующихся Тагором.

Что касается перевода двух пьес Тагора, следующего за статьей В. Г. Тана, то его нельзя не признать весьма удачным,

если не считать нескольких мелких пропусков отдельных реплик и произвольно вставленного слова «чужуиной» в гимне Кали на стр. 80. Сами пьесы, в особенности первая, представляют громадный интерес, и мы надеемся в ближайшее время вернуться к ним в отдельном очерке. Здесь отметим только тесный параллелизм и родство между «Жертвоприношением» и романом Тагора «Дом и Мир», вышедшим недавно в Петрограде в переводе С. А. Адрианова.

М. Тубянский

Б. Пашков. Ляо джай-джи-и (опыт критико-библиографического обозрения).—Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета. Отдел I. Науки гуманитарные. Вып. II. Иркутск 1921.

Б. Пашков. Пу Сун-линь. «Си ху джу». Рассказ. Пособие при изучении китайского языка (разговорного и литературного). Ч. I. Китайский разговорный «бай-хуа» и литературный тексты. Издание Издательского Бюро Государственного Иркутского Университета. Иркутск 1920.

Знаменитому прозаическому Ляо Чжая, или по настоящему Пу Сун-линь, в Европе не везет. Его пересказывают, не переводя текста, китайцы (général Tcheng Ki Tong), его передают в виде чтения для спальных вагонов, с пуританскими пропусканиями, искажениями, извращениями смысла (Giles); его, наконец, у нас в России стараются сделать только материалом для упреждения в китайском языке начинающих китаистов (Васильев).

Преподаватель Иркутского Университета Б. Пашков, вполне признавая сам, что эти повести являются «образцовым произведением китайской изящной словесности», все же убежден, что их популярность среди китайской читающей публики объясняется их «религиозно-бытовым содержанием», как будто вся читающая «китайская публика» состоит из любителей этнографии; и, наконец, как видно из приведенного титула, он желает использовать текст одного из лучших рассказов Ляо Чжая, по традиции русских китаистов, для учебных целей.

Имея это в виду, автор, прежде всего, «издал» фотолитографическим способом да-точный текст 1910 года, предпослав ему таким же способом снятый с газеты «Цюнь дян бао» за 1916 г. богишный пересказ размашистого шошуды (народного рассказчика), не имеющий ни малейшего педагогического значения, но, к сожалению, удостоившийся от «издателя» лестного термина: «превосходный перевод на современный разговорный китайский язык» («бай хуа»). В своем, писанном пока на машинке, предис-

словии Б. Пашков обещает «при первой же возможности» выпустить и русский перевод рассказа «Си ху джу», «с грамматическими и иными примечаниями». Это последнее его обещание, к сожалению, заставляет нас взяться за перо, чтобы указать ему и его читателям на целый ряд отклонений от общеобязательного научного понимания вещей и дать возможность подумать еще и еще, прежде чем готовить перевод и примечания к избранному рассказу.

Своей скромной цели «критико-библиографический очерк» того же автора, выпущенный им среди трудов коллег по Иркутскому Университету, собственно говоря, отчасти достиг, ибо в него попало, во всяком случае, многое из того, что когда-либо было написано о Ляо Чжае. Однако, дальше этой регистрации автор не идет, и «критического» в статье мало, что, впрочем, сделано автором вполне правильно, как будет видно из дальнейшего. «Библиография» же, единственно важная для научного интереса к предмету, т. е. китайская, у него почти полностью игнорирована.

При всем этом, рецензент очень благодарен коллеге Пашкову за сообщение, например, о русском переводе 12 рассказов Ляо Чжая (Баранова), который был ему известен. Кроме того, менее интересующийся Ляо Чжаем, статья Пашкова, вероятно, дала еще кое-что.

Чувствуя, очевидно, что для разрешения многих вопросов у него не хватит сил, наш автор оговорился, что пользовался советами своих учителей, профессоров б. Восточного Института, Шмидта и Гребенщикова. Эти советы, к сожалению, не спасли его от больших погрешностей.

Так, у него встречаются выражения, в роде «дао, или черная магия», обличающие, говоря мягко, большую незрелость. Точно так же нельзя думать, что «народная литература состоит из драматических и повествовательных произведений», ибо легко назвать хотя бы эти же рассказы Ляо Чжая и драму Си Сян Цзи, написанные ультралитературным языком, чтобы убедить автора в опрометчивости его суждения.

Далее, автор, размышляя над классификацией рассказов Ляо Чжая, думает, что они должны бы находиться в отделе даосских и буддийских книг императорского каталога XVIII века (Си ку джюнь шу дзун му), и, вообще, пытается классифицировать их по их принадлежности к «трем религиям Китая: конфуцианству, буддизму и даосизму». Куда бы он девал рассказы об оборотнях зверей или, например, о фокусах — неизвестно.

Взгляд на манджурские переводы повестей, как на имеющие «такое же значение в художественном отношении, что и в китайском оригинале» — взгляд, правда, оговорен-

ный им, как заимствованный от одного из учителей его по Восточному Институту, есть взгляд, указывающий также на опасности для его «критико-библиографического обозрения».

Затем, Конфуций («Изречения и беседы») переведен уже многие десятки раз, в том числе дважды на русский язык (Васильевым, Поповым), так что неудобно переводить известное сообщение о том, чего не любил касаться в своих беседах Конфуций (Лунь Юй VII, 20), через «странные вещи, фокусы, аномалии и духи», когда уже известно, что это значит: «чудеса, проявления физической силы, анархия, сверхъестественное».

На стр. 5 читается определение трудного для автора статьи слова Ляо, стоящего в заголовке рассказов Ляо Чжая, о псевдониме которого он, повидимому, не догадывается. «Без сомнения, — пишет он, — автор, назвав свой кабинет словом Ляо, имеющим значение: «поддержка, средства к существованию», хотел этим показать, что он, будучи беден, зарабатывает средства литературным трудом». Так и не решенная им задача Ляо, при подобных попытках к ее решению, явно обличает слишком неопытного человека, не умеющего обращаться ни со словарем, ни с грамматикой.

В конце статьи дан перечень рассказов в порядке их размещения в оригинальном сборнике. Здесь автор хотел дать кому-то полезный справочник. Но вышло следующее.

Переводя одно название рассказа за другим, он оставляет почему-то без перевода не только некоторые собственные имена, но и, такие, например, названия, как «Князь Девяти Гор» (Цзю шань ван), «Мужчина-наложница» (Нань цзе), «Ишуйский студент» (И шуй сю дай) и т. д.

Не говоря теперь о небрежном чтении знаков, могущих ввести читателя, не вооруженного текстом, в заблуждение (цзя, вм. се, джуан, вм. джун, хунь, вм. хун и т. п.) и о целом ряде больших неточностей, автор статьи дал целый ряд таких переводов, которые явно указывают, что он взялся не за свое дело и переоценил свои знания. Так, у него: вм. «Глодания камней» — «Кража камней»; вм. «Большой скорпион» — «Большая червоточина»; вм. «Воздаяние по делам» — «Верное сообщение»; вм. «Ковер рыжих (т. е. европейцев)» — «Войлок из красной шерсти»; вм. «Свихнувшийся даос» — «Дьянский монах»; вм. «Пирушка бесов» — «Приказание чорту»; вм. «Лисьи ответные строфы» — «Лисий поселок», и прочее в этом роде.

Если присоединить сюда бесконечные опечатки и прочие внешние промахи, то надо признать, что статья Б. Пашкова приняла печатный вид преждевременно.

А. Крымский. Белетристичні писання IV. Пальмове гілля. Екзотичні поезії. Частина третя (1917—1920). Київ 1922. 160 стр. 232.

Среди украинских поэтов А. Крымский занимает особое место. Высоко ценимый национальной критикой, как тонкий психолог страдающей от одиночества души, которая гибнет под гнетом развѣдающей ее рефлексии, но не может от нее отрешиться, он идет своей дорогой, не сливаясь с другими течениями современной украинской литературы. Еще большую оригинальность его творчеству придает любовь к востоку и близкое знакомство с ним. Долголетний профессор арабской словесности в Лазаревском институте в Москве, теперь неприменный секретарь Украинской Академии Наук, он имеет возможность подходить к поэзии трех мусульманских народов без всяких посредников, как это бывает обыкновенно с поэтами, берущимися за экзотические темы. Как русский ученый, он обогатил популярную литературу рядом курсов и студенческих пособий по истории и литературе трех мусульманских народов; как украинский поэт, почти 30 лет уже обогащает свою поэзию переводами и откликами восточных тем. И в западно-европейских литературах сравнительно редко можно встретить такое счастливое соединение крупного поэтического дарования с непосредственным знанием подлинника.

Переводы с восточных языков печатались А. Крымским в разных периодических изданиях, отдельными книжками (напр., *Шах-намэ*) и в предшествующих сборниках его стихотворений. К передаче формы оригинала в большинстве случаев он не стремится, иногда отходит и от точности, часто называя свои переводы «перепеями» восточных тем. Несмотря на это, в каждой строчке чувствуется глубокое проникновение в сущность переводимого образа, которое требует не только поэтического дара, но и близкого научного знания языка оригинала.

В настоящем — 4-м томе литературных произведений А. Крымского собрано большинство его переводов из области персидской поэзии, частью напечатанных раньше в отрывках, частью появляющихся впервые. Как бы введением к сборнику служит цикл шести оригинальных стихотворений серии «В Трапезунте». Знакомым с поэтическим творчеством А. Крымского они напоминают его ливанский цикл, созданный за 20 лет до Трапезунта. Персидская поэзия представлена авторами с IX до XV века; попутно включено несколько переводов с арабского (*Абу-ль-Аля*; 1001 год) и турецкого (*Михри-хатун*). Основное место в сборнике занимает *Шах-намэ* (стр. 26—118) и *Хафиз* (166—222); всего включено около

20 поэтов. В большинстве случаев произведениям предшествуют вступительные замечания, иногда носящие характер отдельных монографий (таково, например, введение в *Хафизу* — стр. 166—180). Эти замечания дают возможность ориентироваться в европейской литературе о поэте; иногда встречаются научно-критические соображения и даже поправки к тексту подлинника. (Из мелочей можно отметить, что знаменитая рукопись — автограф сочинений Джами, о гибели которой в 1918 г. по слухам передает А. Крымский — стр. 227 прим. — к счастью, уцелела и находится теперь в составе всей коллекции бывш. Учебного Отделения М. И. Д. в Азиатском Музее Росс. Академии Наук). Одно содержание нового сборника стихотворений А. Крымского ясно говорит, насколько богатый материал введен им в сокровищницу украинской поэзии.

И. Кр.

И. Майский. Современная Монголия. Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительных Товариществ «Центросоюз». Иркутск, 1921. IV + 332 + 128 + 6. Цена 1 руб. 50 коп.

Заглавие этого обширного труда не вполне отвечает его содержанию: из первых почти строк видно, что автор описывает только Северную или, так называемую, Автономную Монголию. Последнюю автор, по его словам, исколесил вдоль и поперек, но из приведенного краткого маршрута видно, что район его личных наблюдений ограничился только частью даже Автономной Монголии в пределах, ограниченных линией Кяхта—Урга—Дзаин—Шаби—Кобдо—русская граница. Об остальной части он говорит только по распросным или статистическим данным, или умалчивает совсем.

Центросоюз преследовал практическую цель, — дать описание современного экономического состояния края, но автор вполне правильно расширил эти рамки, включив общие сведения по географии, этнографии, истории, администрации и религии, и таким образом сделал ее пригодной для самых широких слоев общества.

Выполнена работа с необычайной поспешностью: на изучение неизвестной ранее автору страны и составление труда (все это на месте в Монголии) затрачено только 16 месяцев (с половины мая 1919 г.), включая разъезды. Такая поспешность не могла не отразиться на качествах труда, и если тем не менее он оказывается не лишенным

¹⁾ Краткое изложение важнейших данных из этой книги автор поместил в «Новом Востоке» (кн. I, стр. 154—183).

значительных достоинств, то объясняется это тем, что свою несомненную наблюдательность автор подкрепил привлечением к сотрудничеству столь прекрасных знатоков края, какими являются местные деятели А. В. Бурдуков и Э. Б. Батуханов, ныне занимающий ответственный пост в Урге под именем Бату-хана. Кроме того, автор добыл данные монгольской статистики (он называет их результатами «первой всеобщей переписи населения и скота Автономной Монголии 1918 г.», но, повидимому, это просто сводка обычной официальной статистики, которая ведется систематически во всех княжествах Монголии),

Зато в отношении литературных источников дело обстоит значительно хуже. Составляя свой труд в самой Монголии, автор мог воспользоваться только теми из них, которые оказались в стенной библиотеке А. В. Бурдукова, а по возвращении в Россию он не восполнил пробелов, в виду спешности дела издания. Условия нынешней действительности делают понятными эти обстоятельства, но И. Майский, к сожалению, прибег для их объяснения к простому опорочиванию всей литературы о Монголии, которой Россия по справедливости может гордиться: тут и «варварская форма изложения», и большая специализация, и «бюрократический характер прежних исследований», и, наконец, их устарелость. Подобные сетования могут быть еще поняты в устах рядового читателя, но для исследователя, каким себя считает автор, задавшегося вместе с тем целью популяризации, знакомство даже со специальной литературой безусловно необходимо.

Пренебрежение к литературным источникам не прошло автору безнаказанно. Касаясь численности населения Автономной Монголии, он приписывает Беннингсену цифру 1.400.000 душ, не обратив внимания на то, что она относится к большему району, а настоящая численность указана названным путешественником на 54 стр. его работы в цифре 500.000 душ, которая как раз совпадает с выводами И. Майского. Таким образом, претензия последнего на то, что им впервые установлено более точно количество населения Автономной Монголии, не имеет под собою почвы. Далее, обратив свое внимание на многочисленные памятники древности и поставив ряд вопросов об их происхождении, автор патетически восклицает: «молчаливая степь умеет хранить свои тайны», не подозревая при этом, что осмелевший им и приправленный к алхимикам «цеховой ученый» сумел разгадать много из этих тайн и поведать об них всему цивилизованному миру в своих действительно «тяжеловесных», капитальных исследованиях. Он тоже не подозревает, что, основываясь на простом созвучии (Каракорум и Хара-балгасун), он оживляет давно

зданную в архив догадку о месте нахождения резиденции первых монгольских ханов, и что для своих лирических излияний, посвященных этой резиденции и тени Чингис-хана, ему следовало переехать немного к югу, в монастырь Эрдэни-дзу. По мнению автора, нам в точности неизвестно, какая религия существовала у монголов в эпоху Чингис-хана, и предполагает, что это была какая-то бывшая форма язычества; вообще глава о религии отличается большими недочетами. Нельзя также одобрить и пользования сведениями из вторых и третьих рук, особенно же действительно устаревшими (напр., по истории Монголии — Карамзиным, Риттером, Карутерсом и др.) при наличии специальных по данному предмету работ.

Многочисленные лирические отступления, имеющие, надо думать, целью оживить рассказ, чередуются у автора с беспеляционными отзывами и приговорами по самым серьезным, но недостаточно спорным вопросам. Так, для него китайская культура насковзь прогнила; в XX в. шансы на самостоятельное существование имеют только большие народы (с десятками и сотнями миллионов душ); современная Монголия находится накануне своей окончательной гибели, и он благодарит судьбу за то, что она дала ему возможность зарисовать на память человечеству эту старую Монголию...

Вообще, автор очень высокого мнения о своей работе. Мы не станем разубеждать его в этом или оспаривать его претензию на право именовать себя исследователем. Мы даже приветствуем появление его книги: она способна заинтересовать читателя и дать ему общее представление о стране и ее населении и массу ценных сведений по отдельным вопросам. Но вместе с тем мы вынуждены указать, что долг автора — пересмотреть тщательным образом свой труд и дать новое исправленное издание. К этому должны побуждать автора и опечатки, которыми кишит его книга, и малая ее доступность, благодаря изданию в Иркутске.

В. Котвич

Новый Восток, журнал Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при НКН, под редакцией М. Павловича (Вельтмана). Книга I. Москва 1922. Стр. 494 in. 8°.

Сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала; русские много бывали на Востоке и говорили на восточных языках, русские правительства создавали свою политику по отношению к Востоку, а массы русского народа шли своими путями на тот же Восток, во многом столь им близкий, во многом гораздо более близкий, чем Запад.

Не даром говорилось о трех мирах: Востоке, Западе и России. Мировая война, нарушившая мировое равновесие, отразилась, конечно, и на Востоке: потрясенный Запад дал Востоку возможность почувствовать ослабление гнета последних столетий, и начался новый период жизни Востока, сложный и трудный, полный глубокого внутреннего разлада между старозаветною, жизнью народных масс и смелым дерзанием европеизованных верхов. И Европа стоит в недоумении перед этим новым Востоком, который гораздо труднее понять, чем прежний. Его, однако, необходимо понять, ибо эти сотни миллионов людей, несомненно, вновь призваны сказать свое мощное слово в мировой жизни.

Попытку к этому пониманию нового Востока делает и юная «Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения» в своем журнале «Новый Восток». Вводная статья о задачах Ассоциации знакомит нас с ее стремлениями и чаяниями и с ее исходной точкой. Приветствуя эти стремления и чаяния, мы не можем, однако, согласиться с той характеристикой, которая дана русскому востоковедению в целях выяснения, что надо делать Ассоциации. Нам кажется, что неправильно понята статья В. В. Бартольда и не сделано попытки выяснить несомненно крупные достижения русского востоковедения в многих областях. Справедливо, конечно, что правительство мало и, во всяком случае, не достаточно систематически заботилось о судьбах нашего востоковедения, но ведь не правительство создавало нашу жизнь, и русские востоковеды шли, несмотря ни на что, своими путями на Восток, так же как шли туда русские народные массы. Ассоциации Востоковедения надлежало ближе всмотреться во все то, чего достигли русские востоковеды: тогда она почувствовала бы, что и прошлое, и настоящее нашего ориентализма полно и большой работы, и больших результатов. Долголетние занятия за границею и обширные связи среди востоковедов Запада и Востока показали мне, что наших ориенталистов больше знают и ценят на Западе, чем у нас, во всяком случае, лучше читают, даже когда они нишут, как большинство русских востоковедов, почти исключительно по-русски. Это подтверждается и теперь.

Открывая первую книгу «Нового Востока», я искал в ней некоторого подведения итогов того, что сделано в России для познания старого Востока, без знания которого нет истинных путей к пониманию нового. Задача, конечно, не легкая, ибо, повторяю, сделано много, и только этим я и объясняю себе, что ожидания мои не оправдались и что кроме интересной, но очень специальной, статьи проф. Л. Мсерианда «К истории санскритологии в России», я не нашел почти ничего, кроме рецензий о вновь вышедших

русских книгах, что говорило бы о русском востоковедении.

Напомню здесь, ввиду возможной программы для ряда очерков, о том, что сделано нашими ориенталистами, конечно, в самых общих чертах. Богатейшая русская литература о севере Азии, ее палеазиатах, о Сибири и ее многочисленных народах ждет, правда, еще объединяющего обзора, но на нее опирается Запад, когда работает научно в этой области. Средней Азии посвящены капитальные и руководящие русские труды — стоит вспомнить В. В. Бартольда и ряд русских научных экспедиций — и здесь эта литература велика и разнообразна. Мы создатели туркологии, ибо у нас и с нами работал В. В. Радлов, труды которого основа научного изучения разнообразнейшего мира турецких народов. Персия и Иран изучались нами интенсивно — по языкам Персии наши русские труды дали много, без них не могли быть написаны целые главы иранской энциклопедии, часть которой составлена русскими учеными; вспомним только в области иранистики наших Шегрена, Дорна, Ханькова, Лерха, Залемана, В. Ф. Миллера, Жуковского и столько других. Исследование языков Ирана одна из блестящих страниц русского востоковедения. А Кавказ? Ведь изучение его ~~важнейшего~~ ^{важного} мира главным образом наше дело, напомним только о Броссе, Усларе, Марре и еще многих других. Античный Восток и Египет с гордостью могут указать на Тураева, Голеннищева, Лемма и на ряд их учеников. Южно-русский Восток, с его любопытнейшими проблемами, изучен, ведь, именно нами, и тут завязывается узел взаимных влияний целого ряда культур. Археологической Комиссии, превратившейся ныне в Академию Истории Материяльной Культуры, принадлежит и ряд замечательных работ в этой области и изданий, пользующихся мировою известностью. Если мы теперь перенесемся с западных окраин восточного мира на Дальний Восток, то увидим, что и здесь русское востоковедение занимает почетное место — вспомним имена Палладия, Иакинфа, Васильева, Алексева в области синологии. Для Монголии и Тибета нами сделано исключительно много: у нас находятся несравненное собрание книг и рукописей, каких нет нигде в такой полноте. Тот любопытный мир, где по оазисам, окруженным пустынею, развивалась своеобразная культура, — соединение индийской и китайской, с влияниями эллинизма и передней Азии, — введен в научный оборот впервые нами: наши пионеры-путешественники изобразили Восточный Туркестан, исследуя Сериндию. Даже по отношению к Индии, далекой от нас, мы можем указать на знаменитые петербургские санскритские словари, которыми наша Академия Наук справедливо снискала себе славу,

как и другим своим изданием, — *Bibliotheca Buddhica*, — и то и другое издание пользуются мировой известностью. В области буддизма труды Шмидта, Шифнера, Васильева, Минаева, Щербатского, Розенберга — настольные книги. Я далеко не исчерпал указаний на то, что сделано русскими ориенталистами, но и сказанного достаточно, чтобы показать, как несправедливо пессимистическое настроение молодого востоковедного журнала, который слишком буквально принял обычные русские вздохи за объективную оценку положения востоковедения и из за этого не произвел самостоятельного пересмотра русской научной литературы; пересмотр убедила бы его, во первых, что есть на чем основываться в деле ознакомления с Востоком в прежних трудах русских востоковедов, а во вторых, что это прошлое обязывает вести работу объективно и с тщательною проверкою сообщаемого; если «Новый Восток» будет проникнут этим сознанием, то успех его обеспечен.

Смущает нас только его взгляд на Россию, как на вселенского учителя: нам самим надо еще столькому учиться, что немного рано нам учить других. За то горячо приветствуем мы идею планомерного изучения Востока и собирание к тому материалов. Препятствием пока служит скудость материальных средств и недостаток в рабочих. У тех, однако, кто видел нашу востоковедную молодежь, в Петроградском университете, институтах Петрограда и Москвы, есть несомненное сознание, что если университет и институты будут существовать, не будут подвергаться бесчечным новым реформам и будут, наконец, снабжены материальными средствами, изучение изменившегося Востока пойдет у нас вперед быстрыми шагами.

И тут и для Ассоциации, и для ее журнала открыто широкое поле деятельности в соответствии с ее планами и намерениями, которые видны из построения «Нового Востока». Журнал делится на следующие пять отделов: политико-экономический, историко-этнологический, материалов и документов, обзор печати, библиография. Из них наиболее ответственный и трудно организуемый первый, и потому мы подождем дальнейших номеров журнала, чтобы высказаться, так как некоторые дефекты этого отдела и, особенно, скороспелость некоторых выводов являются м. б. лишь последствием большой трудности правильной постановки дела, нового и чрезвычайно сложного. Интересна здесь статья «Правовые достижения России в Азии», С. А. Котляревского, основанная на фактическом материале договоров. Статья М. П. «Тихоокеанская проблема» правильно указывает на громадное значение Дальнего Востока для будущих мировых взаимоотношений.

Примыкающий по существу сюда отдел «Обзор печати» дает интересные выдержки из туземной прессы; тем более приходится жалеть о том, что этот отдел, как и другие, сильно обезображен чрезмерно многочисленными печатками, особенно в восточных названиях. Историко-этнографический отдел и библиография еще не достаточно связаны с основными отделами журнала, не приведены в связь старый восток с новым; но было бы, конечно, несправедливо уже теперь упрекать за это редакцию, зная до чего трудно продуманно и систематически связать старое и новое, особенно при ограниченных наших силах. Нам кажется, что «Новый Восток» не всегда учитывает этот недостаток сил и, задаваясь сразу слишком широкими задачами, обрекает себя тем самым на недостаточно отчетливое их выполнение: в этом большая опасность для молодого журнала и его читателей, большинство которых неизбежно будут принимать на веру напечатанное в журнале; на него, поэтому, падает особенная ответственность. Но ведь всякое живое дело носит в себе самом элементы необходимых поправок, и мы убеждены, что «Новый Восток», совершенствуясь с каждым номером, скоро сможет стать надежным и увлекательным руководителем для своих читателей, давая им тщательно проверенный свежий материал о старом и новом Востоке, которые пока так неразрывно связаны один с другим.

Сергей Ольденбург

А. Ивин. Современный Китай (Письмо из Пекина). «Новый Восток». Журнал Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при НКН. Книга 1, стр. 184—198.

М. Абрамсон. Политические общества и партии в Китае (там же, стр. 199—223).

А. Садовский. Железные дороги Китая (там же, стр. 224—231).

Обзор китайской прессы (там же, стр. 360—365).

Библиография, хроника (там же, стр. 366—454).

Подводя в «Новом Востоке» итоги деятельности издающей журнал Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения, редакция журнала отмечает, что ею «приглашены сотрудники-корреспонденты в Китае, Афганистане, Индии, Монголии, Японии и Турции», при чем им «было дано задание давать ежемесячные обзоры прессы, в которых должна всесторонне освещаться жизнь той или иной страны зарубежного Востока».

«Независимо от этого—продолжает статья—Ассоциация Востоковедения обратилась также к виднейшим ученым специалистам Китая, Монголии, Японии и Индии с предложением принять деятельное участие в работе Ассоциации, в ее литературной работе, путем присылки статей, информации и т. д. по наиболее актуальным и крупным вопросам современной политической и экономической жизни стран Востока».

Таким образом, Ассоциация начинает развешивать свою деятельность в размерах, доселе не виданных, и мы находимся в приятном ожидании, вместо бледной пары безграмотных обзоров в одном из толстых журналов—читать корреспонденции с мест, принадлежащие, к тому же, «виднейшим ученым специалистам Китая» и др. стран Востока, не говоря уже о том, что, обладая такой массой справочных пособий и книг, как свидетельствуется библиографическим отделом, Ассоциация имеет доступ ко всему для себя значительному, не выезжая из Москвы. Ожидания наши подкреплены сообщением Ассоциации о том, что ею «в настоящее время получен ряд крайне ценных корреспонденций с мест», и, очевидно, в результате этих полученных—вышепоименованные статьи.

Пишущему эти строки, конечно, хотелось бы прежде всего ознакомиться со статьями одного из «виднейших специалистов Китая», под которым, судя по конструкции фразы и дальнейшему тексту, надо понимать ученых китайцев, желающих информировать о себе Ассоциацию. Однако, таковых в книге I «Нового Востока», к сожалению, не имеется.

Материала в вышеперечисленных статьях дано очень много. О качестве его судить человеку, до которого не доходят оригиналы, послужившие корреспонденту источником, довольно трудно. Ему может быть доступна лишь критика признаков, обнаруженных при чтении статей, на которых он рассчитывал бы поучиться многому, что сейчас для него недоступно.

Прежде всего, что касается авторов статей, то в качестве китаеведов-авторитетов они выступают, кажется, не так давно; по крайней мере, пишущему они попадаются впервые. Источник осведомления А. И. в и на не назван, за исключением эпизодического упоминания о Weekly Review, без дальнейших уточнений (вероятно, это The Weekly Review of the Far East). На стр. 189 находим у него известие о том, что ему пришлось присутствовать на «предварительных дебатах студентов одного из высших учебных заведений Пекина, должностных принять участие в состязании в ораторском красноречии на тему: «Следует ли Китаю войти в оборонительный союз с ДВР и Сов. Россией»—и далее сообщает о любительных своих наблюдениях во время этого диспута, тут же зафиксированных. Однако,

самое поверхностное наблюдение над транскрипцией китайских иероглифов, о которой будет речь несколько далее, указывает на полное незнакомство автора с китайским языком, и, следовательно, весьма сомнительно, чтобы ему могло удасться такое сложное наблюдение, как наблюдение над речью двух китайцев, его лично не касающейся. Другие авторы точно так же китайского языка не знают, что не менее очевидно.

Можно упрекнуть дальневосточную часть «Нового Востока», вообще, в некоторой небрежности. Так, об одной и той же книге Гильберта «Рейда» (надо: Рийда): China: Captive or Free, изданной в одном и том же году в Лондоне и Нью-Йорке, даны на одной и той же стр. 396 две соответствующих рецензии, одна покороче, другая чуть-чуть подробнее, и вся разница, переведенная на библиографический язык, заключается лишь в двояком переводе английского заголовка: в одном случае «Китай—порабощенный или освобожденный», в другом «Китай—пленный или свободный». Рецензента (вернее—двух рецензентов) редакция не удосужилась свести к одному и выяснить, в чем заключается разница между обоими изданиями и нужно ли давать о них две самостоятельные рецензии, тем более, на одной и той же странице.

Точно такая же вещь случилась и с книгой «Leo Pasvolsky, Russia in the Far East (описание рецензента)», о которой на стр. 395 дана рецензия, применительно к ее лондонскому изданию, а на стр. 396 о ней сообщается снова, но, как бы, впервые, без всякого упоминания о предыдущей.

Непростительные ошибки обличают в авторах полное незнакомство с Китаем, и как духовным миром, и как политическим организмом, не говоря уже о истории Китая. Так, в статье Абрамсона на стр. 214 следующие удивительные вещи: «На протяжении истории китайской культуры мы встречаем выдающихся мыслителей, исповедывавших и проповедывавших анархизм, в том или ином виде. Таким ярким примером является известный китайский философ Лао Цзы, конгенитальный Толстому мыслитель, живший в IV в. до Р. Хр. и проповедывавший родственное Толстому учение». Не говоря уже о построении фразы, с дважды уложенной в нее великой, очевидно, истиной, чего стоит одна дата Лао-Цзы!

У того же автора на стр. 199 читаем опять, что «еще при маньчжурской династии (очевидно, пример наиболее отдаленной исторической даты) зародились первые тайные общества—будущие политические партии, направленные к свержению монархии».

А между тем, та же элементарная Encyclopaedia Sinica, на которую ссылается автор статьи, могла бы сказать ему sub voce Lao Tzu (стр. 287), что он родился в 604 г.

до Р. Хр. (как бы ни относиться к этой дате с научной точки зрения), и затем, sub voce «Secret Societies» (стр. 501) та же энциклопедия могла бы самую же первой фразой сказать, что «тайные общества процветали в Китае в течение многих веков... Примером первого (из перечисленных) рода может служить секта краснобровых (чи мэи), существовавшая в начале нашей христианской эры»...

Ограничиваясь пока этими примерами, думаю, что на страницах журнала, издаваемого научно ассоциацией, подобные утверждения — тем более лежащие в основе дальнейших суждений — неудобны.

С английским текстом, его транскрипцией и переводом дело обстоит в «Новом Востоке» также неважно. Не говоря уже о бесчисленных опечатках, осужденных рецензентом В. Кряжиным на стр. 387, как нечто недопустимое, и тем не менее являющихся характерным для первой книги «Н. В.» отличием, здесь встречаются еще неправильные транскрипции английских слов и имен (Yearbook-Ирбук; Reid-Рейд и т. п.), а также небрежные переводы главней, в роде «Индия и английское» (India and the English), «Былые дни в Новой Гвинее» (Last days in New Guinea), «Где идут по странным следам» (When the Strange Trails go Down).

Однако, все это мелочи, хотя и досадные. Не мелочью для пишущего, ищущего серьезных статей, является совершенно фантастическая транскрипция китайских имен. Так, неизвестный Кантон (Гуанчжоу фу или, если придерживаться той же ошибки, припадающей город за губернию, — Гуандун) фигурирует в виде Куантон, Кантон, Кантин и т. д. Одни и те же лица и места называются Цао Кунь и Цзао Кун; Тун Чжоу и Туан Чжоу; У Бейфу и У Пэй фу; Чжеу Цзы и Чжоу Цзе Чи, Дуань Цижуй и Туан Цижуй и т. п. Если «общий читатель», пропуская все это мимо глаз, возражает, что, ведь, это «мелочь», то можно утверждать, что параллельно этой системе транскрипции появились бы в английской транскрипции русские имена такого рода: Eevanov и Ivanof, Bikof и Bukov, Schedin и Chadrin, над которыми читателю пришлось бы придуматься не менее, чем, например, над «пр. Чап'ом», о котором говорится на стр. 199 и который мог бы, — согласно обыкновению автора смешивать фонетически, а тем более графически, разные вещи в одно, — мог бы быть: Чжан, Чан, Чжань и Чань. Наконец, если это, в конце концов, Чжан, то, принимая во внимание, что «Чжанов» в Китае не менее, чем у нас Ивановых или Петровых, и что без собственного имени одна фамилия никого не

обозначает, даже с префиксами, в роде «пр.», подобное упоминание на сведущего читателя не производит впечатления.

В статье о железных дорогах нельзя обозначать всем известную станцию Шанхай Гуань через «Шан-ай-кун» и писать такие, например, вещи: «Постройка в северном направлении к Шан-ай-куну началась в 1891 году и была продолжена до Шанхая — в 57 милях от Великой Стены». Подобные вещи в каких бы то ни было статьях о Китае встречаются, вообще, чрезвычайно редко, и еще реже в статьях о железных дорогах, ибо, надо думать, перед пишущим лежит карта и соблазнительное для глаза отождествление Шанхай Гуан'я на севере с Шанхаем на юге может быть в одну минуту рассеяно, как заблуждение.

Принимая на себя совершенно насущную и важную задачу пролить свет на то, что творится на далеком и недоступном даже для сношений Востоке. Научная Ассоциация должна принять меры к устранению из своих «крайне ценных корреспонденций с мест» подобных, выражаясь мягко, недоумений.

В. Алексеев

Наука и Просвещение. Ежемесячный журнал Народного Комиссариата Просвещения Туркесреспублики. Август—сентябрь. № 1. Ташкент, 1922 г. Цена 50 р. Стр. 48.

Наркомпрос Туркесреспублики наметил издание трех журналов: на русском, узбекском и киргизском языках. Нами только что получен № 1 русского журнала; узбекский, по слухам, вышел, но нами не получен. По словам редакции русского издания (проф. Е. Полянов, Ишан Ходжаев и Е. Чернявский) «соответствующей аналогией для него в дореволюционной периодической литературе можно было бы считать программу «Журнала Министерства Народного Просвещения». Содержание научного отдела «ограничивается рамками краеведения и педагогики». Предвидится возможность выделения вопросов педагогики в особый журнал. В № 1 входит, кроме того, часть материала журнала «Искусство и Жизнь». Редакция напрасно обращается с просьбой «не критиковать № 1 за то, что в нем дана более чем скромная часть предполагавшихся отделов», это — излишняя скромность. Мы приветствуем работников просвещения в Туркестане, успешно преодолевающих финансовые и технические затруднения на пути издательской деятельности и самоотверженно стоящих на страже новой общечеловеческой культуры в Средней Азии.

Среди участников № 1 мы видим и петроградских востоковедов: акад. Бартольда,

1) Орфография рецензента.

проф. А. Э. Шмидта, проф. Е. Д. Поливанова, покойного проф. П. А. Фазева и местных востоковедов А. А. Диваева, Б. Пестовского, Н. Н. Иомудского (Иомуд-хан).

Статьи проф. Поливанова касаются принципов построения турецкой грамматики, вопроса о реформе узбекской орфографии, звукового состава ташкентского диалекта и общелингвистического вопроса о процессе грамматикализации с привлечением восточных материалов.

А. А. Диваев дает описание этнографических сборов среди семипреченских киргиз казаков в 1920 г. Н. Н. Иомудский приводит туркменский рассказ о старом русле Аму Дарьи.

Б. Пестовский знакомит нас с новейшими узбекскими драматургами, ссылаясь на № 1 ташкентского журнала «Искусство и Жизнь».

Материалы для биографии убитого в 1919 г. в Бухаре известного самаркандского литератора Бегбуди сообщены М. Ф.

Много внимания уделено положению местных мусульманских школ. В официальном отделе опубликован документ о допущении в советских школах коренных народностей Туркестана преподавания вероучения.

Имея в виду, что журнал предназначен не для специалистов, а для широких читающих масс, позволим высказать пожелание, чтобы редакция исправляла или оговаривала в примечаниях погрешности авторов в переводах с местных языков и в сообщениях фактов местной истории. Погрешностей таких, правда, в № 1 немного.

А. С.-ч

Журнал «Туркмен Или» («Туркменский народ»). Первый номер вышел 25 июля 1922 года в Ташкенте.

Журнал издается Туркестанской партией коммунистов на туркменском языке, литографским способом, по почину 4—5 туркменов, работающих в Ташкенте. Тираж журнала — 1000 экземпляров.

Номер открывается статьей от редакции, за которой следуют: «Текущий момент» и «Вопрос об основании партии коммунистов в Туркмени».

Худа-кули-Ханов дал общий краткий обзор расселения закаспийских туркмен, начиная Ставропольской губернией и кончая Анхарской волостью Самаркандской области и джизакским уездом, и подчеркнул наличие традиционной вражды между туркменскими племенами и их подразделениями.

В статье Кюмюш - Али Буриева «Хивинское ханство и туркмены» делается попытка выяснить истинные причины туркменско-узбекской розни. До русского

похода на Хиву туркмены пользовались в ханстве рядом привилегий за военную службу. С утратой этих привилегий туркмены экономически оказались в худших условиях, чем узбеки, как живущие на грани культурной полосы и песков и как народ, мало склонный к личному земледельческому труду. До начала мировой войны туркмены скрывали свою неприязнь к узбекам из-за страха перед русскими. С 1915 года начались открытые враждебные действия между туркменами и узбеками (дело юзбани Шах-Мурада Бахши). Рознь устранится, если при содействии Советского правительства оба враждующих народа будут уравнены во всех правах.

За статьями о союзах батраков и о социальном обеспечении следуют отделы литературный и педагогический. В статье «Два слова о литературе» (продолжение следует) Алла-кули Гарраханов призывает соплеменников записывать памятники устной народной словесности, собирать письменные литературные памятники и знакомить народ с литературой и историей литературы других наций, не стыдись подражания, которое должно привести к созданию собственной литературы. Интересующийся языкознанием и педагогикой Абдуллатиф Садик дал две статьи: «Как возник у людей язык» и «Воспитание на Востоке».

В статье «Туркменская научная Комиссия» сообщается об учреждении названной комиссии при Туркестанском Комиссариате Просвещения с целью подготовки учебных пособий на туркменском языке для туркменских школ как путем перевода русских и «турецко-татарских» книг, так и путем использования туркменской истории и народной словесности. Часть книг уже составляется, часть — печатается. Среди последних: «Родословие туркмен-иомудов», работа Иомуд-хана Авна-Мухамед Гарашхан-оглы (Н. Н. Иомудского). Перу названного автора в настоящем номере журнала принадлежит заметка об имеющих выйти в свет двух его книг: «О карательной экспедиции ген.-лейт. Мадритова 1916 г. в стране туркмен-иомудов» и «О колонизации русским дарским правительством Астрабадской провинции в Персии».

Не касаясь остальных статей журнала, отметим в заключение помещенные в нем туркменские стихотворения: «Туркмены» (Х. Ханова), «Школа» (Х. Сахат-Мурадова) и без подписи «Памяти нашего дорогого поэта Мулла-Дурды». Этот поэт из аула под Асхабадом был сыном поэта Матаджи, оба поэта принадлежали к текинскому племени Аманша, богатому, по отзывам, поэтическими талантами со склонностью к сатире.

А. Самойлович

Энциклопедия сведений о Китае.

Европейцу, столкнувшемуся с китайской литературой, а равно и с литературой о Китае на других языках, приходится обнаруживать крайнюю недостаточность существующих лексиконов, дающих в лучшем случае лишь некоторую проекцию понятия, сообщаемого словом, не говоря уже о собственных именах и сложных культурных целях. Поэтому, вместе с ростом китайско-европейской лексикографии, создавались и энциклопедии о Китае. Из таких энциклопедических пособий особенно популярны среди китаеведов: *Mayers*, «A Chinese Reader's Manual», изданный еще в 1874 г., *Dyer Ball* «Things Chinese» и *Giles H. A.* «A Chinese Biographical Dictionary». Все эти полезные издания, однако, лишь отдаленный намек на то, что, действительно, нужно учашемуся китаеведу, не говоря уже о китаеведе-исследователе. Это прекрасно сознает автор изданной в 1917 году в Шанхае «Encyclopaedia Sinica», *Samuel Couling*, как видно из предисловия к его книге, только что прибывший в Петроград.

Он смотрит на свое предприятие, только как на начинание (не упоминает почему-то о предшественниках, весьма этого заслуживающих). Действительно, название, данное им этой книге, обязывает, ибо над ним незримо, но слышимо парит звуковая тень *Encyclopaedia Britannica*, и совершенно правильно думает, что успех *E. Sinica*, как и *E. Britannica*, заключается в непрерывных, увеличивающихся и улучшающихся их изданиях.

И в самом деле, в этой книге замечается много улучшений по сравнению с упомянутыми выше пособиями. Начать с того, что в ней соединены лучшие качества предшественниц: биографический материал *Джайлза* (хотя и не в должной полноте), литературный *Мэйерса* и бытовой *Болла*. Затем, не удовлетворяясь своими собственными силами (и, повидимому, не без оснований), автор обратился за помощью многих светил китаеведной науки, как, напр., к покойному Шаванну, его ученику и сотруднику *Пэлло*, *Лауфэру*, *Джайлзу* и целому ряду других. Кроме того, в его распоряжении была огромная, совершенно исключительная по своей полноте библиотека знаменитого корреспондента «Таймса» *Моррисона* (*Dr. G. E. Morrison*). Впрочем, ее использование было очень частичным, хотя автор и указывает на то, что библиографические сведения, им даваемые в конце статей, намеренно неполны.

Наконец, всё новое, что он собрал в свою энциклопедию, действительно ново и полезно. С этой книгой в руках учащийся спасен от многих недоразумений, преследовавших его при чтении китайских текстов доселе. Можно быть, действительно, благодарным автору за начин и следует ему помочь.

Можно сказать еще много хорошего об этой книге, рекомендуя ее вниманию, как китаиста, так и общего читателя книг о Китае, но лучше это сделать в большой статье. Книга содержит в себе 603 двухколонные страницы, набранные петитом, курсивом, китайским шрифтом и т. д. очень четко и довольно разнообразно.

Можно сказать и много неприятного автору, но он сам знает о недостатках книги своей немало, хотя не все. Об этом, опять-таки, писать надо в большой статье. Здесь же надо ограничиться, как более вопиющим, отсутствием указателя в конце книги. Нельзя же, в самом деле, заставлять читателя ломать голову над тем, где искать Цинь тань дэнь, если он нашел о гадании по земле не под геомантией (*Geomancy*) а под *Feng Shui*. Оказывается, надо искать под *Astronomy*, что противоречит системе. Это первый попавшийся пример, но таких очень много.

В английской прессе уже появились критические обзоры этой Энциклопедии, и так как они дойдут до сведения автора скорее, нежели то, что я указал бы в этой статье, то ее можно пока на этом закончить.

В. А.

Очередной справочник о Китае.

Перед нами очередной выпуск английской «Книжки о Китае» за 1921 — 1922 г.г. (*The China Year Book. 1921—2. Чжун Хуа Минь дэю юй ин юн* ¹⁾). Edited by *H. G. Woodhead*. *C. B. E.*, editor of the «Peking and Tientsin Times» ²⁾. Associate Editor *H. T. Montague Bell*, Formerly Editor of the «North China Daily News» ³⁾. Tientsin: Tientsin Press, Limited. 1921).

Эта книга пришла в Петроград в конце 1921 года и своим содержанием у отсталого от Европы и Китая китаеведа вызвала, как говорят китайцы, «друг с другом переплетающиеся вздохи радости и огорчения».

Книга открывается общими главами о поверхности и населении Китая, излагаемыми, как и все дальнейшее, по последним сведениям, о географии, геологии, фауне, флоре и облесении, о климате и метеорологии. В главе VII дается много сведений

¹⁾ Китайские иероглифы в русской условной транскрипции. Перевод их, в следующем примечании.

²⁾ «Ежегодник - справочник Срединно - Цветущей (Республики), с особым назначением в качестве руководства для школ граждан Республики».

³⁾ Один из главных органов английской повседневно печати, издающийся в Тяньцзинь с 1894 года и имеющий главную циркуляцию на севере Китая.

⁴⁾ Это самый важный, влиятельный и осведомленный орган английской печати в Китае, издающийся в Шанхае и печатающийся еще особым еженедельным изданием под заглавием «North China Herald». Этот последний является совершенно незаменимым осветителем китайской жизни с 1850 года, и без него китаевед не может, собственно говоря, обходиться.

о народе и составных его частях, о его языке и диалектах. В главе VIII, использованной уже на страницах «Востока», приведен полный список газет и журналов, зарегистрированных на китайской почте, с обозначением их титулов на китайском и европейском языках, места издания, владельца. Конечно, было бы желательно знать многое и другое о выходящих в Китае печатных органах (их направлении, объеме, степени независимости и т. п.), но, если применить этот принцип ко всем прочим отделам, то никакой ежегодник с этим бы не справился, и следовательно, ставить это издателям на вид не приходится.

Далее идут главы о скотоводстве и земледелии, об угледобывающей и минеральной промышленности; за ним идут главы о монетах, мерах и весах, и особенно важные и полные о торговле, финансах и монетной циркуляции — вопросе, в Китае особенно сложном и всех занимающем. В главе XV приведены официальные документы насчет Нового Консорциума 1921 г. В главе XVI сообщается положение вопроса о старом и новом законодательстве Китая, об экстра-территориальности подданных великих держав и о предварительном своде законов Республики. Главы XVII — XVIII говорят о путях сообщения, в том числе и авиационных. В главе XIX рассматриваются самые тревожные для Китая вопросы обороны в связи с потрясающим страну дудзюнатом (провинциальные сатрапы). Глава XX говорит о новом культурном движении и о реформированной системе китайского образования.

В главе XXI трактуется монгольский вопрос. Глава XXII, использованная целиком, как оригинал для статьи «Русский вопрос в Китае» на страницах «Востока», дает такие сведения и документы, что заслуживает быть переведенной и подробно комментированной на большем количестве страниц, нежели то, которое могло быть отведено в хронике нашего журнала. Глава XXIII излагает проблемы Китая, связанные с окончанием войны, борьбу Китая с Японией за Шаньдун и вопросы, поставленные Китаем перед Мирной Конференцией по этому поводу.

Дальнейшие главы говорят об инженерных работах по улучшению Шанхая и других портов, о годе 1920 — 1921 г.г., охватившем население в 40 миллионов людей и т. д.

Наконец, идет речь о китайском правительстве, история которого, начиная с возникновения республики, использована на страницах нашего журнала, и алфавитный список лиц, повлиявших на историческую поверхность за последние десять лет.

Много хорошего можно сказать об этой книге, очередной выпуск которой еще лучше, чем предыдущие, не взирая на условия, при которых состоялось перенесение

ее редакции из Лондона в Тяньцзинь. Состав лиц, упомянутых в предисловии и принимавших участие в книге, блистает именами первоклассных знатоков нового Китая, в том числе и европейски образованных китайцев. Целый ряд статей нужно, как мы говорим, прямо усвоить и дать усвоить при посредстве перевода другим желающим.

Можно пожалеть о неполноте справочного материала, замечаемой то здесь, то там. Так, например, в отделе биографии (Who's Who) нет сведений о крупных революционных фигурах Фын Гочжана и Цзай Ао, хотя в тексте о них упоминается. Да, можно пожалеть, но поставить это на вид торопившимся с изданием этого ценного справочника лицам не хватает смелости.

В. А.

Индийские сказки.

1. Twenty-two Goblins, translated from the sanskrit by Arthur W. Ryder, with illustrations in colour by Perham W. Nahl, London and Toronto: I. M. Dent and Sons Ltd., New York: E. P. Dutton and Co., MCMXVII.

2. Jataka tales translated and edited with introduction and notes by H. T. Francis and E. I. Thomas, Cambridge at the University Press 1916.

3. Hindu Fairy Tales, retold for children by Florence Griswale with illustrations by Helen Jacobs, London; Georges G. Harrap and Company; 1919.

4. Hindu Tales from the Sanskrit, translated by S. M. Mitra, adapted by Mrs. Arthor Bell; Macmillan and Co., Ltd., London 1919 (из серии English literature for secondary schools).

5. Bengali household tales, collected and translated by the Rev. William McCulloch, London 1912.

6. Bengali Fairy Tales by F. B. Brandley-Birt with illustrations by Abanindranath Tagore, London, John Lane MCMXX.

Индийскими сказками всегда более всего интересовались в Англии; настоящий список, составленный на основании новейших поступлений Азиатского Музея Рос. Академии Наук, тоже содержит одни только английские издания; при этом надо отметить, что далеко не все, что вышло за последние годы на западе по индийским сказкам, стало для нас доступным: повидимому, много интересных работ из этой области появилось в Германии, напр., переводы и исследования Гертеля. Несомненно одно: мир восточной сказки продолжает интересоваться европейцев, как ученых исследователей, так и вообще читающее общество.

Из рассматриваемых книг № 1 представляет перевод известного сказочного сборника «Ветáапанъчавимшатака» — «Двадцать пять рассказов Вамира», с кото-

ры мы знакомимся по нескольким редакциям на санскритском языке и по переводам, пересказам и переделкам на различных наречиях Индии, а также на монгольском и калмыцком языках. Автор рассматриваемого перевода не дает совершенно никаких указаний относительно подлинника своего перевода, не указывает даже, что он занимается «Двадцатью пятью рассказами Вампира»; сказано только, что переведено с санскритского и больше ничего! Не объяснено даже, почему, вместо обычных 25-ти рассказов демона-вампира, оказывается 22. Такое отсутствие необходимых пояснений лишает книгу в большой мере того значения, какое она могла бы иметь. Действительно, несмотря на свою известность, «Рассказы Вампира» не были до сих пор переведены с санскритского полностью. В настоящем же случае мы лишены даже возможности судить о качестве перевода. О том, насколько вообще интересны «Рассказы Вампира», много говорить не приходится.

Следующие два номера представляют нам «джатаки», т. е. легендарные сказания о былых перерождениях Будды, знакомящие нас с древним фольклором Индии. Русскому читателю «джатаки» могут быть известны по замечательным переводам И. П. Минаева, бывшему министру Народного просвещения в семидесятых годах. Книга Франсиса и Томаса (№ 2) имеет задачей популяризовать «джатаки» канонического писания южных буддистов, изданные в Англии на языке паали и переведенные на английский разными лицами (в том числе и выше упомянутым Франсисом), под общей редакцией проф. Кауэлла. Она предлагает ряд «джатак» в хорошем переводе специалистов и дает общее поясняющее введение, снабжает текст всеми необходимыми объяснениями и примечаниями. Тот, кто хотя бы немного занимался индийскими литературами, найдет в рассматриваемой книге для себя много нового, но зато читателем, не знакомым с этой областью, она может быть прочитана с большим интересом и пользой.

№ 3. — «Индийские волшебные сказки» предлагают нам тоже «джатаки», но не в переводе, а в пересказе, приготовленном для детского чтения. Эта маленькая книжка вызывает двойное чувство: с одной стороны, представляется вполне хорошим делом ввести в детский мир богатство литератур Востока, с другой стороны, как-то грустно видеть вековые сказания, искаженные тенденциозной передачей.

Гораздо большего внимания заслуживает другая попытка в этом же направлении, попытка представить индийские сказки в доступном для детей изложении:

№ 4. — «Индийские сказки», переведенные с санскритского С. М. Митра и переработанные А. Балл. В этой маленькой

книжке мы находим сказки, заимствованные из большого сборника на санскритском языке, известном под заглавием «Катасарит-сэгара» — «Океан потоков сказаний» (в самой книжке Митра-Балл почему-то санскритский подлинник не указан), полностью переведенный на английский язык Тонэй. А. Балл очень удачно справилась со своей задачей: ей удалось в своем переложении сохранить краски и дух оригинала, и в то же время приблизить его к пониманию европейского школяра. Затем А. Балл снабдила каждую главу сказки рядом вопросов, обращенных к юному читателю, заставляющих его вдуматься в творение восточной фантазии и попытаться сопоставить с тем, что ему было до той поры известно, что говорила окружающая его жизнь. Повидимому, составление этих вопросов было делом очень трудным, но А. Балл справилась с этим превосходно: вопросы поставлены тонко, нельзя найти ни одной пошлой фразы.

Теперь от сказок книжных переходим к сказкам, живущим в устах народа, сказкам, которые рассказывает и слушает современный индус. Пред нами два сборника (№ 5 и № 6), оба собранные в Бенгалии. Особенно интересен сборник Мак-Каллока (№ 5). Книга эта составлена так, что может служить двум целям: ее оценит и специалист-фольклорист, и обычный читатель. Мак-Каллок рассказывает нам, как он собирал свои сказки, сообщает подробно: то о молодом бенгальском паньдита (ученый), тонком знатоке санскрита, который рассказывал ему большинство сказок его собрания, говорит и о принципах своего перевода. Самый текст сказок он снабжает примечаниями фольклористического характера, а иногда и бытового. Хотя сам Мак-Каллок говорит скромно о своих примечаниях, что они, наверное, не удовлетворят фольклориста, тем не менее нельзя не признать, что они ничем не отличаются от тех пояснений и примечаний, которыми обычно фольклористы-собиратели, вообще, и индийских сказок, в частности, снабжают издания своих текстов. По большей части в данном случае дело ограничивается указанием на сходные мотивы, обнаруживаемые среди тех или других сказочных сборников, которые, порой, привлекаются совершенно случайно, при чем сами сюжеты остаются в стороне. Конечно, и такая работа может оказаться полезной, но в большинстве случаев она не достигает цели: путем сопоставления отдельных мотивов совершенно невозможно проследить историю и родственные отношения той или другой сказки, объяснить ее современный облик. Для этого необходимы исследования сюжета, исследования, которые должны вестись по другим путям и в ином темпе.

Сказки, передаваемые Мак-Каллоком, обращают на себя внимание своей большой

литературностью, своей стройной композицией и порой кажутся заимствованными из какого-нибудь книжного сказочного сборника, которыми так богата Индия. Мы не имеем никаких оснований приписывать переводу Мак-Каллока, его передаче бенгальского подлинника это впечатление литературного произведения. Наоборот, все говорит за то, что английский переводчик с возможной близостью передает нам индийский, бенгальский текст. Разгадка кроется в пересказчике сказок, в молодом пандита, умевшем, как нам повествует Мак-Каллок, передавать свои сказки не только на родном бенгальском наречии, но и на санскритском языке. Бенгальский пандита, — как это вообще не редко случается, был не только пересказчиком, но до известной степени и автором, составителем своих сказок, и при достаточном литературном образовании и навыке мог им давать вполне литературную, хотя и не записанную устную обработку. На подобные явления фолклорист должен обращать всегда особое внимание.

Другой сборник (№ 6) — «Бенгальские волшебные сказки» — более обычен. Сказки собраны и переданы далеко уже не с такой тщательностью, как Мак-Каллоком, сюжеты менее занимательны, не так сложны и построены проще. Но, конечно, и этому сборнику найдется место среди других книг, посвященных живым индийским сказкам, каких довольно много на английском языке, по количеству которых придется признать совершенно незначительным, если вспомнить то богатство и разнообразие фолклорного материала, каким располагает Индия.

Все рассматриваемые книги изданы очень изящно и, за исключением «Индийских сказок» Митра-Бэла и книги Мак-Каллока, все снабжены иллюстрациями по большей части европейских художников; иллюстрации же последнего сборника «Бенгальские волшебные сказки» принадлежат Абанидранату Тагору.

Б. Владимиров.

Persian Tales written down for the first time in the original kermāni and bakhtiāri and translated by D. L. K. Lorimer and E. O. Lorimer with illustrations by Hilda Roberts; Macmillan and Co. Lmd., London 1919.

Как это ни странно, но персидские сказки, имеющие чрезвычайно важное значение для сравнительного изучения фолклора, очень мало известны в Европе, особенно народные персидские сказки. Рассматриваемая книга Лоримеров является прекрасной попыткой заполнить частично этот пробел. Хотя «Персидские сказки», записанные на керманском и бакhtiарском наречии и переведенные на английский

язык Лоримерами, рассчитаны, по всем данным, на широкий круг читателей, тем не менее они являются чрезвычайно ценными и для фолклористов — исследователей. Не специально-научный облик книги несколько не повредил ей и в чисто научном отношении. Несмотря на отсутствие объясняющего предисловия и примечаний, читатель оказывается в должной мере осведомленным о том, где и каким образом были собраны эти сказки: заголовок и словарь персидских слов, встречающихся в английском тексте сказок, с достаточно полными объяснениями, вполне отвечают на вопросы, возникающие у читателя. Правда, нет никаких указаний на сходные параллели в других сказочных сборниках. Но и от этого книга Лоримеров не страдает, потому, что обычно приводимые собирателями сходные мотивы очень мало чем помогают исследователю и только отпугивают своей громоздкостью обычного читателя. Главное, чего следует требовать от собирателя-фолклориста: текст сказок в хорошем переводе с необходимыми пояснениями. А этой задаче книга Лоримеров удовлетворяет вполне.

Знакомый с индийскими сказками будет поражен при чтении рассматриваемых «Персидских сказок» сходством сюжетов и мотивов в этих керманских и бакhtiарских сказках, в которых подлинное иранское как-бы отсечается на задний план. Здесь мы встречаем сюжеты, хорошо нам известные по знаменитым сказочным сборникам Индии: «Двадцать пять рассказов Вампира», «Тридцать два рассказа трона даря Викрамāditya», «Паньчатантра» и друг. Встречаем мы также сюжеты, известные нам по народным индийским сказкам, в особенности по сказкам, собранным в Пенджабе и Кашмире, странах, лежащих по соседству с Персией.

Среди подобных сказок особенно интересно отметить такие, которые как бы выкристаллизировались в определенную форму настолько, что сюжет почти не меняется при странствовании сказки даже в отдаленные края. Например, XXXI сказка собрания Лоримеров «Сказание о волшебной птице» почти совпадает с одной монгольской сказкой «История серой пташки», записанной Г. Н. Потаниным на границах Сибири (см. его «Очерки С. З. Монголии», IV, № 160). — Сказка эта несомненно индийского происхождения, даже книжного санскритского. Устный народный пересказ осложнил ее внесением новых мотивов, сконструировал по новому, создал новое развитие сюжета. А затем сказка эта, старая и новая в одно и то же время, вылившись в определенную форму, отправилась путешествовать с одной стороны, в Персию, с другой стороны — в далекую Монголию, куда она попала, по всей вероятности, при

посредстве Тибета. Но, несмотря на это, персидская и монгольская сказка оказываются необычайно близкими друг другу, и обе ясно говорят о своем индийском происхождении.

Книга Лорпмеров издапа превосходно, снабжена иллюстрациями и можно пожалеть только об отсутствии в ней указателя.

Б. Владимиров

L. Finot, Recherches sur la littérature laotienne. Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient, XVII, № 3, 1917.

Литература страны Лаос, очень интересной страны индийской культуры в Индо-Китае, до самого последнего времени была почти не исследована. Известный французский ориенталист, Луи Фино, обследовав рукописи, в Лаосе и в Ханое, туземные рукописи, дает нам солидный труд — общий обзор всей литературы Лаоса. Вслед за описанием особенностей лаосского письма и лаосской палеографии, проф. Фино переходит к обзору буддийско-религиозной литературы, канонической и внеканонической, а затем приступает к рассмотрению светской литературы, остановившись с особым вниманием на лаосских повестях, сказках, легендах. Лаосские сказки по своему происхождению, среди них особенно замечательна Паньчатантра. Эта книга, обойдя почти весь мир, не забыла заглянуть и в Лаос и вышла там в особую версию, знакомство с которой может доставить много радости всем интересующимся мировыми бродячими сюжетами. Благодаря подробному анализу проф. Фино, лаосская версия Паньчатантры делается доступной всякому, и на основании ее уже теперь можно внести разные поправки и дополнения в историю миграции знаменитой книги.

Лаосские романы являются произведениями более национальными и по форме, и по сюжету. В них господствуют стихи; лаосский стих оригинален, он приближается к типу полиморфного стиха, где наблюдается определенный ритм, но нет рифмы и не требуется определенное число слогов.

В конце своей книги проф. Фино прилагает список заглавий всех лаосских сочинений, ставших ему известными по рукописным собраниям буддийских монастырей Лаоса и библиотеки французской Дальневосточной Школы в Ханое. Думается, что примеру проф. Фино должны бы последовать представители и других областей востоковедения: не дожидаясь составления полных ученых описаний имеющихся в их распоряжении восточных рукописей, поскорее дать их списки, что вывело бы на свет много интересного, остающегося до сих пор известным только отдельным ученым.

Б. Владимиров

Sino-Iranica, Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran, with Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products by Berthold Laufer, Curator of Anthropology, Field Museum of Natural History, Publication 201, Anthropological Series, vol. XV, № 3, The Blackstone Expedition, Chicago 1919.

Интерес к Ирану заметно возрос за последние годы, в особенности с тех пор, как были разобраны памятники согдийского языка, открытые в песках Восточного Туркестана, и было выяснено значение иранской, и согдийской в частности, культуры для народов Средней Азии.

В своей новой книге «Sino-Iranica» неутомимый исследователь, Бертольд Лауфер, снова обращается к Ирану и останавливается на большом и трудно-разрешимом вопросе о влиянии последнего на Китай, на китайскую культуру. У Лауфера мы находим и обильный материал, и интересный подход к делу: книга его оригинальна, она как бы выходит из рамок обычных работ ориенталистов-филологов.

Б. Лауфер на основании китайских источников исследует время и условия распространения разных культурных растений и растительных продуктов из Ирана в Китай; попутно он делает экскурсы в соседние области, рассматривает иранские культурные растения у других азиатских народов, главным образом, народов Средней Азии. Тут и виноград, и сахар, лук, перец, огурец, разные злаки, фиги, олива, морковь, текстильные растения, ароматы; одна глава посвящена иранским минералам, металлам и драгоценным камням.

В исследовании своем Б. Лауфер выступает не только во всеоружии ориенталиста, но и вполне подготовленным естествоиспытателем, хорошо знакомым со всей специальной литературой, в том числе и на русском языке. Поэтому книга его может быть интересна не одним только ориенталистам; ею должны заинтересоваться и географы, и естествоиспытатели вообще, в особенности же ботаники. Надо отметить при этом, что книга Б. Лауфера составлена так, что может оказать большую пользу и практическим деятелям, напр., Туркестана.

Конечно, при том обилии материала, с каким приходится иметь дело Б. Лауферу, в его книге неизбежны разные частные промахи, и специалисты из разных областей знания, наверно, их отметят, но в общем, можно сказать, такие недочеты, напр., очень рискованные и мало-обоснованные этимологии, не портят этого выдающегося труда.

Несколько слов Б. Лауфер посвящает отражению Китая в иранских и других сказаниях об Александре Македонском.

Б. В.

Romances of Old Japan, Rendered into English from Japanese Sources by Madame Yukio Ozaki. London: Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent and Co., Ltd. (278 стр.).

Красиво изданная книга с многообещающим заглавием: «Сказания старой Японии, переданные на английский по японским источникам Ю. Озаки». Но она вызывает очень много недоумений.

Рассматриваемая книжка рассчитана, конечно, на обыкновенного читателя. Но и такому читателю — не ориенталисту — хотелось бы иметь более точные сведения о том, откуда заимствованы эти «Сказания»; ведь находит же возможным Ю. Озаки давать ученое латинское название упоминаемым в ее рассказе растениям, находит же она нужным приводить местами японский текст (в латинской транскрипции) японских поговорок и других стихотворений; наконец, она довольно точно определяет пересказываемые ею драмы. Далее, книга украшена многочисленными рисунками, но нет никаких указаний, чьи это рисунки, откуда взяты, оригинальные японские или европейские? Да и само заглавие не вполне соответствует дальнейшему: мы встречаем в книге и пересказ драмы, и рассказы из совсем недавнего прошлого.

Все эти промахи и недочеты лишают книжку Ю. Озаки какого-либо научно-литературного значения; мы даже поставлены в затруднительное положение для того, чтобы судить, насколько близко передает Ю. Озаки японский подлинник. Где эти подлинники?

Но, всетаки книжку Ю. Озаки нельзя оставить совсем без внимания. Несмотря на все свои недостатки, она всетаки к е-что дает, показывает нам, хотя бы и очень не совершенно, японские народные сказания, повести, японскую сказку. А не надо забывать, что в Европе японская народная литература, японская сказка известны очень и очень плохо.

Содержание книги Ю. Озаки довольно разнообразно: здесь и пересказы литературных произведений, пересказы драм, народные повести и волшебные сказки. Среди последних оказывается одна — «Храм с барсуком», — которая принадлежит к тому фольклорному материалу, который в руках китайского писателя Пу Сунлина превратился в изящные рассказы о «Лисьих чарах». Разделяя вместе с китайцами воззрение на лису, как на оборотня-чародея, японцы смотрят так же и на барсука и о нем рассказывают такие же волшебные сказки.

Из других рассказов книжки Ю. Озаки останавливает на себе внимание сказание о «Перерождении Тама». В этой красивой сказке неожиданно, вслед за чудесами «Старой Японии», является новая жизнь; в волшебной сказке находится место для новой

Японии паровых машин и государственных школ. Сказка эта не только интересна, но и как бы символическа для Японии.

Б. В.

Ибн Зейдун, поэт Андалузии.

В 1920 году профессор в алжирской Константине А. Кур (A. Cour) напечатал большую работу об арабском поэте XI века Абу-ль-Валиде Ибн Зейду. Книга заслуживает внимания не только узкого круга специалистов по арабской поэзии уже потому, что это первая монография об арабском поэте в Испании. Знакомство с этой областью до сих пор черпалось из блестящих, но слишком кратких характеристик в общих трудах А. фон Шакка, не всегда основанных на полном привлечении относящегося сюда материала. Иногда, по одному случайно оброненному замечанию, суждения закреплялись на десятки лет, благодаря авторитету обеих работ и неудивительно, что Кур приходится восставать, например, против наименования Ибн Зейдуна арабским Тибуллом, утвердившегося за ним со времен Дои.

Полного дивана (собрания стихотворений) не дает и Кур, при этом, к сожалению, из него, но зато впервые рукописный материал обследован с такой полнотой. По предшествующим работам Кура видно, что он преимущественно историк; и здесь исторической части уделено особое внимание.

Как по эпохе, так и по личности Ибн Зейдуна тема этого вполне заслуживает. Правда, время единого государства для Испании уже прошло; блеск кордовского халифата, руководимого первыми завоевателями и объединителями полуострова мейядами, переходил уже в воспоминание. Славу единого государства разделили между собой мелкие эмираты — княжества. Утратив единство, культура утратила и первичность, однако еще в эту эпоху соперничество отдельных дворов и владений иногда влекло полезное соревнование, и могло казаться, что культура не только остановилась, но продолжает идти вперед. Утонченность развития шла, конечно, рука об руку с падением нравов и в обоих отношениях эпоха не редко напоминала итальянские республики позднего средневековья, как отмечено одним русским ученым; отдельные имена этого периода все же перешли в арабские хроники с ореолом не меньшей славы, чем кордовские эмиры; таков был и тот севильский князь аль-Мутамид, у которого Ибн Зейдун кончил свои дни, князь одинаково известный поэтическим даром и трагической судьбой. Ибн Зейдун выступает не только поэтом, но и сановником; его деятельность в этой роли с одинаковой легкостью открывала ему путь то к почету, то к тюрьме.

Детали его жизни не всегда ясны, но общие условия хорошо обрисовываются стихотворениями—этим дневником жизни каждого арабского поэта.

К сожалению, для исследователя поэзии, историческое значение наследия Ибн Зейдуна отнесено у автора на задний план его литературное: анализу поэтического творчества посвящено крайне незначительное место по сравнению с биографией. Между тем, именно с этой точки зрения он представляет благодарный материал. Конечно, нельзя отрицать, что его творчество носит традиционный ложно-классический характер—в этом смысле он очень близок к Абу Теммamu или аль-Мутанаббii на востоке, но арабская критика не без основания считает его одним из первых поэтов арабской Испании и с этим, сохранив указанную оговорку, не трудно согласиться. Тем более жаль, что А. Кур не счел нужным остановиться детальнее на литературном анализе. Вопросы поэтического образования, композиции и стили затрагиваются им крайне поверхностно; во всей этой части заметно или незнание, или полное игнорирование работ немецкой школы, в которой за одни последние десятилетия труды Шварца или Гейера могут служить прекрасным в методическом отношении образцом.

Нельзя не отметить неудачной системы издания арабских образцов без огласовки, приведения вариантов и, вообще, без соблюдения обычных теперь приемов издания. В таком виде эти образцы доступны только очень хорошему знатоку арабской поэзии; для обыкновенного же среднего арабиста они дадут еще меньше, чем мало удовлетворительная рукопись. Читатель будет благодарен Куру за французские переводы, которыми он сопровождает почти все стихотворения и которые занимают большую часть книги. К сожалению, это самая неудовлетворительная сторона работы—эти переводы кишат таким количеством элементарных промахов, которые заставляют думать об очень большой поспешности труда и малой начитанности в поэтической литературе.

Несомненная заслуга книги Кура в том, что она впервые суммирует материал о крупнейшем поэте Испании; однако, научный анализ его наследия попрежнему остается впереди.

И. Кр.

● Русское Археологическое Общество выпустило к столетнему юбилею Азиатского Общества в Париже роскошное издание, посвященное *археологической экспедиции 1916 года в Ван*, в частности, раскопкам двух ниш на ванской скале и надписи Сардура II из раскопок западной ниши. Вслед за общим введением Н. Марра издание содержит два доклада И. Орбели и Н. Марра, сопровождаемые семью таблицами клинописных снимков и двадцатью таблицами фотографий и чертежей. О научном значении экспедиции специалистам давно было известно по статьям и устным сообщениям ее участников; с полным блеском оно выступает в настоящем монументальном труде. Техническая сторона издания может быть признана идеальной даже и в условиях нормального времени.

И. Кр.

● Государственным Эрмитажем в ноябре 1922 г. открыта временная выставка сасанидских древностей, богатством которых Россия по праву гордится перед Западной Европой. Хранителем Эрмитажа И. А. Орбели выпущена роскошно изданная брошюра, которая помогает интересующимся не только разобраться в выставочных предметах, но и во всех вопросах, связанных с сасанидским искусством. Несмотря на небольшой объем брошюры (15 стр. in 4°), она дает полную характеристику сасанидского искусства, удачно восполняющую отсутствие аналогичных очерков и в России, и в Европе. Редкое мастерство в распоряжении материалом не только основной области, но и всех с нею смежных, дает право видеть в И. А. Орбели достойного продолжателя пок. акад. Я. И. Смирнова, лучшего в мире знатока сасанидских древностей.

И. Кр.

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ ИГН. ГОЛЬДЦИЭРА

(1850—1921 г.).

С опозданием почти на полгода пришла к петроградским востоковедам весть о кончине одного из крупнейших ориенталистов нашего времени, профессора в Будапеште Игн. Гольдциэра, умершего 13 ноября 1921 года. Целый ряд духовных нитей связывал его с Россией. Юные годы он провел в школе великого лейпцигского «шейха» Флейшера, ученики которого в предшествующем нам поколении занимали большинство кафедр в Европе. В этой школе завязалась его дружба с будущим академиком В. Р. Розеном, крупнейшим русским арабистом за вторую половину прошлого века. Тесная дружба, ничем не омраченная и не прерывавшаяся до самой смерти Розена в 1908 году, оставила свой след не только в обширной переписке, но и в той моральной поддержке со стороны петроградского ученого, о которой Гольдциэр открыто говорил и в своих ученых трудах, и частных беседах, особенно с учениками Розена; на них он как бы перенес свои симпатии и дружбу с покойным. А в такой духовной поддержке Гольдциэр часто нуждался: еврейское происхождение наложило тяжелый отпечаток на весь жизненный путь этого ученого — венгерского уроженца. Достаточно сказать, что, будучи уже всемирной известностью, он не мог получить вакантной кафедры в родном будапештском университете: только в 1895 году, когда ему была предложена профессура в Кембридже, венгерское правительство согласилось на его утверждение в Будапеште. Но и профессура не дала ему материального обеспечения, и еще долгие годы он вынужден был нести утомительный, поглощавший почти все его время труд секретаря еврейской общины. Если несмотря на это он не только создал целую эпоху в науке своими трудами, но

и до конца дней продолжал трудиться так же интенсивно, как в дни юности, то это можно объяснить, помимо колоссальной трудоспособности и духовной энергии, только неугасимой любовью к чистой науке, увлеченней его с первых шагов. Истинное величие его характера сказалось в том, что жизнь, нисколько не озлобила его и не подрезала оптимистического взгляда на мир: до последних лет в нем чувствовалась ничем не поколебленная доброжелательность ко всем людям и особенно мягкая душевная чуткость в обращении с молодыми начинающими учеными.

С именем Гольдциэра останется связанным целый период в истории той науки, которую за последние годы принято называть исламоведением. Давно уже признано, что в этой области, наряду с голландским ученым Снук Хюргронье, он является первым авторитетом. Труды последнего чаще носили специальный характер; написанные иногда на мало доступном для большинства голландском языке, они редко выходили за круг специалистов, и проводником новых теорий и взглядов в этой области явился преимущественно Гольдциэр. Правда, и он часто писал на венгерском языке, но все главные труды и результаты самостоятельных венгерских исследований обыкновенно излагались им по-немецки. Трудно было бы дать общую характеристику работ Гольдциэра уже благодаря их количеству: список, составленный его учениками к 60-летию юбилею, заключал около 1.000 номеров, а с той поры его работа не прекращалась и дала несколько крупных томов и десятки мелких статей. Так же трудно ее характеризовать и благодаря разнообразию тем: будучи исламоведом по преимуществу, он оставил тем не менее капитальные работы по самым разнообразным отраслям арабской филологии в широком смысле слова, по еврейской философии и литературе, по сравнительной этнографии и пр. Его любви

мыми сферами были две первых области и, вероятно, в них значение его трудов окажется наиболее длительным. Этапы развития его теорий здесь отмечались крупными работами, быстро входившими в обиход мировой науки.

Славу одного из первых исламоведов упрочил за Гольдциэром двухтомный труд—*Muhammedanische Studien* (1889—1890). Он показал, что преимущественное внимание Гольдциэра направляется в область «идей ислама», а не его внешней истории или отражения в быте и материальной жизни последователей. В известном смысле это направление примыкало к работам австрийского ученого Кремера, который в сущности и заложил первые основания новой науки об исламе в 60—80 годах. В распоряжении Гольдциэра был не только более выработанный научный метод и крупный талант, но и большой материал, переработанный с редкой начитанностью. Первый том его этюдов был посвящен вопросу о самом зарождении этих идей на почве языческой Аравии, о борьбе старо-арабской и мусульманской идеологии, продолжавшейся и после распространения ислама за пределами Аравии. Даже кажущаяся победа единого ислама не прекратила борьбы, принимавшей теперь формы вражды различных национальностей—арабов и персов или принципов национальности и единства в исламе. Второй том толкует казалось бы о более специальном вопросе—истории мусульманского предания в его житейской и литературной форме, однако, поход Гольдциэра настолько широк и важен в обще-культурном отношении, что и этот том стал скоро настольной книгой всякого ученого, приходящего в соприкосновение с мусульманским миром. Эта книга, окончательно упрочившая славу Гольдциэра, была первой, которая позволила заново построить всю картину исторической эволюции ислама.

Вторая крупная работа Гольдциэра *Abhandlungen zur arabischen Philologie* (1896—1899) захватывала несколько иную область—арабскую поэзию. Изучая древнейшую стадию, Гольдциэр установил тесную связь поэзии с религиозно-культурными переживаниями и особенно ярко осветил вопрос о происхождении и первоначальном развитии некоторых ее форм. Его характеристика и анализ древне-арабских сатир навсегда остаются классическим образцом работ такого рода.

К шестидесяти годам жизни Гольдциэр подвел итог своим специальным исследованиям в «Лекциях по исламу» (1910), которые он собирался прочесть по приглашению в Америке. По своей структуре они несколько примыкали к одному общему очерку о религии ислама, помещенному им не задолго до того в известной немецкой серии «Современная культура». Очерк предста-

вляет мастерской образец старого стиля энциклопедии и служит до наших дней едва ли не лучшей схемой общей истории развития мусульманской идеи. Предназначенные для нескольких других целей «Лекции» набрасывают ту же картину в значительно более широком масштабе; с некоторыми деталями и литературными иллюстрациями, оживляющими изложение. Перед читателем здесь проходит вся история ислама, начиная с периода Мухаммеда, кончая религиозными движениями XIX века бабидов и Ахмедия, равно как модернистскими течениями в современной Индии и Египте. Обе работы переведены на русский язык и должны были бы стать руководством для всякого приступающего к знакомству с мусульманским миром. Можно отметить, что английский и французский перевод «Лекций» был опубликован непосредственно по окончании мировой войны.

Последнее десятилетие жизни Гольдциэра, несмотря на обычное разнообразие тем, характерно особенно работами по истории коранического экзегеза. Приглашенный в 1913 году прочесть ряд лекций в Упсале, он выбрал эту тему, над которой тогда работал. Переведенные с рукописи на шведский язык лекции были опубликованы в 1915 году. Продолжая работу над ними, Гольдциэр выпустил их в совершенно переработанном виде обширным томом, под названием «Течения мусульманской экзегетики». Издавая работу в 1920-м году к дню своего 70-летия, в обширном предисловии Гольдциэр назвал книгу своей лебединой песней. Грустью веет от этого предисловия: в нем рассказано с эпическою простотой и обычным спокойствием, как нерадостны были последние годы жизни великого ученого, так же нерадостны, как и первые шаги на избранном поприще. Опять повисли материальные затруднения, семейные несчастья и политические осложнения, казалось, объединились, чтобы подорвать энергию великого ученого. Этого не случилось: его лебединая песня звучит так же мощно и бодро, как первые труды. 70-летие Гольдциэра было торжественно отмечено Венгерской Академией Наук, членом которой он уже давно состоял, но в этом торжестве мудрый старец видел лишь «приготовление к похоронам», как он писал в Лейден своему другу Снук Хюргронье.

Труды Игн. Гольдциэра навсегда сохраняют его имя в истории науки. Нынешнее поколение ученых может гордиться тем, что запечатлено в своей памяти облик редкой духовной красоты и величия, мягкой обаятельности и доброжелательства, который навсегда связывался с Гольдциэром у всех тех, кто имел великое счастье знать его близко.

И. Крачковский

Август 1922.

ПАМЯТИ И. П. КУЗЬМИНА

(+ 28 мая 1922 г.).

Горевал я и как горевал! об одном бутоне, что ветры сорвали с ветвей!

Рейзани.

Тяжело учителю провожать в могилу своего ученика, но невыносима эта тяжесть, если ученик делается уже помощником, если мерцала надежда, что он придет на смену одному из часовых, которых судьба держит на посту, точно позабыв, что в жизни иногда нужно считать месяц за год.

Подпись И. Кузьмина стоит под одной неприязнительной заметкой в первом номере «Востока», его перевод повести о Хайе сыне Яхзана был первой книжкой, выпущенной восточным отделом «Всемирной Литературы». К работе издательства он стал близко с первых шагов и не покидал ее до последних дней. Почти закончен им перевод не опубликованной еще на европейских языках версии Калилы и Димны—этого поистине мирового памятника, давшего разветвления во всех почти существующих литературах. Для второй книжки «Востока» он готовил статью о современном религиозном движении в Индии—«Ахмедия», которое осветилось яснее благодаря материалам, полученным за последний год из Англии и Индии. И с грустью надо продолжить, что не только «Всемирная Литература», но и все другие области, в которые еще так недавно—только два года тому назад—вошел И. П. Кузьмин, горько почувствуют его утрату, подведут печальный итог тому, что начинало обрисовываться, но не получило завершения. Он был молод, сам пришел на смену другим, но его заменить уже не кем.

Даровитый, разносторонний и увлекающийся,—несмотря на свою недолгую жизнь (он родился в 1893 году), несмотря на сложные условия высшего образования за этот период (он поступил в университет в 1914 году),—Кузьмин сумел определенно наметить свой путь и сознательно двигаться по нему, преодолевая все препятствия со стороны

внешних обстоятельств и своей рвавшейся в разные стороны беспокойной натуры. Область исламоведения и арабской философии рано привлекла его научный интерес. Правильно поставив свою задачу, он не ограничился изучением только арабского материала, над которым собирался работать, но и серьезно познакомился с европейской философией—древней, средней и новой. Став преподавателем университета уже в 1920 году, он мог впервые ввести никогда раньше не объявлявшийся курс по истории арабской философии. В этой сфере намечались и его специальные работы—диссертация об арабско-испанском философе Ибн Туфейле, готовилось издание одного трактата ал-Газали...

Другой стороне его подвижной натуры отвечало преподавание в Институте Живых Восточных Языков, куда он был привлечен с самого возникновения в том же 1920 году. Наше суровое время часто безжалостно рано вовлекает людей в ответственную работу, не давая им возможности спокойно к ней подготовиться. Тяжкой школой явилась для Кузьмина необходимость начать преподавание одновременно в двух высших учебных заведениях. Положение усложнялось тем, что в Институте на нем с самого начала лежал весь арабский разряд и часть административной работы по должности ученого секретаря Совета. Живой интерес к делу, быстро установившиеся дружественные отношения со слушателями—все это давало право надеяться, что и тут будет найден верный путь и новое дело закрепится в Петрограде. Надежды обмануты: ничтожная дарапина на пальце от перевозок дров вызвала заражение крови и после месяца отчаянной борьбы молодого организма, подточенного уже последними годами, жизнь была обрвана. Жизнь не долгая, но прожитая с честью. Окинув с того порога годы своего, по существу еще не законченного учения, носитель этой жизни не только мог бы сказать «Вкусная вусух мало меду и се аз умираю», но и с полным правом добавить «В мале бы есмь верен»...

И. Крачковский

О Т Р Е Д А К Ц И И

В книге I «Востока» на стр. 38, по недосмотру, под китайской заставкой сделана неверная подпись, которую следует исправить так: «Китайский эпиграф к предыдущему рисунку».

По случайным причинам хроника московского востоковедения (Ассоциация Востоковедения, Институт Востоковедения и др.) не помещена в настоящем номере «Востока», за что редакция приносит свое извинение авторам заметок.

Редакционная коллегия: проф. В. М. Алексеев, проф. Б. Я. Владимирцов, акад. И. Ю. Крачковский, акад. С. Ф. Ольденбург, А. Н. Тихонов.

Редакция и контора: Петербург, Моховая, 36.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
Индийский национальный гимн.— Стих., перевод с бенгальского <i>М. Тубянского</i> , с пояснительной заметкой <i>М. Т.</i>	3
Феридеддин Аттар.— Книга о соловье.— Перевод с персидского <i>Е. Бертельса</i> , вступительная заметка <i>Е. Б.</i>	5
Библейская лирика.— Стихотворения. Перевод с древнееврейского <i>А. Эфроса</i> . Вступительная заметка <i>А. Э.</i>	19
Насыф Аль-Языджи.— Проповедник.— Рассказ, перевод с арабского <i>И. Крачковского</i> . Вступительная заметка <i>И. К.</i>	31
Ли Бо.— Древнее.— Перевод с китайского <i>В. Алексева</i> . Вступительная заметка и примечания <i>В. А.</i>	35
Рассказы из Исэ.— Перевод с японского <i>Н. И. Конрада</i> . Вступительная заметка <i>Н. К.</i>	41
Рассказ о волшебстве.— Сказка.— Перевод с монгольского <i>Б. Владимирцова</i>	55
Фет-али-Ахундов.— Обманутые явезды.— Рассказ, перевод с турецкого <i>П. Фалева</i> . Вступительная заметка <i>П. Ф.</i>	58
М. Мануэлян.— Сказка.— Драматический этюд. Перев. с армянского <i>П. Макинунян</i> . Вступ. заметка <i>Г. А.</i>	77
Ф. Розенберг.— Об индо-персидской и новоиндийской живописи	83
А. А. Ромаскевич.— Литературное движение в современной Персии	92
В. Струве.— Происхождение семитического алфавита	101
В. Алексеев.— Очерки современного Китая	105
Вл. Котвич.— Среди монгольских племен	118
Востоковедение: — Первый съезд русских египтологов. <i>И. Франк-Каменецкого</i> . — Сообщения: <i>В. Котвича</i> , <i>В. Алексева</i> , <i>И. Крачковского</i>	126
Библиография: <i>Б. Владимирцова</i> , <i>Д. П.</i> , <i>М. Тубянского</i> , <i>В. Алексева</i> , <i>И. Кр.</i> , <i>В. Котвича</i> , <i>С. Ольденбурга</i> , <i>А. Самойловича</i> и др.	137
Некрологи: Памяти <i>Игн. Гольдцизара</i> и <i>И. П. Кузьмина</i> — <i>И. Крачковского</i>	162

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Каталог Западно-Европейской и Американской Литературы.

Каталог Литературы Востока.

Принципы художественного перевода (Сборн. статей).

„Литература Востока“ сборники I и II.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА:

<i>Д. Г. Байрон</i>	— „Драмы“.
„	— „Дон Жуан“, ч. 1-я и 2-я.
<i>О. де-Бальзак</i>	— „Крестьяне“.
<i>Лили Браун</i>	— „Письма маркизы“.
<i>Э. Верхарн</i>	— „Поэмы“.
<i>Г. Гейне</i>	— „Путевые картины“, ч. 1-я и 2-я.
<i>В. Гете</i>	— „Фауст“, ч. 1-я и 2-я.
„	— „Страдания юного Вертера“.
<i>И. Гердер</i>	— „Сид“.
<i>К. Гольдони</i>	— „Комедии“, т. 1-й и 2-й.
<i>Бр. Гонкур</i>	— „Братья Земганно“.
<i>Т. Гоффман</i>	— „Музыкальные новеллы“.
<i>В. Гюго</i>	— „93-й год“.
<i>Ч. Диккенс</i>	— „Повесть о двух городах“.
<i>Э. Зола</i>	— „Западня“.
<i>Бласко Ибаньес</i>	— „Проклятый хутор“.
„	— „Власть мертвых“.
<i>Ибн-Туфейль</i>	— „Роман о Хайе сыне Якзана“.
<i>Г. Клейст</i>	— „Собрание сочинений, т. I“.
<i>Эса де-Кэйрош</i>	— „Реликвия“.
<i>Ш. де-Костер</i>	— „Легенды об Уленшпигеле“, ч. 1-я и 2-я.
<i>К. Лемонье</i>	— „Завод“.
„	— „Рог призыва“.
<i>А. Р. Лесаж</i>	— „Хромой бес“ и „Тюркарэ“.
<i>Ляо-Чжай</i>	— „Лисьи чары“.
<i>К. Ф. Мейер</i>	— „Новеллы“.
<i>П. Меримэ</i>	— „Театр Клары Газуль“.
<i>Монгольские сказки</i>	— „Волшебный мертвец“.
<i>Г. де-Мопассан</i>	— „Милый друг“.
„	— „Сильна, как смерть“.
<i>Новалис</i>	— „Гейнрих фон Офтердинген“.
<i>Р. Роллан</i>	— „Театр революции“.
„	— „Трагедии веры“.
<i>О. Уитмэн</i>	— „Листья травы“.
<i>Усама ибн-Мункыз</i>	— „Книга назидания“.
<i>Г. Уэллс</i>	— „Война в воздухе“.
<i>Г. Флобер</i>	— „Воспитание чувства“.
„	— „Саламбо“.

<i>А. Франс</i>	— „Восстание ангелов“.
<i>А. Франс</i>	— „Остров пингвинов“.
—	— „Рассказы“.
<i>Б. Шо</i>	— „Пьесы“.

Антология Китайских Лириков.

Печатается и готовится к печати:

<i>Г. Клейст</i>	— „Собрание сочинений“, т. 2-й.
<i>К. Гоцци</i>	— „Сказки для театра“.
<i>Д. Дефо</i>	— „Робинсон Крузо“.
<i>Э. Зола</i>	— „Труд“.
<i>Стендаль</i>	— „Пармский монастырь“.
<i>Вольтер</i>	— „Орлеанская дева“.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

<i>П. Бенуа</i>	— „Атлантида“, роман.
<i>С. Бржозовский</i>	— „Зарево“, роман из эпохи народовольцев.
<i>Г. Верфель</i>	— „Человек из зеркала“, пьеса.
<i>К. Гамсун</i>	— „Соки земли“, роман.
<i>Г. Гауптман</i>	— „Зимняя баллада“, пьеса.
<i>П. Гзелль</i>	— „Беседы А. Франса“.
<i>О. Генри</i>	— Рассказы.
<i>Г. Гольст</i>	— „Лирические драмы“.
<i>С. Лагерлев</i>	— „Гномы и люди“, рассказы.
<i>Р. Маран</i>	— „Батуала“, африканский роман.
<i>К. Мейринк</i>	— „Голем“, роман.
<i>Ж. Ромэн</i>	— „Доногоо-Тонка“, кинематографич. роман.
<i>Р. Роллан</i>	— „Кола Бренъон“, роман.
—	— „Пьер и Люс“, роман.
—	— „Клерамбо“, роман.
<i>Синг</i>	— „Герой“, пьеса.
<i>Э. Синклер</i>	— „Сто процентов“, роман.
<i>Г. Уэллс</i>	— „Неугасимый огонь“, роман.
<i>А. Франс</i>	— „Жизнь в цвету“, роман.
<i>К. Эдшмид</i>	— „Шесть притоков“, новеллы.

Печатается и готовится к печати:

<i>Г. Д'Аннунцио</i>	— „Ноктюрн“.
<i>О. Генри</i>	— „Короли и капуста“, роман.
<i>М. Маркс</i>	— „Женщина“, роман.
<i>М. Матерлинк</i>	— „Белая невеста“, пьеса.
<i>Экспрессионизм</i>	— Сборник статей с иллюстрациями.
<i>К. Эдшмид</i>	— „Тимур“, рассказы.
<i>Ф. Бремер</i>	— „Туманность Андромеды“, роман.

ВЫШЕЛ В СВЕТ ИЗДАВАЕМЫЙ
„ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ“

ЖУРНАЛ:

„СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД“

КНИГА 1-я и 2-я

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Е. И. Замятина, Л. Н. Тихонова и К. И. Чуковского.

===== ПЕЧАТАЕТСЯ № 3. =====

ПЕЧАТАЕТСЯ № 3 ЖУРНАЛА

„ВОСТОК“

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА

В ТОРГОВОМ СЕКТОРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1) Москва, Ильинка, Биржевая площадь, уг. Богоявленского
просп., № 4.

2) Петербург, Проспект 25 Октября, № 28, тел. № 549-32.

